

www.ifes-ras.ru/js

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
2017, №2

日
本
研
究

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издается 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все статьи рецензируются.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://www.ifes-ras.ru/js>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 68910

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционная коллегия: Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Корчагина Т.И., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мазурик В.П., к.филол.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Стрельцов Д.В. (главный редактор), д.и.н.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гуревич Т.М., д.культурологии, к.филол.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Кузнецов С.И., д.и.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Нечаева Л.Т., д.пед.н.; Носов М.Г., д.и.н., чл-корр. РАН; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симонова-Гудзенко Е.К., д.и.н.; Симотомаи Нобуо, проф. (Япония); Судзуки Ёсикадзу, проф. (Япония); Шнырко А.А., к.филол.н.; Шодиев Ф.К., к.полит.н.; Шулатов Я.А., к.и.н.

Редакция: Белилина Е.В.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Суркова Т.И., (зав. редакцией); Овчинникова Л.В., к.и.н.

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН
© Ассоциация японоведов

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2017, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Полхов С.А. Проблема авторства и генезис текста «Коёгункан» в современной японской историографии (Часть 2)	4
Сорокин С.А. Масштабы внешних миграций на острова Японского архипелага: период Яёй – начало VIII века.....	20
Дацышен В.Г. Проблемы завершения «Сибирской экспедиции» в Забайкалье. Новые документы по истории японской интервенции в Сибири	29
Паксютов Г.Д. О японской киноиндустрии языком цифр.....	46
Трубникова Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах»: к понятию «доброты», <i>мэгуми</i>	59
Стрельцов Д.В. Угрожает ли что-либо власти ЛДП?	75
Научная жизнь	
Нечаева Л.Т. Конференция молодых преподавателей японского языка.....	87
Книжная полка	
Мещеряков А.Н. О книге «Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР».....	92

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2017, N 2

CONTENTS

P.

Polkhov S.A. The Problem of Authorship and Genesis of <i>Koyogunkan</i> in Japanese Historiography	4
Sorokin S.A. The extent of external migration on the island of the Japanese archipelago: Yayoi period – the beginning of the VIII century	20
Datsyshen V.G. Completion of the “Siberian Expedition” in Transbaikalia. New documents on the History of Japanese Intervention in Siberia	29
Paksiutov G.D. Japanese Cinema Industry in Figures.....	46
Trubnikova N.N. Jikkinshō: to the Concept of megumi [kindness]	59
Streletsov D.V. Is There Any Threat to the LDP Rule?	75
Academic Events	
Nechaeva L.T. Conference of Young teachers of Japanese language (March 23-24 2017).....	87
Book Review	
Meshcheryakov A.N. About the book “Draw a camp. The language of injury in the recollections about the USSR of Japanese prisoners of war”.....	92

Проблема авторства и генезис текста «Коёгункан» в современной японской историографии (Часть 2)*

С.А. Полхов

В статье рассматриваются последние тенденции в исследовании японскими историками происхождения и авторства текста «Коёгункан», источника по истории Японии периода *Сэнгоку* («воюющих княжеств») (последняя треть XV – конец XVI века). В японской науке «Коёгункан» долгое время воспринимался как ненадежный источник. Сейчас происходит определенный отход от прежних стереотипов: несмотря на неточности в хронологии, «Коёгункан» признают во многих аспектах достоверным источником, потенциал которого в полной мере не раскрыт. Вопрос об атрибуции «Коёгункан» остается не решенным до конца. В последнее время были приведены аргументы в пользу более раннего происхождения «Коёгункан». Предполагаемые авторы и составители этого сочинения, несомненно, были связаны с самураями, служившими дому Такэда. «Коёгункан» содержит ценные сведения для изучения мировоззрения и менталитета воинов периода *Сэнгоку*.

Ключевые слова: «Коёгункан», японская историография, Такэда Сингэн, *сэнгоку гунки*, Обата Кагэнори, Косака Масанобу, период *Сэнгоку*.

Правда и вымысел в «Коёгункан»

В последнее время в японской историографии наблюдаются попытки заново оценить достоверность ряда сообщений «К». Считавшиеся вымыслом сведения теперь признаются частично или даже полностью правдивыми. По поводу некоторых фактов, приводимых в «К», по-прежнему продолжается дискуссия. «К» нередко передает информацию, отсутствующую в других источниках, что усложняет ее верификацию.

Имя автора. Как уже было сказано выше, на страницах «К» автором представлен Косака Дандзё Масанобу (高坂弾正昌信). Долгое время многих ученых смущал тот факт, что в «К» фамилия Косака Масанобу записывалась одними иероглифами (高坂), тогда как в документации дома Такэда другими (香坂). Кроме того, в документах, в отличие от «К», он не называл себя Косака Дандзё (高坂弾正) [20, с. 36]. Однако в новейшем собрании

* Окончание. Начало см.: Японские исследования. 2017. № 1.

документов клана Такэда есть примеры, опровергающие эти представления: грамота Такэда с красной печатью 1578 г., подписанная как раз Косака Дандзё (高坂弾正); в более ранней грамоте 1572 г. и недатированном письме он же именуется Косака Дандзё Торацуна (高坂弾正虎綱) [34, с. 259]. Однако имя Масанобу (昌信) применительно к Косака в известных науке документах Такэда, действительно, не встречается [31, с. 247]. Чаще всего Косака фигурирует в документах как Касуга Дандзётю¹ (春日弾正忠) [34, с. 259].

Официальные документы и записи частного характера, которые могли быть составлены Косака Масанобу при участии его двух сподвижников, – разные по своему характеру источники. Вероятно, с этим обстоятельством может быть связано употребление разных именований Косака: варианту, чаще использовавшемуся в официальном делопроизводстве, предпочли (по неясным причинам) альтернативную версию, гораздо реже появляющуюся в документах.

Хронология военных действий. Исследователи неоднократно обращали внимание на несовпадение дат сражений и других событий в «К» в сравнении с другими источниками. Более того, как подозревают ученые, некоторые битвы вымышлены, например, битва при Сэдзава в провинции Синано в 1542 г. Если верить «К», перед этой битвой самураи из Синано Огасавара Нагатоки (1514–1583) и Сува Ёрисигэ (1516–1542) задумали совместный поход на провинцию Каи. Первое их вторжение было отбито, после чего Такэда Харунобу разгромил их при Сэдзава. Предположительно, эта не подтверждаемая другими источниками битва была придумана, чтобы оправдать последующий захват кланом Такэда уезда Сува в Синано [32, с. 215]. Кроме того, в 6-м и 9-м томах «К» даются две разные даты битвы у замка Тоиси в уезде Тиисагата провинции Синано, в которой воины Такэда потерпели поражение от самураев клана Мураками: 1544 г. и 1546 г. соответственно. Между тем заслуживающие доверия хроника «Мёходзики»² и «Кохакусайки» («Записи Кохакусай»), дневник Комаи Масатакэ (?–1563), вассала Такэда, приводят другую версию – 1550 г. [4, с. 149–152].

Серьезные сомнения вызывает и сообщение «К» о битве в 1546 г. на перевале Усуи тогэ, расположенном на границе провинций Синано и Кодзукэ, когда армия Такэда успешно отбила нападение сил *Канто канрэй* (наместника Канто) Уэсуги Норимаса (1523–1579). В уже упомянутых хронике «Мёходзики» и дневнике Комаи Масатакэ говорится о сражении между самураями кланов Касахара, Уэсуги и Такэда в 1547 г. при Отаихара (уезд Саку провинции Синано). Не было ли плодом воображения столкновение на перевале Усуи тогэ, задается вопросом Овада [20, с. 160, 161]. Косака Масанобу не мог так путать и выдумывать битвы, рассуждает ученый. Возможно, батальные эпизоды, в которых фигурирует Ямамото Кансукэ, записал не Косака Масанобу и его помощники, а кто-то другой [20, с. 162]. Ошибки в датах в какой-то степени можно объяснить тем, что значительная часть «К» – это изложение устных рассказов Косака, а не хроника. Как подчеркивал тот же Курода, Косака поведал изустные истории, передававшиеся среди вассалов Такэда, которые с каждым новым пересказом не могли не накапливать определенные искажения действительных событий

¹ Дандзётю – младший помощник ведомства инспекций цензоров.

² Хроника, известная также под названием «Кацуяма-ки», зафиксировала события в провинции Каи, прежде всего её области Гуннай, с древности до начала 1560-х годов.

(см. выше). К тому же во время создания «К» Косака был уже немолод, и его могла подводить память.

Первый бой Такэда Сингэн. В «К» рассказывается о первом военном походе (*уйдзин*), в котором Такэда Харунобу (Сингэн) участвовал под началом своего отца Нобутора зимой 1536 г. (5-й год девиза правления Тэмбун). Войско Такэда из 7–8 тыс. человек подступило к замку Уми-но кути в уезде Саку провинции Синано, который оборонял большой гарнизон в 3 тыс. воинов. Среди осажденных был и пришедший к ним на помощь воин Хирага-но Гэнсин Хоси, согласно «К», обладавший силой десятерых и огромным мечом. Был конец года, выпало много снега. Даймё Нобутора решил отходить в Каи, поставив командовать аррьергардом 16-летнего Харунобу, который сам настойчиво просил об этом назначении. Харунобу, отделившись на некоторое расстояние от замка, остановился, и, выбрав 300 воинов, повернул обратно. Между тем многие самураи уже покинули крепость, вернувшись на празднование Нового года в свои деревни. Отряд Харунобу застал гарнизон врасплох, его воины быстро захватили замок, перебив оставшихся врагов. Харунобу преподнесли голову силача Хирага-но Гэнсин [13, с. 55, 56].

Окуно Такахио счел этот рассказ вымыслом [21, с. 32], признавая, однако, реальность Хирага-но Гэнсин [21, с. 25]. Кобаяси, со своей стороны, указывал, что клан Хирага действительно существовал в уезде Саку, но в середине эпохи Муромати был уничтожен кланом Томоно. Данные «К» не подтверждаются другими более надежными источниками, относящими поход Нобутора в уезд Саку к 1540 г. [7, с. 25]. Исогаи разделял сомнения своих коллег, не веря в реальность Хирага-но Гэнсин. По его мнению, первый поход Такэда Харунобу был придуман, чтобы в один год (1536) уместить несколько событий, возвестивших о начале деятельности Харунобу: первой битве предшествовал обряд совершеннолетия *гэмпуку*, свадьба и получение титула от императорского двора, а также иероглифа *хару* из имени сёгуна [4, с. 110, 111]. Действительно, в «К» рассказу о захвате замка Уми-но кути предшествует сообщение о даровании Харунобу постов управителя провинции Синано (Синано-но ками) и главы управления Дворцового стола (Дайдзэн-но дайбу), иероглифа *хару* из имени сёгуна Асикага Ёсихару, а также о женитьбе молодого Харунобу на дочери столичного аристократа Сандзё Кинъёри (1498–1551) [13, с. 55]. Сасамото Сёдзи также не верит в правдивость истории об успешном нападении в 1536 г. Харунобу на замок Уми-но кути [22, с. 168]. Овада присоединяется к другим ученым, скептически воспринимающим этот рассказ: не перенес ли автор «К» первый поход Харунобу на 1536 г., тогда как в действительности это событие имело место в 1540? Кроме того, другие источники подтверждают использование титула Синано-но ками лишь с 1550 г. Известно, что Нобутора не ладил со старшим сыном: не отложил ли он специально первый военный поход Харунобу, размышляет Овада [20, с. 135, 140]. Однако Сибацудзи склонен доверять сообщению «К» о первом походе Такэда Сингэн, отмечая, что в 1536 г. он занял замок Уми-но кути, принадлежавший клану Хирага [26, с. 18]. Так или иначе, на данный момент все же более убедительной представляется позиция историков, сомневающих в истинности сведений «К» о «боевом крещении» Такэда Сингэн.

«Проблема Ямамото Кансукэ». Немало вопросов по-прежнему вызывают фрагменты «К», повествующие о воине Ямамото Кансукэ. Он представлен как мудрый военный стратег,

собеседник и советник Сингэн, участвующий в выработке военно-политического курса дома Такэда. Согласно 9-му тому «К» Кансукэ был родом из провинции Микава. Он долго путешествовал по Японии, побывав на Кюсю, в области Тюгоку (юго-запад Хонсю), на Сикоку и в области Канто. Затем он поселился у Ихара Ава-но ками, вассала дома Имагава, надеясь поступить на службу к Имагава Ёсимото (1519–1560), который, однако, не проявил к нему интереса. После этого Ямамото Кансукэ покинул провинцию Суруга, и стараниями Итагаки Нобуката (?–1548), вассала Такэда, Кансукэ были обещаны владения с доходом 100 *кан* (100 тыс. медных монет). В 1543 г. Кансукэ был представлен Такэда Сингэн. Даймё будто бы назвал его прославленным воином, несмотря на физические недостатки: Кансукэ не имел одного глаза и хромал. Сингэн пожаловал ему земли с доходом вдвое больше обещанного (200 *кан*) [13, с. 230, 231], а в 1546 г., благодаря новой милости Сингэн, он стал владельцем земель с доходом 800 *кан* [13, с. 250]. В «К» отмечается участие Кансукэ в разработке военной стратегии и тактики дома Такэда. Так, благодаря его замыслам уже в 1544 г. будто бы было захвачено девять замков в провинции Синано [13, с. 231]. Согласно «К» в 1546 г. под командованием Кансукэ находился отряд из 75 *асигару* [13, с. 250]. Кансукэ искушен в гадании, которое активно практиковалось во время войн периода *Сэнгоку*. В «К» также высоко оценивается его искусство по выбору места для строительства и планированию крепостей [13, с. 232, 242]. Он же оказывал влияние на принятие ключевых решений. Вопреки мнению старейших вассалов Кансукэ считал, что Сингэн может взять в наложницы необыкновенно красивую, по «К», дочь Сува Ёрисигэ (?–1542), противника Сингэн, принужденного к самоубийству. Именно она впоследствии родила Кацуёри, наследника Сингэн [13, с. 232, 233]. Если верить «К», то именно по совету Ямамото Кансукэ был принят знаменитый свод законов «Косю хатто-но сидай» [13, с. 261]. Кансукэ участвовал в планировании четвертого сражения при Каванакадзима в 1561 г. и погиб в этой битве [13, с. 335].

В реальности существования Ямамото Кансукэ сомневались многие ученые, поскольку его имя совершенно отсутствовало в документах дома Такэда. «Что касается Кансукэ, то есть версии в его защиту, однако его можно считать вымышленным персонажем», – писал Окуно Такахио [21, с. 69]. Сасамото Сёдзи, с одной стороны, склонялся к тому, что этот герой «К» был выдуман, а с другой стороны – вслед за Танака думал, что в основе «К» записи сына Кансукэ, монаха школы Мёсиндзи [23, с. 75]. Для скептиков вымышленность этого персонажа «К» была важным доводом для обоснования недостоверности «К» как источника. Их уверенность не поколебало и упоминание о Ямамото Кансукэ во вполне надежном дневнике Комаи Масатакэ («Кохакусайки»), согласно которому в 1544 г., «в 3-м месяце ронин из Усикубо провинции Микава Ямамото Кансукэ [по высочайшей воле] принят на службу», а в 1549 г. провел обряд умиротворения местных божеств при строительстве замка Такасима в Синано. Считалось, что запись о Ямамото Кансукэ была вставлена в текст «Кохакусайки» переписчиком [17, с. 83; 20, с. 172]. Значительно позднее Сибацудзи подчеркнул, что тезис об изначальном отсутствии в «Кохакусайки» записей о Ямамото Кансукэ не аргументирован в должной мере [27, с. 47].

В 1969 г. стало известно о письме Такэда Сингэн, хранившемся в семейном собрании документов почтальона из города Кусириси на Хоккайдо. Почтальон был потомком самураев

рода Итикава (市川氏) из Синано, служивших дому Такэда в период «воюющих княжеств». Владения этого клана располагались на границе провинций Синано и Кодзукэ.

Документ датирован 23-м днем 6-го месяца, год не указан, но предположительно речь идет о 3-м годе эры Кодзи (1557). Таким образом, письмо отправлено во время 3-й битвы при Каванакадзима между Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин. В конце письма, адресованного Итикава Фудзивака, упоминается посланец Такэда Харунобу по имени Ямамото Кансукэ, который должен на словах передать часть послания Такэда Сингэн [4, с. 204]. Позднее историками, и прежде всего Уэно Харуо, были собраны новые доказательства, подтверждавшие реальное существование Ямамото Кансукэ. Однако Сасамото Сёдзи не видит причин для отождествления Ямамото Кансукэ из «К» с посланцем Сингэн из письма Итикава. Хотя их фамилия пишется одинаково (Ямамото 山本), имена передаются разными иероглифами: в «К» – Кансукэ 勘助, а в документе из архива Итикава – 管助. Исходя из известных науке фактов, автор не принимает тезис о реальном существовании Ямамото Кансукэ из «К». Уэно Харуо объявил об обнаружении места, где будто бы располагалась усадьба Ямамото Кансукэ, и таблички с его посмертным именем. Однако Сасамото думает, что усадьба и табличка могли появиться не в эпоху *Сэнгоку*, а были приписаны Ямамото Кансукэ позднее [23, с. 131]. Однако большинство ученых сейчас убеждено в том, что Кансукэ из «К» – реальное историческое лицо [18, с. 163–201; 20, с. 60]. Предпринимаются попытки отделить вымысел от правды в сообщениях «К» [23]. Его имя включено в словарь вассалов дома Такэда, где указаны годы его жизни (1500–1561) [31, с. 691].

Завещание (гоюйгэн) Такэда Сингэн. 13-й том «К» рассказывает о смерти Такэда Сингэн в 1573 г., а также о том, что, страдая тяжелым недугом, даймё распорядился приготовить 800 листов бумаги, на которых заранее была проставлена его личная печать. После его смерти в случае прибытия послов следовало писать ответ на этих листах. Таким образом правители соседних уделов должны были поверить, что Сингэн все еще жив и не осмелились бы напасть на земли Такэда. После смерти Сингэн похожий на него обликом младший брат Нобукадо (1532–1582) должен был сесть в княжеский паланкин и отбыть в Кофу, столицу удела под предлогом болезни. Нобукадо должны были принимать за Сингэн. Князь повелел три года скрывать свою смерть. Наследником он, согласно «К», сделал внука Нобукацу (сына Кацуёри, 1567–1582). До достижения Нобукацу 16 лет его отец Кацуёри должен был править вместо него (как «местоблюститель», или опекун, *дзиндай*). Знамена дома Такэда – стяг с изречением древнекитайского военного стратега Сунь-цзы, «знамя сёгуна Дзидзо³», малый стяг бодхисатвы Хатиман, – Сингэн не передавал Кацуёри. Нобукацу, когда ему должно было наступить 18 лет, мог развернуть во время своего первого похода какое-либо из этих знамен, кроме стяга со словами Сунь-цзы. Флажок *сасимоно*, а также накидку *хоро*, на которой нашиты строки из Лотосовой сутры, Кацуёри должен был уступить Такэда Нобутоё (1549–1582), племяннику Сингэн. Шлем Сува⁴ хоссё дозволялось носить Кацуёри, который со временем должен был передать его Нобукацу. Кроме того, Сингэн просил своих вассалов и родичей Такэда Нобутоё и Анаяма Нобуками (1547–1582), служить

³ Бодхисатва Дзидзо почитался в средневековой Японии, в том числе как покровитель воинов.

⁴ Такэда Сингэн особо чтит божество храмового комплекса Сува тайся в уезде Сува провинции Синано.

своему сыну Кацуёри как господину. Нобукацу же должен был стать наследником в 16 лет. Такэда Сингэн распорядился не проводить похоронные обряды, но приказал по прошествии 3-х лет, облачив его тело в доспехи, погрузить в озеро Сува. Старейшие вассалы (*каро*), посоветовавшись, отказались исполнить лишь последнее желание Сингэн. Наконец, согласно «К», Такэда Сингэн предписал Кацуёри примириться с Уэсуги Кэнсин [13, с. 448–450].

Сведения о последней воле Такэда Сингэн, приведенные в 13-м томе «К», некоторые историки сочли выдумкой. Так, Окуно писал об ошибке в сообщении «К» об упокоении останков даймё в озере Сува [21, с. 266]. Однако Арима справедливо упрекнул своего коллегу в том, что тот неверно прочитал «К», где определенно написано, что вассалы не выполнили этот наказ Такэда Сингэн [18, с. 53, 54]. В свою очередь Исогаи не считал историю о назначении Кацуёри опекуном Нобукацу правдоподобной [4, с. 347]. Сибацидзи отмечал соответствие большинства пунктов завещания исторической действительности, за исключением приказа опустить тело Такэда Сингэн в озеро Сува. В данном случае информация из «К» подтверждается другими источниками. О намерении Сингэн сделать своим наследником внука, а не сына, свидетельствует иероглиф *нобу* из имени Нобукацу, который обыкновенно входил в имена глав рода Такэда, писал Сибацидзи [26, с. 231]. Однако он же позднее указывал, что имя Нобукацу внук Сингэн получил в 12 лет после прохождения обряда *гэмпуку* в 1579 г. [31, с. 455], поэтому, возможно, вовсе не дед, как говорится в «К», пожелал назвать его Нобукацу, а отец, Кацуёри. Такэда Нобукацу исполнилось 16 лет, когда он совершил самоубийство вместе с отцом Кацуёри в 1582 г. [31, с. 455]. Овада менее категоричен: если рассказ «К» правдив, тогда Кацуёри не последовал наказу отца и не сделал собственного сына главой дома Такэда [20, с. 93].

Сообщения о последней воле Такэда Сингэн, согласно которой три года надлежало утаивать его смерть, подтверждаются и другими источниками, например, «Тодайки» [20, с. 82], хроникой, зафиксировавшей события, начиная со времени правления Ода Нобунага до 1615 г. Найдено несколько документов, скрепленных личной печатью Сингэн, но датируемых временем после его смерти. Овада полагает, что в «К», видимо, говорится о том, что на 800 листах Сингэн проставил свою монограмму (ропись), а не печать, которую можно было прикладывать и после его смерти [20, с. 86–90].

Кроме того, несмотря на повеление Сингэн прекратить вражду с Уэсуги Кэнсин, Кацуёри смог наладить отношения лишь с Уэсуги Кагэкацу, преемником Кэнсин. Разорвав отношения с домом Ходзё (Гоходзё), Кацуёри фактически вступил в альянс с Уэсуги [35, с. 290].

Совещание вассалов перед сражением при Нагасино. В 6-м и 19-м томах «К» описывается военный совет военачальников Такэда накануне битвы при Нагасино в провинции Микава в 1575 г., на котором присутствовал и Кацуёри. Во время обсуждения дальнейших действий выявились острые разногласия. Баба Мино-но kami Нобуфуса (?–1575), Ямагата Масакагэ (?–1575), Найто Масатоё (?–1575), ссылаясь на мощь врага, предлагали двинуться обратно в Каи в расчете на то, что Ода Нобунага и Токугава Иэясу последуют за ними. Противнику следует навязать сражение в провинции Синано, тогда дом Такэда ожидает верная победа, полагали они. Однако Нагасака Торафуса высказался против отхода,

сказав, что со времени князя Синра Сабуро⁵ и до князя Сингэн, 27-го главы дома, воины Такэда не отступали перед врагом. Его поддержал и сам даймё. Баба Масатоё также предлагал захватить замок Нагасино и, развернув позиции рядом с ним, навязать врагу длительную военную кампанию. В итоге, по его расчетам, армия Нобунага должна будет отступить. Однако Нагасака отверг этот план, заметив, что Нобунага не такой полководец, чтобы отступать. Он предложил вступить в сражение, и был поддержан Такэда Кацуёри. После этого Кацуёри поклялся на знамени знаменитого военачальника Минамото Ёсиизэ (1039–1106) и доспехах основателя дома Такэда Минамото Ёсимицу, что бы ни случилось, не откладывать битву. Таким образом, в «К» ответственность за поражение при Нагасино возлагается на «дурного» советника Нагасака и самого даймё [13, с. 160, 161; 14, с. 113].

Рассказ о военном совете перед сражением при Нагасино стал использоваться как подтверждение ненадежности «К» как исторического источника. Дело в том, что сохранилось письмо Такэда Кацуёри, написанное в 20-й день 5-го месяца 1575 г. Оно адресовано некоему Тёкансай, тотчас же отождествленному многими специалистами с Нагасака Торафусу. Письмо датировано тем самым днем, когда, согласно «К», должно было происходить совещание, на котором планировались последующие военные действия. На основании содержания письма можно прийти к выводу, что Нагасака Торафуса оборонял в то время одну из крепостей удела Такэда. Получается, что его на достопамятном совете не было, иначе зачем Кацуёри было отправлять ему письмо?

В отсутствии Нагасака Торафуса на совете, о котором повествует «К», уверены многие историки, в том числе Кобаяси, Тайко и Овада [7, с. 212; 20, с. 146; 29, с. 320]. Уэно отмечал, что автор «К», представляя Нагасака величайшим злодеем, заставил его присутствовать там, где тот не мог находиться [35, с. 165]. Кто-то позднее добавил в текст «К» фрагмент, рассказывающий о военном совещании, или же Косака Масанобу намеренно солгал об участии Нагасака Торафуса, предполагает Овада [20, с. 147]. Таким образом, укоренилось представление о том, что история об участии Нагасака в обсуждении военной стратегии была сочинена, чтобы его очернить. Это соответствует стремлению составителей «К» выставить в неблагоприятном свете Нагасака Торафуса и Атобэ Кацусукэ, которые оказываются виноваты, как и их господин Кацуёри, в гибели дома Такэда.

Не так давно были приведены доводы в пользу того, что сведения «К» об участии Нагасака в военном совете перед сражением при Нагасино не расходятся с действительностью. Хираяма Ю предположил, что Тёкансай, которому предназначено послание Кацуёри, – не Нагасака Торафуса. В документации дома Такэда его монашеское имя всегда пишется другими иероглифами 釣閑斎, а не 長閑斎, как в письме. Истинный адресат письма даймё – это Имафуку Тёкансай (?–1581), другой вассал дома Такэда, имя которого передавалось именно так, как в послании Кацуёри (長閑斎). По заключению Хираяма, сообщение об участии Нагасака в военном совете перед битвой при Нагасино достоверно [36, с. 37]. Со своей стороны, Курода указывает, что о присутствии Нагасака упоминает и другой источник – хроника «Тодайки». После изучения письма Кацуёри,

⁵ Минамото Ёсимицу (1045–1127) – 3-й сын Минамото Ёриёси (988–1075) и младший брат Минамото Ёсиизэ, военачальник эпохи Хэйан. Прошел обряд *гэмпуку* перед святилищем Синра мёдзин в провинции Оми, отчего его прозывали Синра Сабуро.

датированного 20-м днем 5-го месяца 1575 г., Курода утверждает, что оно, скорее всего, фальшивое [18, с. 73, 79]. Следовательно, один из расхожих аргументов, приводимых в обоснование недостоверности «К», уже не кажется неопровержимым.

Таким образом, переоценка свидетельств «К» продолжается. Несмотря на то, что некоторые сообщения «К» теперь рассматриваются как частично достоверные, японские историки, избегая гиперкритицизма, не отказываются от критического анализа.

Сакаи Кэндзи подчеркивал, что настоящее изучение «К» еще только начинается [15, с. 259]. Благодаря его усилиям, было опубликовано превосходное издание текста «К», снабженное справочным аппаратом и исследовательским очерком, на которое стали ссылаться практически все историки, изучающие сам этот памятник или историю Японии периода *Сэнгоку*. Сакаи сумел показать некоторые важные особенности формирования текста «К», который, по его заключению, написан языком, характерным для конца эпохи Муромати. После выхода в свет его работ сложно отрицать причастность Косака Масанобу, его вассала Окура Хикодзиро и племянника Касуга Содзиро к созданию «К». Со своей стороны, Курода Хидэо сделал небезуспешную попытку реабилитировать «К» в глазах историков, буквально «загипнотизированных» статьей Танака Ёсинари. Курода стремился доказать, что в «К» есть немало достоверных данных и его ценность как исторического источника сложно переоценить.

Создается впечатление, что японские ученые в последнее время стали больше доверять «К». Однако к безоговорочному принятию на веру сведений из «К» не призывает никто, даже Курода [18, с. 228]. Сibaцудзи Сюнроку по-прежнему считает, что сведения «К» надо верифицировать с помощью проверенных источников – дневников и различных документов. Если же удостовериться в истинности сообщения «К» невозможно, следует оговаривать, что то или иное заключение основано только на «К» [25, с. 26]. Как отмечает Овада, было бы ошибкой верить всему, о чем говорится в «К» [20, с. 285].

Нерешенные проблемы и перспективы исследования «Коёгункан»

Представляется, что Сакаи, открывший новую страницу в изучении «К», не разрешил некоторых проблем, связанных с авторством и становлением текста этого сочинения. В-первых, он полагает, что Обата Кагэнори не менял произвольно текст «К», а смог его сохранить, упорядочить и растиражировать [15, с. 258–259]. Сходным образом высказывался и Курода: Обата при копировании «К» добавил лишь незначительные фрагменты [18, с. 223].

В то же время многие ученые убеждены, что в процессе создания «К» к записям Косака Масанобу были сделаны более значительные добавления, чем склонны думать Сакаи и Курода. Так, Овада предполагает, что использовавшиеся в эпоху Токугава для обучения военной науке фрагменты, особенно если в них упоминается Ямамото Кансукэ, явно сочинены не Косака Масанобу и его помощниками, а кем-то другим, возможно, Обата Кагэнори [20, с. 285].

По мнению Сibaцудзи, Сакаи не объяснил, почему в «К» столь значительное место отведено Ямамото Кансукэ, следовательно, гипотеза об использовании записей его сына при

составлении «К» не потеряла своего смысла [25, с. 17]. Можно признать обоснованность этих замечаний. Однако фигура сына Ямамото Кансукэ, который, согласно «Буко дзакки», был монахом школы Мёсиндзи (Кандзан ха), остается окутанной мраком неизвестности. В тексте «К» об этом отпрыске Кансукэ не сказано ни единого слова. На сегодняшний момент установлено, что у Ямамото Кансукэ был приемный сын Ямамото Дзюдзаэмон (1536–1597) и родной сын (1553–1575), который носил то же имя, что и отец, и погиб в битве при Нагасино в 1575 г. Ни один из них, насколько известно, не был монахом школы Мёсиндзи. Ямамото Дзюдзаэмон после 1582 г. стал вассалом Токугава Иэясу [31, с. 692, 693]. Не стоит отбрасывать версию о том, что какие-то заметки о Ямамото Кансукэ были включены уже после складывания основной части «К», однако кто был их автором – остается загадкой.

В «Буко дзакки» говорится, что сын Кансукэ, монах Кандзан-ха обошел провинции Каи и Синано, записывая рассказы о Такэда Сингэн и собирая поддельные документы (*хого*) и иное. В своем сочинении он положительно изобразил отца Кансукэ, приписав свой труд Косака Масанобу. Согласно «Буко дзакки», после этого сын Кансукэ жил у выходца из провинции Каи, вассала Ии Камон-но ками (Ии Наотака, 1590–1659), и добавил в свой труд его сообщения. Этот монах будто бы озаглавил свое произведение «Коёгункан», «Коёгункан массё» – такая же фальшивка (*цукуруимоно*), отмечается в «Буко дзакки». Однако далее в «Буко дзакки» следует фрагмент, который можно понять следующим образом: «Коёгункан» часто адресуется (*атэгаки*) Атобэ Оиносукэ. Атобэ Оиносукэ же в момент гибели дома Такэда был юн годами и принят в дом Токугава, а впоследствии отличился в сражении при Нагакутэ (1584 г.) [2, с. 49–50]⁶. Мацура Сигэнобу в данном случае, по-видимому, перепутал двух представителей рода Атобэ – отца и сына, имевших одно и то же среднее имя – Оиносукэ (дословно «помощник главы Продовольственного отдела Министерства двора»). Составители «Коёгункан» обращаются именно к отцу – Атобэ Оиносукэ Кацусукэ, а не к сыну Атобэ Оиносукэ Масакацу (?–?).

Таким образом, в «Буко дзакки» приводятся интересные сведения, которые до сих пор не подверглись основательному критическому разбору. Если Мацура Сигэнобу действительно допустил ошибку, приняв Атобэ Оиносукэ из «К» за Атобэ Масакацу, тогда можно поставить вопрос о точности информации «Буко дзакки».

Мацуда Осаму обращает внимание на связь между домом Ии, где, согласно «Буко дзакки», останавливался монах школы Мёсиндзи, и составлением «К». В «Буко дзакки» упомянут Ии Наотака, сын Ии Наомаса (1561–1602), вассала Токугава Иэясу. Известно, что под началом Ии Наомаса служило немало воинов из Каи, бывших самураев Такэда, которых отличали доспехи красного цвета. Один из старших братьев Обата Кагэнори служил дому Ии, проявив себя во время битвы при Сэкигахара и осаде Осака. Мацуда считает вполне вероятным, что Обата Кагэнори, сам связанный с Ии, добавил услышанные от вассалов этого дома истории в «К» [19, с. 7, 8].

Очевидно, что «К» вобрал в себя немало подлинных документов, и при его написании могли быть использованы и официальные записи дома Такэда. Содержались ли они уже

⁶ В этой битве, состоявшейся в провинции Овари, войско Токугава Иэясу и Ода Нобукацу (1558–1630) разбило отряды вассалов Тоётоми Хидэёси (1536–1598).

в изначальных заметках Косака Масанобу или были присоединены позднее? Сивацудзи допускает, что все эти материалы были инкорпорированы при редактировании оригинального текста. Составитель обратился к тем документам, которые были ему доступны, и они подобраны бессистемно, пишет историк [25, с. 22].

Довольно убедительна точка зрения, согласно которой Обата Кагэнори редактировал текст «К» и вносил в него изменения, а не просто упорядочивал сильно поврежденную исходную рукопись. Овада, с одной стороны, поддерживает Сакаи, утверждая, что большую часть текста «К» писал Косака Масанобу. С другой стороны, роль Обата Кагэнори не ограничилась технической работой по спасению оригинала, в тексте «К» есть ошибки, которые, по мнению Овада, Косака Масанобу никак не мог совершить. Ответственность за них несут либо сподвижники Косака – его племянник и актер театра Но Окура Хикодзюро, либо Обата Кагэнори [20, с. 41, 42]. Обата Кагэнори, скорее всего, дописал фрагменты «К», относящиеся к войне и военному искусству для того, чтобы вести свои занятия. Отсюда большое количество противоречий и несоответствий исторической действительности, поясняет Овада [20, с. 152].

О том, что Обата Кагэнори приложил руку к написанию окончательной версии «К», может говорить и содержание вассального реестра Такэда из 8-го тома «К». Этот документ, как уже было сказано, согласно выводам японских ученых основан на подлинных материалах, подозрения вызывают лишь отдельные его пункты. Так, Обата Кадзуса-но ками, вассалу Такэда из западных районов провинции Кодзукэ, подчинено 500 всадников – такими силами не командует больше никто из других вассалов, даже ближайшие родичи Такэда Сингэн, в том числе его сын Кацуёри, под началом которого было 200 всадников [13, с. 174, 177]. Согласно предположению Кобаяси, число всадников Обата Кадзуса-но ками было намеренно завышено Обата Кагэнори, который был его родственником. Также преувеличено и количество всадников под началом Косака Масанобу, считает ученый [6, с. 255, 257].

Обата Кагэнори, который был составителем «К» и служил дому Токугава, не мог плохо отзываться о Токугава Иэясу, он часто льстит основателю династии Токугава и бакуфу, считает Такаянаги [30, с. 93]. Сходным образом Овада обращает внимание, что в «К» не встречается критика или негативная оценка Токугава Иэясу. Напротив, автор хвалит и самого Иэясу и воинов его удела. Во время составления «К» дома Такэда и Токугава враждовали, и, как думает Овада, Косака Масанобу не мог придерживаться подобных взглядов. Вероятно, Обата Кагэнори дополнял текст «К» после объединения Японии Иэясу. Известно, что Обата получал жалование, находясь на службе дома Токугава. Он мог подправить текст, чтобы выставить Токугава Иэясу в благоприятном свете [20, с. 270].

Безусловно, о Токугава Иэясу и самураях Микава, где располагались изначально владения рода Токугава (Мацудайра), составители «К» часто отзывались положительно. Однако не стоит упускать из виду подход авторов «К» к оценке того или иного японского удельного правителя. Даже если последний был опасным врагом Такэда, его полководческое искусство или личная доблесть могли высоко цениться. Так, в 5-м томе «К» говорится, что Уэсуги Кэнсин хвалил Сингэн, а в доме Сингэн не хулили Кэнси; говорили, что Иэясу также хвалил Сингэн. Согласно «К», Сингэн в свою очередь одобрительно оценивал Иэясу, считая, что тот не уступает Кэнсин. Составитель «К» также подчеркивает, что самурай обязан

проявлять учтивость (*ингин*, 慇懃), не отзываться о ком-либо презрительно, испытывая зависть и злобу (*сонэмиясиму*, かねみいやしむ) и не поносить (*сосиру*, *кэнасу*, せしる、けなす) других, включая и недругов [13, с. 340]. В «К» часто отдается должное достойным противникам Такэда, среди которых имя Токугава Иэясу далеко не единственное.

Кроме того, одобрение поступков Иэясу в 20-м томе «К» и «КМ» может быть объяснено тем, что они создавались после смерти Косака Масанобу как раз во время упадка и гибели дома Такэда. Хорошо известно, что многие воины Такэда после гибели этого дома были взяты под покровительство Токугава Иэясу. Уважение и пиетет по отношению к Иэясу со стороны Касуга Содзиро, который дописывал «К» и имел отношение к созданию «КМ», кажется вполне закономерным.

Таким образом, положительный образ Иэясу, как и некоторых других даймё, с которыми в то или иное время враждовал дом Такэда, вовсе не обязательно доказывает «соавторство» Обата Кагэнори. Мне кажется, что характеристика Иэясу как сильного и умного противника подчеркивала еще в большей степени исключительные качества Такэда Сингэн как правителя и полководца, одержавшего над Иэясу победу в битве при Микатагахара в 1572 г. Иными словами, одобрительная характеристика Иэясу не противоречат идейным установкам и ценностным принципам «К».

В то же время, читая «К», нельзя не заметить довольно частое упоминание родственников Обата Кагэнори, прежде всего его деда Торамори и отца Масамори. Имя Обата Торамори читатель встречает, по меньшей мере, 104 раза, Обата Масамори – 60 раз⁷ [37]. Таким образом, они упоминаются не менее 164 раз в разных томах «К». Нередко отмечаются и их подвиги в сражениях и заслуги перед домом Такэда, приводятся факты из их биографии и т.д. Для сравнения: имя Косака Масанобу, предполагаемого первоначального инициатора создания «К», которого некоторые историки считают автором «К», упомянуто не менее 268 раз [37]. Такое внимание к клану Обата наводит на мысль о том, что Кагэнори вполне мог вставить интерполяции, дописать или подправить первоначальный текст.

Существуют признаки, указывающие на то, что в текст вносились изменения после 1586 г. – даты, которая стоит в самом конце последнего 20-го тома «К». Хотя Курода, как и Сакаи, не думает, что Обата Кагэнори сколько-нибудь значительно менял текст, он же обращает внимание на то, что в 11-м и 13-м томах, а также в «Коёгункан массё» последний сёгун Асикага Ёсиаки называется Рэйёин, своим посмертным именем. Поскольку Ёсиаки умер в 1597 г., часть текста «К», видимо, была дописана (или изменена?) Обата уже после 1597 г. В 12-м томе также обнаруживаются нестыковки: Токугава Иэясу именуется *гонгэн сама*. Бином *гонгэн* – часть посмертного божественного имени Иэясу, пожалованного после его смерти в 1616 г. императором Гомидзуноо (1596–1680) – Тосё дайгонгэн («Великий аватар, сияющий с востока»). В том же отрывке 12-го тома упомянуты «две осады Осака» (Осака *горёджин*) – военные кампании Токугава Иэясу 1614 г. и 1615 г., в результате которых был уничтожен дом Тоётоми [18, с. 223]. Наконец, Курода признает, что 16-й том «К»,

⁷ Торамори, дед Кагэнори, именуется в тексте чаще всего Обата Ямасиро, Ямасиро, а также – Ямасиро Обата нюдо и др. Масамори, отец Кагэнори, фигурирует в «К» как Обата Матабэй, Обата Бунго-но ками и др. Предварительная оценка составлена мной на основании указателя имен, названий и слов, встречающихся в «К» (данные из «КМ» не привлекались).

посвященный военному искусству, мог быть составлен кем-то позднее остальных томов [18, с. 69].

Куроода, намечая направления дальнейших исследований «К», пишет о необходимости определить те части текста, которые были дописаны Обата Кагэнори для преподавания военной науки [18, с. 223]. Со своей стороны Сibaцудзи, соглашаясь с тем, что основу этого произведения образуют записи речей Косака Масанобу, считает выявление этого ядра «К» практически невыполнимой задачей. Установить историю текста «К» вряд ли возможно, настолько много вошло в него разных преданий, рассказов и историй, а также документов и официальных источников дома Такэда [27, с. 46].

Остается открытым вопрос, кем и когда был написан «Коёгункан массё», в котором много внимания уделено военной науке дома Такэда. Сакаи постулировал, что с самого начала «К» и «КМ» составляли единое целое и создавались практически одновременно и сходным образом. Почти весь текст «КМ» был записан со слов Косака Масанобу его племянником Касуга Содзиро, который после смерти дяди дописал незначительные фрагменты [14, с. 263, 264]. Утверждение Сакаи о единстве «К» и «КМ» основывается на вступлении к одной из частей «КМ», где сказано, что в целом «К» состоял из 24 томов – 19 томов «К» и 4 томов «КМ» [14, с. 327–329]. Если «К» включал первоначально и «КМ», остается непонятным, почему в эпоху Эдо они бытовали не в одном, а в разных рукописных списках.

В отличие от Сакаи, Овада считает, что «КМ» представляет собой дополнение к «К» и было написано не Косака Масанобу. Автором мог быть Касуга Содзиро, а, возможно, и Обата Кагэнори, который, как следует из приписок, упорядочивал структуру «КМ» [20, с. 64, 97, 98]. Овада констатирует, что «КМ» отличается от «К» по своей структуре: в нем не соблюдается хронологический порядок изложения [20, с. 100]. Если в «К» идеализируется время правления Такэда Сингэн, то в «КМ» упоминается о просчетах и ошибках даймё, в частности, об изгнании отца, о принуждении к самоубийству Сува Ёрисигэ, а также Такэда Ёсинобу, сына Сингэн [20, с. 112–113]. Кроме того, в «КМ» еще больше превозносится Токугава Иэясу [20, с. 271].

Тайко Ёсиаки задается вопросом, не записывали ли Окура Хикодзюро и Касуга Содзиро с самого начала самостоятельно «КМ»? Возможно, закончив работу над «К», они пожелали дополнить его. Создавая новый текст, они излагали его как рассказ Косака [29, с. 322]. Тайко пытается в общих чертах реконструировать процесс создания «К». Согласно его гипотезе, Окура Хикодзюро и Касуга Содзиро, возможно, записывали речи и рассказы Косака, которые потом передавали в повествовательной форме. Они могли по своей инициативе создавать какие-то части текста заново, если думали, что это необходимо, также придавая им форму устного рассказа [29, с. 322].

Рассуждения Тайко ведут к постановке закономерного вопроса о том, какое содержание следует вкладывать в слово «автор» применительно к «К». Как уже отмечалось, тома «К» завершаются именем Косака Масанобу или же словами «записал это Косака Дандзё». Однако, согласно «КМ», слова Косака Масанобу записывали Окура Хикодзюро и Касуга Содзиро. Они, вполне вероятно, не ограничивались фиксацией историй, услышанных от своего господина, а излагали и рассказы других вассалов Такэда. Вряд ли они отражали в своих

записях сказанное Косака в точности, ничего не изменяя и не присовокупляя от себя. Подлинные документы могли инкорпорировать в текст «К» именно Окура и Касуга. Нельзя, впрочем, исключать, что их добавил Обата Кагэнори. Наконец, довольно убедительной представляется гипотеза о том, что отрывки с описанием военного искусства дома Такэда могут принадлежать кисти Обата Кагэнори, который, вопреки мнению Сакаи, скорее всего не ограничился ролью переписчика и «технического редактора». Таким образом, «К» представляется многослойным произведением, в создании которого участвовали, по меньшей мере, четыре самурая. Это, если угодно, коллективный труд, поэтому поиск одного автора, сделавшего решающий, основной вклад, в данном случае не совсем корректен. Повидимому, неверно приписывать «К» только одному творцу, будь то Косака Масанобу или Обата Кагэнори.

Заключение

На рубеже XX–XXI вв. исследование «Коёгункан» в японской науке вышло на новый уровень. Состоялась своеобразная реабилитация «К» как исторического источника в глазах ученых. «К» перестали воспринимать как полное ошибок и неточностей наставление по военной науке начала эпохи Эдо. В результате сравнения его рукописных и ксилографических списков были приведены новые доводы в пользу версии о более раннем происхождении его текста и о действительном участии Косака Масанобу в составлении «К». Вместе с тем не проясненным до конца остается вопрос о вкладе наставника военной науки Обата Кагэнори в создание «К». Пока неубедительным выглядит тезис о том, что он был всего лишь переписчиком и распространителем «К». Напротив, есть основания полагать, что он привнес дополнения, а может быть и какие-то правки, в изначальный текст.

Можно констатировать, что пока не хватает комплексного рассмотрения свидетельств первой половины эпохи Эдо о «К», которое может прояснить нерешенные вопросы, связанные с генезисом его текста. Пожалуй, среди японских историков существует согласие по поводу перспективности «К» с точки зрения изучения мировоззрения и картины мира самураев периода *Сэнгоку*. Так или иначе, все предполагаемые составители и авторы «К» служили дому Такэда или были потомками вассалов этого клана. «К», несомненно, подобрал в себя рассказы и свидетельства воинов Такэда. Если в тексте «К» и допущено некоторое количество неточностей в датировках отдельных событий, то менталитет воинов эпохи политической децентрализации и смут передан без искажений.

Библиографический список

1. Большой русско-японский словарь в 2-х томах/ под ред. Н.И. Конрада. Т. 1. М.: Сов. Энциклопедия, 1970.
2. Буко дзакки : [Всевозможные записи о заслугах воинов] // Сисэки сюрэн. Т. 10 / сост. Кондо Хэйдзё. Токио: Кондо сёпанбу, 1926.
3. *Ватанабэ Ёсукэ*. Такэда Сингэн-но кэйрин то сюё : [Искусство управления и самосовершенствование Такэда Сингэн]. Нагано-кэн хокусин гогун рэнго кёикукай, 1929.

4. *Исогаи Масаёси*. Тэйхон. Такэда Сингэн : [Исправленное издание. Такэда Сингэн]. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1977.
5. *Кадзихара Масааки*. Муромати. Сэнгоку гунки-но тэнбо : [Обзор военных повестей периода Сэнгоку]. Токио: Идзуми сёин, 2000.
6. *Кобаяси Кэйитиро*. «Коёгункан»-но Такэда касиндан хэнсэй хё ни цуитэ. «Такэда Хоссёин Сингэн-ко миё сониндзу-но кото»-но кэнто : [О реестре вассалов Такэда в «Коёгункан». Рассмотрение «О войске времени правления князя Такэда Хоссёин Сингэн»] // Такэда-си но кэнкю. Сэнгоку даймё ронсю : [Исследование клана Такэда. Сборник исследований сэнгоку даймё]. Т. 10 / под ред. Сибацидзи Сюнроку. Токио: Ёсикава кобункан, 1984.
7. *Кобаяси Кэйитиро*. Такэда гунки : [Военные повести Такэда]. Токио: Дзинбуцу орайся, 1967.
8. Коёгункан // Дайдзисэн. Издание на CD ROM. Сёгаккан. 1-е изд. 1997.
9. Коёгункан // Кодзиэн. 6-е изд. Издание на DVD ROM. Иванами сётэн, 2008.
10. Коёгункан // Супа Дайдзирин. 2-е изд. Сансёйдо, 1997.
11. Коёгункан. Т. 1. Кайсэцу : [Комментарий]. Пер. на совр. япон., вступит. статья Косихара Тэцуро. Нов. изд. Токио: Newton Press, 2003.
12. Коёгункан. Т. 1 / сост. и коммент. Исогаи Масаёси и Хаттори Харунори. 3-е изд. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1983.
13. Коёгункан тайсэй : [Полный текст Коёгункан]. Т. 1 / сост., исслед., коммент. Сакаи Кэндзи. Токио: Кюко сёин, 1994.
14. Коёгункан тайсэй : [Полный текст Коёгункан]. Т. 2 / сост., исслед., коммент. Сакаи Кэндзи. Токио: Кюко сёин, 1994.
15. Коёгункан тайсэй : [Полный текст Коёгункан]. Т. 4 / сост., исслед., коммент. Сакаи Кэндзи. Токио: Кюко сёин, 1995.
16. *Косихара Тэцуро*. Коёгункан-но сэкай : [Мир «Коёгункан»] // Коёгункан. Часть первая. Пер. на совр. япон. яз. Косихара Тэцуро. Токио: Кёикуся, 1978.
17. Кохакусайки : [Записи «Кохакусай»] // Такэда сирёсю : [Сборник источников по истории дома Такэда] /сост. и коммент. Киёмидзу Сигэо и Хаттори Харунори. Токио: Дзинбуцу орайся, 1967.
18. *Куроода Хидэо*. Коёгункан-но сирё-рон. Такэда Сингэн-но кокка косо : [«Коёгункан» как исторический источник. Государственная идеология Такэда Сингэн]. Токио: Адзэкура сёбо, 2015.
19. *Мацуда Осаму*. Коёгункан сёко : [Заметка о «Коёгункан»] // The essays in literature and thought. Fukuoka Women's University. 28, 1966.
20. *Овада Тэцуо*. Коёгункан нюмон. Такэда гундан цуёса-но химицу : [Введение в Коёгункан. Секрет силы военных отрядов Такэда]. Токио: Кадокава сётэн, 2006.
21. *Окуно Такахиро*. Такэда Сингэн. 10-е изд. Токио: Ёсикава кобункан, 1969.
22. *Сасамото Сёдзи*. Сэнгоку даймё-но нитидзё сэйкацу: Нобутора, Сингэн, Кацуёри : [Повседневная жизнь сэнгоку даймё: Нобутора, Сингэн, Кацуёри]. Токио: Коданся, 2000.
23. *Сасамото Сёдзи*. Такэда Сингэн: дэнсэцутэки эйюдзо кара но даккяку : [Такэда Сингэн: освобождение от образа легендарного героя]. 2-е изд. Токио: Тюокорон синся, 2007.

24. *Сато Масахидэ*. Кайсэцу : [Комментарий] // Коёгункан. Пер. и коммент. Сато Масахидэ. Токио: Тикума сёбо, 2006.
25. *Сибацидзи Сюнроку*. Коёгункан суроку мондзё-но сайкэнтэ : [Новое рассмотрение документов, вошедших в «Коёгункан»] // Такэда-си кэнкю. 2013. № 49.
26. *Сибацидзи Сюнроку*. Сингэн-но сэнряку: сосики, кассэн, рёгоку кэйэй : [Стратегия Сингэн: организация, сражения, управление уделом]. Токио: Тюокорон синся, 2006.
27. *Сибацидзи Сюнроку*. Ямамото Кансукэ-но кёдзо то дзицудзо : [Действительный и ложный образы Ямамото Кансукэ] // Такэда-си кэнкю. 2007. № 36.
28. Сэнгоку гунки дзитэн : [Словарь гунки периода Сэнгоку]. Токио: Идзуми сёин, 1997.
29. *Тайко Ёсиаки*. Коёгункан кэнкю-но гэндзё то кадай. Сакаи Кэндзи тё «Коёгункан тайсэй» о укэтэ-но сирон // Тэйхон. Такэда Сингэн. 21 сэйки-но сэнгоку даймё рон : [Исправленное издание. Такэда Сингэн. Исследования сэнгоку даймё в 21 веке] / под ред. Хагивара Мицуо и Сасамото Сёдзи. Токио: Коси сёин, 2002.
30. *Такаянаги Мицутоси*. Микатагахара-но татакай. [Битва при Микатагахара] Токио: Сюнсюся, 1977.
31. Такэда-си касиндан дзиммэй дзитэн : [Словарь имен вассалов Такэда] / сост. Сибацидзи Сюнроку, Хираяма Ю, Курода Мотоки, Марусима Кадзухиро. Токио: Токёдо сёппан, 2015.
32. Такэда Сингэн-но субэтэ : [Всё о Такэда Сингэн] / под ред. Исогаи Масаёси. 6-е изд. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1987.
33. *Танака Ёсинари*. Коёгункан ко : [Исследование «Коёгункан»] // «Коёгункан». Т. 3. Сост. и коммент. Исогаи Масаёси и Хаттори Харунори. 3-е изд. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1983.
34. Указатель имен // Сэнгоку ибун. Такэда-си хэн : [Наследие Сэнгоку. Клан Такэда] / под ред. Сибацидзи Сюнроку, Курода Мотоки, Марусима Кадзухиро. Т. 6. Токио: Токёдо сёппан, 2006.
35. *Уэно Харуо*. Тэйхон. Такэда Кацуёри : [Исправленное издание. Такэда Кацуёри]. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1987.
36. *Хираяма Ю*. Кэнсё Нагасино кассэн : [Битва при Нагасино. Верификация]. Токио: Ёсикава кобункан, 2014.
37. Коёгункан тайсэй : [Полный текст «Коёгункан»]. Т. 3. Сакуин хэн : [Указатель] / сост. Сакаи Кэндзи. Токио: Кюко сёин, 1994.

Поступила в редакцию 20.12.2016

Автор:

Полхов Святослав Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (Москва).
E-mail: cjr-ran@yandex.ru

The Problem of Authorship and Genesis of *Koyogunkan* in Japanese Historiography (Part 2)

S.A. Polkhov

The author of the article examines the latest trends in the Japanese historians' studies of the origin and authorship of *Koyogunkan*., which can be considered to be an important source of study of Japanese history during the *Sengoku* period (the last third of the XV – the end of the XVI century). In Japanese academic circles *Koyogunkan* has been perceived for a long time as an unreliable source. Lately a definite withdrawal from such interpretation can be seen: in spite of some inaccuracies in chronology, *Koyogunkan* has been recognized in many aspects as a valid historical record, the potential of which has not yet been fully disclosed. The issue of attribution of *Koyogunkan* remains unresolved in full measure. In recent years arguments have been given in favor of an earlier origin of *Koyogunkan*. Prospective authors and compilers of this narrative have been associated with the samurai who served the house of Takeda. Japanese historians believe that *Koyogunkan* provides valuable information for the study of ideology and mentality of warriors during the *Sengoku* period.

Keywords: «Koyogunkan», Japanese historiography, Takeda Shingen, sengoku gunki, Obata Kagenori, Kosaka Masanobu, Sengoku jidai.

Received 20.12.2016

Author:

Polkhov Svyatoslav A., Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: cjr-ran@yandex.ru

Масштабы внешних миграций на острова Японского архипелага: период Яёй – начало VIII века

С.А. Сорокин

В статье анализируются масштабы внешних миграций, происходившие в период Яёй–Кофун. Рассматривается проблема периодизации ранней истории Японии. Пересмотрена оценка масштабов миграций, опубликованная Ханихара Кадзуро в 1987 г.

Ключевые слова: Япония, миграционный период, Дзёмон, Яёй, Кофун, численность мигрантов.

Миграционные процессы до VIII века

Миграции палеолитического человека на острова Японского архипелага могли происходить более 40 тысяч лет назад, когда Хоккайдо и Сахалин были связаны ледником. Предки современного человека следовали по маршруту, проложенному стадами крупных животных, перемещавшихся с материка на Хоккайдо.

На рубеже Дзёмон–Яёй мигранты из материковой части Восточной Азии импортировали на территорию Японского архипелага культуру возделывания риса и бронзово-железные технологии. В V–VI вв. переселенцы из государства Пэкче, теснимые государствами Силла и Когурё, принесли в Ямато буддизм и письменность. С миграциями из завоеванных Силла Пэкче и Когурё, происходившими во второй половине VII в., связывают начало формирования правового государства. К началу VIII в. массовые внешние миграции прекратились.

М.В. Воробьев сообщает, что *в новую эру* иммигранты прибывали в Японию через Корейский полуостров тремя волнами: в IV – начале V века, во второй половине VI – начале VII века и в 60-е годы VII века – VIII веке. *«Мы знаем даже приблизительное время прибытия отдельных партий, их примерную численность и расселение по стране»* [1]. В соответствии с летописями VIII века, большие группы китайцев из префектур Лолан и Дайфан (Корея), переселившиеся в Японию, состояли из циньцев (*хата*) и ханьцев (*ая*). Подворные списки иммигрантских родов *хата* и *ая* были составлены при правлении Киммэй (539–571). Предполагается, что обе группы мигрантов прибыли между 370–375 гг. Сведения о численности мигрантов фрагментарные:

- При Юряку (вторая половина V века) согласно «*Синсэн сёдзи року*» («*Новый реестр кланов и фамилий*»), насчитывалось 92 корпорации (*бэ*) циньцев-иммигрантов *хата* общей численностью 18 670 человек.

■ При Киммэй (вторая половина VI века) циньцев оказалось 7053 двора, что, возможно, составляло 3 % всего податного населения¹.

■ Сведения о ханьцах ая еще менее определенны: в «Кого сюи» («Дополнения к сказаниям о старине») их численность определяется десятками тысяч.

■ «Переселениями в Ямато групп ая и хата миграции на острова не закончились, они лишь сократились. Так, в 666 г. из Пэкче прибыло 2 тыс. человек обоего пола» [1].

■ К периоду Хэйан – свыше трети аристократических семейств Ямато заявляли о китайском или корейском происхождении.

■ По мнению Ю.А. Говорова [2], в VII–IX веках 3–4 % населения Японии составляли китайские переселенцы² – беженцы от социально-политических проблем в Китае. Ю.А. Говоров, оценивая численность Японии VIII века в 8,5 млн человек, выделяет главное влияние на Японские острова до VII века – как корейское, и лишь с VII века – влияние Китая напрямую. По генеалогии «Сёдзироку» («Кто есть кто») периода Нара (VIII век), свыше трети аристократических семей Ямато были континентального происхождения. Более поздняя «Синсэн сёдзироку» (815 г.) относит к корейским родоначальникам одну треть знатнейших японских родов. Родов китайского происхождения – в 2 раза меньше.

■ На основании переписи, проведенной в начале IX века, указывается число иноземных кланов (сёбан) – 327. Называется их происхождение и расселение.

Приведенные фрагменты сведений трудно сложить в полную картину миграционного процесса. Можно представить лишь нижнюю границу масштабов миграций, происходивших в период Яёй–Кофун: к 700 г. только китайских переселенцев было не менее 150 тыс. человек.

Однако в 1987 г. японский антрополог Ханихара Кадзуро предпринял попытку оценить общее число мигрантов, обосновавшихся на Японских островах с начала периода Яёй до начала VIII века. Историки, ссылающиеся на работу Ханихара Кадзуро, скептически относятся к представленным результатам. Например, А.Н. Мещеряков и М.В. Грачев пишут: «Ханихара Кадзуро пришел к шокировавшему многих выводу, что число переселенцев за период с начала Яёй и до VIII в. составило около 1 200 000 человек <...> конкретная цифра переселенцев с материка <...> вызывает сильные сомнения среди многих специалистов по истории и исторической демографии» [3].

Оценки Ханихара Кадзуро

Ханихара Кадзуро [4] произвел оценку масштабов внешних миграций, происходивших в интервале времени между началом периода Яёй и завершением периода Кофун. Поскольку период Кофун завершился на рубеже VI–VII веков, а началом периода Яёй Ханихара Кадзуро полагал 300 г. до н. э., произведенная оценка охватывала интервал времени в одну тысячу лет. Задача решалась двумя методами: один метод был основан на моделировании темпов роста населения, а другой – на краниологическом анализе. Далее будет рассмотрен только первый из названных методов.

¹ Оценка этих 3 % приводит приблизительно к 120 000 циньцев.

² Оценка этих 3–4 % приводит приблизительно к 150 000 китайских переселенцев.

При моделировании темпов роста населения Ханихара Кадзуро использовал результаты исследований, полученные различными авторами:

- результаты компьютерного моделирования, выполненные Коуата в 1979 г. для периодов Дзёмон (начиная с 8 000 лет до н. э.), Яёй (300 г. до н. э. – 300 г.) и Кофун (300–700 гг.), а также работу Коуата 1984 г.;
- результаты исследований ряда специалистов в области демографии (Ханихара Кадзуро ссылается на публикацию Okazaki 1986 г.);
- данные Всемирной истории населения от начала Новой эры, составленные McEvedy и Jones в 1978 г.;
- работы Carneiro и Hilse 1960 г., Hassen 1973 и 1981 г., в которых были даны оценки масштабов и годовые темпы роста неолитических популяций на основе размеров общин и их репродуктивных возможностей.

В основу моделирования Ханихара Кадзуро положил экспоненциальный рост популяции:

$$N = N_0 \cdot e^{r \cdot t}, \quad (1)$$

где

N_0 – начальная численность населения,

r – ежегодные темпы роста.

Из (1) следует:

$$r = \frac{1}{t} \cdot \ln \left(\frac{N}{N_0} \right). \quad (2)$$

Предполагая, что население Японии в 700 г. н. э. (N_2) состояло из потомков коренного населения Дзёмон и потомков мигрантов, переселившихся в Японию после 300 г. до н. э., Ханихара Кадзуро вычислял N_2 следующим образом:

$$N_2 = N_0 \cdot e^{r \cdot t} + N_m \cdot \sum_{m=1}^t e^{r \cdot (t-m)}, \quad (3)$$

где

$t = 1\,000$ лет,

N_0 – численность населения, состоявшего из потомков населения Дзёмон,

N_m – среднее количество мигрантов в год.

Из (3) следует:

$$N_m = \frac{N_2 - N_0 \cdot e^{r \cdot t}}{\sum_{m=1}^t e^{r \cdot (t-m)}}. \quad (4)$$

Для решения уравнения (4) необходимо было определить константы: N_0 , N_2 , r . На основании оценок Коуата были выбраны:

- численность населения в финальной стадии Дзёмон: $N_0 = 75\,800$,
- численность населения на рубеже VI–VII веков: $N_2 = 5\,399\,800$.

На основании этих оценок были получены годовые темпы прироста населения

$$r = 0.00427,$$

т. е. 0,427 %, что существенно превосходит аналогичный показатель, характерный для других ранних сельскохозяйственных популяций. По мнению Ханихара Кадзуру, причиной таких высоких темпов роста населения являются значительные масштабы миграций на Японский архипелаг, происходившие в течение тысячи лет.

Анализируя темпы роста различных популяций, находившихся в прошлом на стадии раннего земледелия, Ханихара Кадзуру полагал, что для финальной стадии Дзёмон приемлемой величиной этого показателя является 0,1 %. Однако использование такого темпа роста населения в расчетах приводило к невероятно большим масштабам миграций. Варьируя этот показатель, Ханихара Кадзуру остановился на значении 0,2 %. При таком показателе r , но при различных величинах N_0 , общий масштаб миграций составил 1 320 869 – 1 516 516 человек. В таком случае концентрация потомков мигрантов в населении 700 года должна была составлять 24–28 %.

В связи с этим Ханихара Кадзуру обозначил следующие вопросы:

- не является ли численность населения в финальной стадии Дзёмон (N_0), заимствованная у Коуама, заниженной;
- является ли характеристика темпов роста населения 0,2 % приемлемой;
- являются ли возможными такие масштабы миграций в условиях раннего земледелия Японского архипелага на протяжении 1000 лет?

Косвенный ответ на первый вопрос Ханихара Кадзуру находит в работе McEvedy и Jones 1978 г. – в Корее в течение первого тысячелетия темпы роста составляли 0,25 %. Любой вариант ответа на второй вопрос не приводит к осязаемому изменению ситуации: допустимое изменение N_0 при постоянной величине r слабо влияет на величину миграций. Для ответа на последний вопрос, список сомнений Ханихара Кадзуру следует дополнить, как минимум, еще одним пунктом:

- какими хронологическими координатам определяется период Яёй?

Датирование периода Яёй

Существующие в настоящее время модели периодизации японской истории демонстрируют рассогласование датировок от палеолита до периода Кофун. Начальная хронологическая координата периода Яёй является предметом споров и постепенно «мигрирует» от 300-го года до новой эры до почти 1000-го года новой эры [3, 5, 6]³. Список публикаций, содержащих противоречия относительно хронологии периода Яёй, можно

³ А.Н. Мещеряков и М.В. Грачев указывают следующие границы периода Яёй: 300 г. до н. э. – 300 г. н. э. [3]; Франсуа и Миеко Масае границы периода Яёй приводят в двух вариантах: около 600 г. до н. э. – 300 г. н. э. [5, с. 11] и IV в. до н. э. – III в. н. э. [5, с. 14]; Д.А. Суровень начало периода Яёй относит к V веку до н. э. [6].

продолжать, однако уместно переадресовать читателя к статье корейского историка Shōda Shinya «*A Comment on the Yayoi Period Dating Controversy*» [7].

Впервые радиоуглеродный анализ ^{14}C для датировки периода Яёй применил Mori Teijirō в 1968 г., но еще до этого события некоторые ученые предложили аналогичные даты начала периода Яёй без применения радиоуглеродного анализа: в 1951 г. Kobayashi Yukio и в 1961 г. Sugihara Sōsuke оценили дату начала раннего Яёи III–II веками до н. э., анализируя китайские зеркала и монеты. Далее, в 1971 г. Okazaki Takashi и в 1979 – Hashiguchi Tatsuya также предположили начало раннего Яёй около 300 г. до н. э.

В 1977–1978 гг. в Itazuke и в 1980–1981 гг. в Nabatake были раскопаны рисовые поля, характерные для культуры периода Яёй, но они принадлежали к стадии глиняной посуды типа Yu'usu (Yu'usu-shiki doki), т. е. к финальной стадии Дзёмон. В 1983 г. Sahara Makoto предположил, что этот этап должен быть включен в период Яёй, и назвал его Initial Yayoi (Yayoi sōki). Датировка глиняной посуды типа Yu'usu была отнесена к V–IV векам до н. э. еще в 1971 г. Okazaki Takashi. С 1983 г. начало периода Яёй было отнесено к V веку до н. э.

В качестве альтернативы для определения даты начала Яёй использовались и корейские материалы (бронзовые кинжалы лютнеобразной формы, распространенные в Китае, Корее и Японии). Кроме того, была детально выполнена типологическая кросс-датировка гончарного и каменного инструмента, найденного между южной частью Корейского полуострова и севером Кюсю. Названные материалы легли в основу датировки периода Яёй. Например, Takesue Jun'ichi в 2002 г. определил дату начала периода Яёй VI или V веком до н. э. в соответствии с типологическим кросс-анализом и датировкой по годовым кольцам.

В 2003 г. Национальный музей японской истории (National Museum of Japanese History) объявил, что начало периода Яёй датируется на 500 лет раньше, чем считалось до этого момента (т. е. около X века до н. э.). Этот результат был получен благодаря исследованию обугленных фрагментов на образцах глиняной посуды методом AMS ^{14}C (Shōda Shinya ссылается на работу коллектива авторов [8]). Некоторые археологи сразу же приняли новую датировку, в то время как многие другие ученые первоначально отнеслись к этому факту критически. Противоречия в методах датирования продолжают обсуждаться, однако постепенно археологи приходят к выводу, что назрела необходимость реконструировать историю I-го тысячелетия до н. э. не только в Японии, но и во всей Северо-Восточной Азии.

Масштабы миграционных процессов

Обсуждая результаты работы Ханихара Кадзуро, следует выделить несколько пунктов.

- Начальная хронологическая координата периода Яёй теоретически может быть отодвинута до почти 1000 г. до н. э. (эта дата продолжает быть предметом споров). Публикация Ханихара Кадзуро относится к 1987 г., хотя в 1983 г. японскими историками начало периода Яёй уже было отнесено к V веку до н. э. [7]. Таким образом, первым пунктом обсуждения является датировка хронологической координаты периода Яёй.

- Следующий пункт касается численности населения в начале миграционного периода. Ханихара Кадзуро в своей публикации высказал сомнение относительно этого показателя – именно по этой причине вычисления представлены им в двух вариантах.

▪ Величины численности населения в начале и на завершающем этапе миграционного периода должны быть основаны на результатах исследований динамики численности и общего прироста населения. Эти результаты указывают на начало VIII века до н. э. как на начало стремительного роста населения (рис. 1).

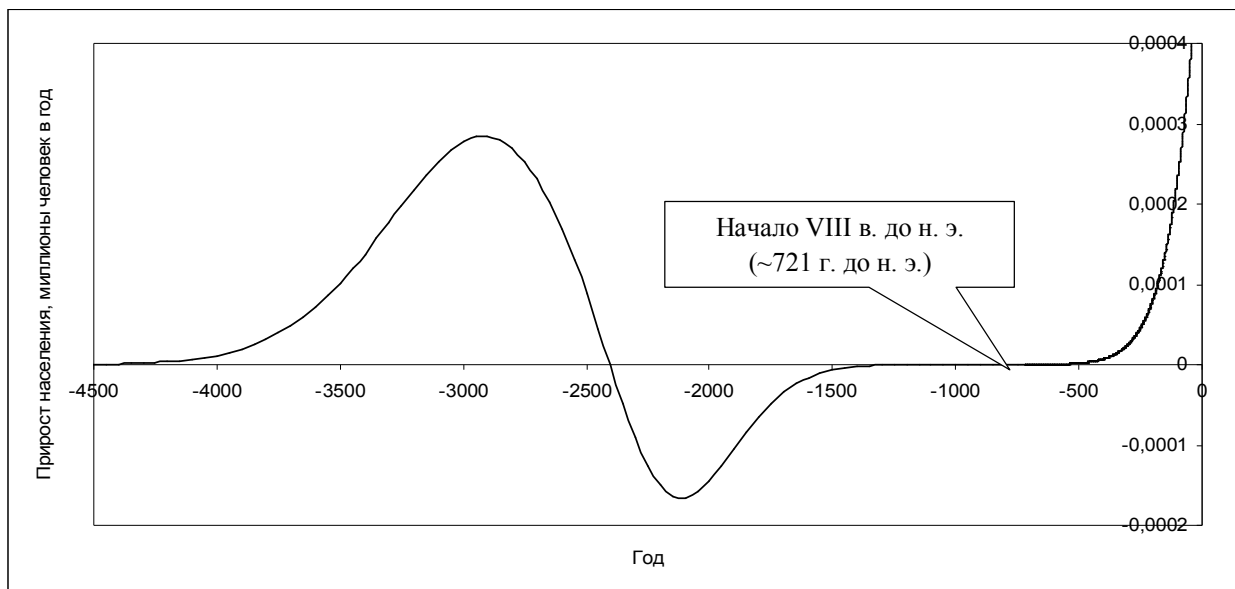

Рис. 1. Общий прирост населения Японского архипелага: $\frac{dN}{dt}$.

Источник: исследования автора.

▪ Если начало миграционного периода переместить в начало VIII века до н. э., тогда экспоненциальная зависимость (1) теряет адекватность.

Не изменяя модели Ханихара Кадзуро, сохраняя неизменным миграционный период времени, но вводя в вычислительный процесс другие начальные условия, получаем результат, отраженный в табл. 1.

Таблица 1. Потомки мигрантов в населении 700 года новой эры

Миграционный период	Население, человек		Годовые темпы прироста населения, %	Численность потомков происхождения Дзёмон, человек	Количество мигрантов, человек		Концентрация потомков мигрантов в населении 700 года, %
	В начале периода	В конце периода			В год	Всего	
300 г. до н. э. – 700 г.	138 191	4 756 396	0,10	2 205 624	2551	2 550 772	54
			0,15	2 972 705	1784	1 783 691	38
			0,20	3 585 947	1170	1 170 449	25
			0,25	4 068 551	688	687 845	14
			0,30	4 444 579	312	311 817	7
			0,354	4 756 396	0	0	0

Из таблицы следует, что если вслед за Ханихара Кадзуро принять величину годовых темпов роста равной 0,2 %, тогда: за период времени в 1000 лет (300 г. до н. э. – 700 г.) общее количество мигрантов к 700 г. должно было составлять 1 170 449 человек, а концентрация потомков мигрантов в населении 700 г. должна была достигать 25 %.

Как уже было отмечено, такие масштабы миграций вызывают серьезные сомнения. Следует увеличить миграционный период приблизительно на 400 лет (вычислительный анализ указывает на 721 г. до н. э., как на начало значительного роста населения). Поскольку значительное увеличение миграционного периода делает невозможным использование уравнения (1), необходимо ввести в это уравнение небольшую поправку:

$$N = N_0 + N_1 \cdot e^{r \cdot t}, \quad (5)$$

$$N_m = \frac{N_2 - N_0 - N_1 \cdot e^{r \cdot t}}{\sum_{m=1}^t e^{r \cdot (t-m)}}. \quad (6)$$

Таблица 2. Потомки внешних мигрантов в населении 700 года новой эры

Миграционный период	Население, человек		Годовые темпы прироста населения, %	Численность потомков происхождения Дзёмон, человек	Количество мигрантов, человек		Концентрация потомков мигрантов в населении 700 года, %
	В начале периода	В конце периода			В год	Всего	
721 г. до н. э. – 700 г.	136 211	4 756 396	0,10	2 883 685	1318	1 872 711	39
			0,15	3 627 577	794	1 128 819	24
			0,20	4 115 808	451	640 588	13
			0,25	4 418 606	238	337 790	7
			0,30	4 596 200	113	160 196	3
			0,35	4 694 357	44	62 039	1
			0,40	4 744 833	8	11 563	0,2
			0,4196	4 756 396	0	0	0

Результаты, полученные с учетом названных изменений, отражены в табл. 2. Выбрав из таблицы вариацию годовых темпов роста, равную 0,2 %, получаем следующий результат: за период времени, приблизительно равный 1400 лет (начало VIII века до н. э. – 700 г.), общее количество мигрантов должно было составлять около 640 000 человек, а концентрация потомков мигрантов в населении 700 г. должна была достигать 13 %.

Выполненные расчеты свидетельствуют в пользу справедливости сомнений многих исследователей относительно оценки масштабов миграций, представленной Ханихара Кадзуро.

Библиографический список

1. Воробьёв М.В. Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М.: Наука, 1980. 334 с.
2. Говоров Ю.Л. История стран Азии и Африки в Средние века. Основы лекционного курса. Кемерово: КГУ, 1998. 145 с.
3. Мещеряков А.Н., Грачев М.В. История Древней Японии. М.: Наталис, 2010. 544 с.
4. Hanihara Kazuo. Estimation of the Number of Early Migrants to Japan: A Simulative Study // Journal of Anthropological Society of Nippon. V. 95. 1987. № 3. PP. 391–403.
5. Маса Ф., Маса М. Япония эпохи Эдо. М.: Вече, 2013. 384 с.
6. Суровень Д.А. Участие тунгусо-маньчжурских народов в заселении Японских островов // Вестник УрО РАН. 2012. № 4 (42). С. 80–90.
7. Shōda Shinya. A Comment on the Yayoi Dating Controversy. // Bulletin of the Society for East Asian Archaeology (BSEAA), Vol. 1 (2007). PP. 1–7.
8. Harunari Hideji, Fujio Shin'ichirō, Imamura Mineo and Sakamoto Minoru. Yayoi Jidai no Kaishi Nendai : [The beginning of the Yayoi period] // Nihon Kōkogaku Kyōkai Dai 69 Kai Sōkai Kenkyū Happyō Yōshi. Tōkyō: Nihon Daigaku. P. 65–68. [春成秀爾・藤尾慎一郎・今村峯雄・坂本稔 2003 「弥生時代の開始年代」 日本考古学協会 第69回 総会研究発表要旨. 東京: 日本大学].

Поступила в редакцию 08.02.2017

Автор:

Сорокин Сергей Анатольевич, кандидат технических наук, Российский государственный университет правосудия, Нижегородский государственный университет (Национальный исследовательский университет). E-mail: sas_rsuj_unn@mail.ru

The extent of external migration on the island of the Japanese archipelago: Yayoi period – the beginning of the VIII century

S.A. Sorokin

The article analyzes the scale of external migration that took place during periods of Yayoi–Kofun. The author reviews the problem of periodization of Japan's early history. The estimate of migration, given by Hanihara Kazuro in 1987, is being revised.

Keywords: Japan, migration period, Jomon, Yayoi, Kofun, number of migrants.

Received 08.02.2017

Author:

Sorokin Sergey A., Ph.D., Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod State University (National Research University). E-mail: sas_rsuj_unn@mail.ru

Проблемы завершения «Сибирской экспедиции» в Забайкалье. Новые документы по истории японской интервенции в Сибири

В.Г. Дацышен

Статья посвящена проблемам истории японской интервенции в Сибири. На основе документов из фондов региональных архивов и публикаций в редких изданиях подробно рассматриваются вопросы завершения японской интервенции в Прибайкалье и Забайкалье в конце 1919–1920 гг. Вводимые в научный оборот документы указывают на региональные особенности истории русско-японских отношений. Автор пытается, отказавшись от старых политических установок, рассмотреть события с разных сторон, показать их противоречивость.

Ключевые слова: русско-японские отношения, японская интервенция в Сибири, Забайкалье.

Участие Японии в иностранной военной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке России в 1918–1922 гг. широко освещено в советской и современной российской исторической литературе. Однако до сих пор при этом сохраняются старые подходы и оценки. Крайняя политизированность и бескомпромиссность оценок в XX веке были обусловлены тем, что в России победили большевики, против которых и была направлена интервенция. Проблема заключалась не только в том, что поддерживаемые японцами политические силы в Советском Союзе были ликвидированы и не могли влиять ни на общественное мнение, ни на развитие историографии. Вооруженная интервенция, как и любая военная акция, своим следствием имела жертвы и разрушения, в том числе и среди мирных жителей. В масштабах XX века, в котором только Россия в войнах потеряла погибшими около 50 миллионов человек, принесенные японской армией на русскую землю жертвы и разрушения являются относительно небольшими. Однако для востока России это было глобальным событием: с конца XVII века и до настоящего времени японская военная интервенция была единственным случаем, когда иностранная армия находилась в Сибири и на Дальнем Востоке.

Перед отечественной историографией японской интервенции стоят задачи всестороннего изучения проблемы с учетом региональных особенностей исторической картины. Для ее дальнейшего изучения, как и для изучения истории русско-японских отношений в целом, необходимо отказываться от устаревших идеологических установок и прилагать усилия для расширения базы источников исследований. И здесь особое внимание необходимо обратить на фонды региональных архивов и материалы периодической печати.

История японской интервенции в Сибири берет начало в событиях весны 1918 г., происходивших во Владивостоке и на станции Маньчжурия. Вмешательство Японии во внутренние дела России перешло в новое качество после высадки японского десанта во Владивостоке 5 апреля 1918 г. Руководимые большевиками Советы выразили протест и призвали русское население к сопротивлению. В «Резолюции Центр-Сибири», принятой на заседании 5 апреля 1918 г., говорилось: «ЦИК протестует против высадки Японского десанта... Сибирские рабочие и крестьяне окажут все возможное сопротивление в случае попыток японских империалистов приступить к захвату какой либо части Сибири...» [4. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 570. Л. 1–2]. Одновременно с высадкой японского десанта во Владивостоке лидер антисоветского движения в Забайкалье атаман Г.М. Семенов начал наступление со станции Маньчжурия, где он нашел поддержку и помощь японцев, на Читу. Сам атаман писал: «При Штабе находился батальон японских добровольцев в количестве до 600 человек... Японский батальон был создан по инициативе капитана Куроки, который командировал сотрудников своей миссии, г.г. Анжио и Сео Эйтаро, в Южную Маньчжурию для привлечения добровольцев из числа резервистов. Они успешно справились с поставленной им задачей, завербовав на службу в отряд несколько сот человек, только что окончивших службу солдат. Батальоном командовал доблестный офицер капитан Окумура» [23, с. 158].

Вмешательство японцев в события в России стали важным фактором развития гражданской войны в Сибири. В «Воззвании» от имени центрального органа Советской власти в Сибири говорилось: «На Сибирскую Советскую Республику совершено нападение международным капитализмом... 5 апреля кончается срок, данный китайскими властями в Маньчжурии, срок до которого эти власти обязались не допускать Семенова в пределы России...» [4. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 570. Л. 3]. Акции японских военных развязали руки наиболее радикальным элементам в руководстве Советов по активизации борьбы со всеми недовольными новой властью. В «Резолюции Центр-Сибири» говорилось: «Вся Сибирь объявляется на военном положении. Все уездные и губернские Советы немедленно должны создать военно-революционные штабы, которые руководят делами обороны страны от внешнего наступления империализма...» [4. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 570. Л. 1–2].

В середине мая 1918 г. возвращавшийся из плена на родину Чехословацкий корпус поднял восстание и вскоре захватил Транссиб. Свержение чехословаками Советской власти в Забайкалье в июне 1918 г. было произведено при противоречивом взаимодействии с японскими войсками. Современник отметил: «Чехи под командой Гайды и сибирские войска... пробились к Маньчжурии, разбив повсюду красных, и у Онона встретились с Семеновым и японцами... Японская кавалерия, переправлявшаяся через Онон, немало повлияла на миролюбивый исход. Чехи не решились на столкновение, в которое могли вмешаться и японцы...» [14, с. 161].

Таким образом, начало японского вмешательства в военно-политические события на территории Сибири (Забайкалья) совпало, но не было напрямую связано с японскими акциями во Владивостоке. Не случайно и дальнейший ход событий, включая вывод японских войск из Сибири, также имели значительные отличия от событий японской интервенции на Дальнем Востоке.

Японская интервенция в России перешла на качественно новый уровень в августе 1918 г. Япония действовала совместно с другими странами Антанты, более того, японские войска прибыли во Владивосток не первыми, а вслед за британским и китайским отрядами. 11 августа 1918 г. во Владивостоке высадились около 2 тыс. японских солдат 12-й дивизии. В течение августа месяца численность японских войск, высадившихся во Владивостоке, достигла 28 тыс. своих солдат [1. Ф. 990. Оп. 1. Д. 1. Л. 12].

Войска антисоветского Сибирского правительства и восставшего Чехословацкого корпуса двигались в Забайкалье с запада. 27 августа 1918 г. в Читу вступили войска командующего 1-м Средне-Сибирским корпусом А.Н. Пепеляева и чехословаки. В районе станции Оловянная войска Сибирского правительства встретились с семеновцами, а 6 сентября японские войска вошли в Читу. Сам Г.М. Семенов утверждал: «Впервые мы встретились с союзниками в самом начале октября 1918 года, когда 7-я дивизия Императорской японской армии, под командой генерал-лейтенанта Фудзий, прибыла в Забайкалье. Конные части О.М.О. (Особого Маньчжурского отряда), совместно с японскими кавалерийскими частями под общим руководством Генерального штаба капитана Андо, форсировали... Онон» [24, с. 174]. На станции Маньчжурия разместился штаб 7-й японской дивизии. Собственно в Забайкалье и Прибайкалье были размещены части 3-й японской дивизии из Нагоя со штабом в Чите.

Забайкалье было самым дальним регионом, который Япония согласилась оккупировать. Поэтому японская военная интервенция в Забайкалье имела свои особенности, отличия от интервенции в Приморье, Приамурье и на Сахалине. Необходимо отметить ряд факторов: в Сибири японцев проживало немного, на порядок меньше, чем на Дальнем Востоке; в Сибири жестче, чем где бы то ни было, проходило противостояние между «правительством» и «атаманами». В Забайкалье японские войска продолжали поддерживать атамана Г.М. Семенова, защищая его от армии адмирала А.В. Колчака. Белый офицер писал в дневнике: «9 декабря. Японцы остановили отряд Волкова, посланный для ликвидации Семенова... 12 декабря... японцы разоружили сибирские части, двинутые для ликвидации Читы...» [13, с. 239–240].

Японское общество было отнюдь не единодушно по вопросу интервенции в России. Уже в 1918 г. в Советской России отмечали: «В японской печати даже после десанта, высаженного во Владивостоке, значительная часть прессы осуждала обострение отношений с Советской властью и указывала, что Мотоно не сумел правильно оценить силу и влияние Советского правительства и благодаря своей оккупационной политике напрасно ухудшил отношения с русскими соседями. Некоторые газеты (напр. «Токио Ници-ници») предлагали немедленно принять меры к восстановлению добрососедских отношений с Россией, а для этого признать Советское правительство и вернуть посла Уциду обратно в Россию» [20, с. 53].

Широкомасштабная интервенция вызвала к жизни противоречия и определенную неприязнь в отношениях между антисоветскими русскими силами и японскими военными. Один из сибирских лидеров, Г.К. Гинс, проехавший в сентябре 1918 г. в составе миссии главы Временного сибирского правительства П.В. Вологодского от Омска до Владивостока, писал в своем дневнике: «Начиная с Читы, повсюду встречаются японские солдаты и офицеры. Главу Сибирского правительства никто из японских военных властей не выражал желания видеть. Японцы делали свое дело настойчиво, без шума и, казалось, с полным

безразличием к русской власти» [14, с. 174]. Но в условиях бескомпромиссной гражданской войны именно с интервентами были связаны надежды на физическое выживание сотен тысяч людей. При этом отмечены случаи спасения японцами и сторонников большевиков. Сотрудник Американского Красного Креста в конце 1918 г. описал в своем дневнике помощь, которую иностранцы, в том числе и японские военные, оказывали арестованным белыми властями русским, массово умирающим от нечеловеческих условий содержания [19, с. 107–108].

Действительно, будучи реальной властью на оккупированных территориях, японцы вынуждены были решать и гуманитарные задачи. В леволиберальной Владивостокской газете писали, что за первый год интервенции «на дело благотворительной помощи Япония израсходовала около одного миллиона иен и пожертвовала медицинского товара на 100 000 иен. Врачебной помощью Японских военных врачей воспользовалось до 60 000 русских в Сибири» [7. 1919. 13 ноября]. Эти сообщения подтверждаются архивными документами. В качестве примера можно привести «Акт. 1919 г. октябрь 17 дня», в котором говорилось: «Мы нижеподписавшиеся обсудив по поручению Начальника гарнизона в поселке Маньчжурия Генерал-Майор Казачихина вопрос о распределении присланных Японским комитетом оказания экономической помощи Сибири медикаментов между крестьянским, казачьим, железнодорожным населением и беженцами, проживающими в Восточной части Забайкальской области, постановили: 1/ распределить медикаменты между следующими врачебными участками и беженцами... 3/ В получении медикаментов каждым амбулаторией, участками или больницей должны быть присланы расписки с перечнем полученных медикаментов и их количества Начальнику гарнизона поселка Маньчжурия, для передачи Начальнику Японского Гарнизона» [2. Ф. 329. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–1 об.].

Весной 1919 г. в читинской газете «Русский Восток» в передовицах встречались утверждения: «Веря в искреннее содружество Японии, и видя ее жертвы, мы уверены, что Россия будет спасена» [9. 1919. 6 апреля]. И антисоветские русские силы, и их союзники на Западе надеялись на то, что Япония направит войска против наступающей с запада Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В томской газете «Сегодня» в марте 1919 г. в заметке «Японцы об экспедиции на Урал» говорилось: «По поводу слухов о возможности появления японских войск на Уральском фронте, издающаяся во Владивостоке японская газета «Владиво-Ниппо» пишет: «За последнее время циркулируют слухи о посылке японских войск на Урал. Эти слухи пока ни на чем не основаны, но связаны с поездкой товарища военного министра по Сибири и приездом помощника начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Фукуда... Решение этого вопроса должно последовать только после того, как станет известно мнение всей страны». [10. 1919. 21 июля]. Надежды антисоветских сил на то, что Япония направит свои войска в Западную Сибирь, не оправдались. По соглашению о разделе районов ответственности на железной дороге от 17 апреля 1919 г. Япония, наряду с Амурской железной дорогой, получила и часть Забайкальской, от Верхнеудинска до Маньчжурии.

На протяжении в 1919 г. японские войска не только занимали огромные территории, но и принимали самое активное участие в боях и карательных акциях против красных партизан и мирного населения. Однако собственно в Сибири данные события были не столь масштабны, как в Амурской и Приморской областях. В истории Сибири не зафиксированы

случаи кровавых акций, подобных уничтожению японцами Ивановки в Амурской области. Весной 1919 г. в читинской газете «Русский Восток» писали: «Отношение широких кругов русского общества к пришедшим нам на помощь союзникам – японцам, с каждым днем становится более и более определенным. Та осторожность и даже подозрительность, с которою относилось поначалу наше общество к восточным друзьям, постепенно рассеивается. Многие видят... пользу, которую оказывают они в деле воссоединения Российского государства... Не так давно дальневосточные военные власти выражали перед японским командованием свое восхищение по поводу геройства японских войск, дерущихся под Благовещенском... По павшим героям солдатам-японцам, погибшим за спасение России, были отслужены панихиды. Владивостокское русское биржевое общество в целях увековечивания памяти павших за возрождение России японских воинов, решило изготовитьменные медные доски и сдать их на хранение при известных храмах Японии...» [9. 1919. 6 апреля].

Для успешного решения военно-политических задач в России Япония максимально задействовала свои спецслужбы. В японских оккупационных войсках были созданы «органы особой службы для сбора разведывательных сведений и выполнения задач, лежащих вне компетенции верховного командования», известные в России как Японские военные миссии (ЯВМ). Исследователи указывают, что в состав «органа особой службы в Чите и Иркутске» входили полковник Куросава, майор Югами, капитан Хаяси, капитан Кано, старший лейтенант Ибара, фельдфебель Сато. В обязанности японских «органов особой службы» в Чите и Иркутске входили: «Инструктаж и помощь забайкальскому казачеству. Руководство регулярной русской армией. Контроль и управление газетами. Сбор разведывательной информации. Связь с органом особой службы в Омске» [22, с. 81].

С января 1919 по январь 1920 г. начальником ЯВМ в Омске был генерал-майор Такаянаги Ясутаро. В состав «органа особой службы» в Омске входили также полковник Фукуда, майор Микэ, капитан Хираса, капитан Савада, капитан Сакамото, старший лейтенант Окубо, старший военный врач Ёсии, старший интендант Такахаси, контр-адмирал Танака, капитан 2-го ранга Ёнаи [22, с. 82].

В Сибири во время интервенции работало много японцев, неплохо знавших Россию. В материале «Письма из Японии (От нашего Токийского корреспондента)», опубликованном во Владивостокской газете «Дальний Восток», говорилось: «Сегодня имел беседу с видным сотрудником влиятельной в Токио газеты «Кокумин» и распространенного журнала «Япония и японцы» – г. Минсо Като. Г. Като отлично знаком с Россией и характером русского народа. В конце первой половины 1918 г. он был в Восточной Сибири. Работая в качестве корреспондента от газеты «Кокумин» Като долгое время был в особом Маньчжурском атамана Семенова отряде... В начале нынешнего года Като долгое время жил в Чите и ныне думает вновь ехать в Сибирь корреспондентом от газеты «Асахи»... Что касается отношения японцев к большевизму, продолжал Като, думаю, что большевизм будет сломлен не вооруженной силой, а изживет сам себя. Рано или поздно наступит тот момент, когда большевики сознают бессмыслие своей программы» [7. 1919. 12 октября].

Начало эвакуации японских войск из Сибири было связано с поражением армии верховного правителя России адмирал А.В. Колчака. При этом Япония отказалась быть

«спасителем Сибири». Современники отмечали: «В августе, когда после совещания с Моррисом было решено просить Японию принять на себя охрану Сибирской дороги к западу от Байкала и послать для этого две дивизии, Токио ответил отказом, ссылаясь на климатические затруднения и на непопулярность в парламенте и обществе сибирских экспедиций» [14, с. 533].

«Сибирская экспедиция», действительно, вызывала недовольство в Японии. Одной из причин этого были большие людские и финансовые потери. В ноябре 1919 г. Владивостокская газета сообщала: «За время с августа 1918 года по минувший октябрь месяц в Сибирь прибыло всего 120,000 японских офицеров и нижних чинов, включая в это число также те дивизии, которые уже возвратились в Японию... Потери японских экспедиционных сил, по август месяц составляли: убитых 40 офицеров, 730 унтер-офицеров и рядовых; раненых — 40 офицеров и 650 унтер офицеров и рядовых. Кроме того умерло от болезней 500 офицеров и нижних чинов. По октябрь месяц Япония затратила на дело строительства Русской армии около 160 миллионов иен» [7. 1919. 13 ноября].

Отказ от полномасштабной интервенции в Сибири во второй половине 1919 г. не привел к сворачиванию Японией своего военного и политического присутствия. Газеты сообщали: «Чита, 8-Х. 8 октября утром, в 9 часов, сюда прибыл поезд посла г. Като, который был встречен на вокзале начальником 5-ой дивизии, генерал-лейтенантом Сузуки, вице-консулом Фурузава и др. Был с визитом также атаман Семенов. После обеда посетил японский Штаб и присутствовал поздно на устроенном генералом Сузуки в его честь приеме, отбыл в 9 часов вечера» [7. 1919. 12 октября].

Японская дипломатическая миссия покинула сибирскую столицу Омск последней, вместе в эвакуирующимся колчаковским правительством, 8 ноября 1919 г. К началу января 1920 г. колчаковская армия перестала существовать. Власть в Иркутске, еще не занятом Рабоче-Крестьянской Красной Армией, перешла в руки левого правительства под названием «Политцентр». Новое «восточно-сибирское правительство» сообщило представителям иностранных государств, в том числе «Японскому Консулу» и «Высокому Комиссару Японии»: «Настоящим доводим до Вашего сведения и просим сообщить Правительству Представителем коего Вы являетесь, что с 4-го сего Января власть Российского Правительства, возглавлявшегося Верховным Правителем Адмиралом Колчаком, прекратило свое существование свергнутая восставшим населением. Вся полнота высшей Государственной власти, принадлежавшей павшему Российскому Правительству, с указанного 4-го Января перешла к Политическому Центру, состоящему из представителей: Сибирского Земского Политического Бюро, Центрального Комитета...» [5. Ф. 867. Оп. 1. Д. 20. Л. 10].

Во время свержения колчаковской власти в Иркутске находились японские войска, которые, очевидно, не стали препятствовать переходу власти в руки социалистов. В Иркутской летописи отмечено: «30.XII (1919 г.)... Утром будто пришли пешком при этой стороне из Михалевой 500 японцев. Их встретили правительственные войска выстрелами, несколько человек убито и ранено; японцы ответили, убили 25, ранили 50. Недоразумение выяснилось. Вокзал занят японцами, повстанцы ушли в гору...»; «2 января с 8 ч. Редкая стрельба на Ушаковке... Японцы отказались принимать активное участие против повстанцев и т. п. Ожидается скорое прекращение военных действий и передачи власти новому

правительству... 3 января... Японцы берут на себя только охрану железнодорожной линии» [23, с. 375–378]; «6 января (24.XII) Перевоз чрез Ангару в руках японцев и чехословаков, которые, особенно первые, ведут себя очень вызывающе» [23, с. 381–382].

В январе 1920 г., когда в Иркутске реальная власть уже оказалась у большевиков, японские войска продолжали нести службу в Иркутске, постепенно эвакуируя имущество и сворачивая свое присутствие. Иркутский летописец записал: «10 января японцы снимают с телеграфных столбов телефонную проволоку... Японские отряды, расположенные в Иркутске, со всем своим имуществом оставляют город... С 16 января японские части несут по Иркутску гарнизонную караульную службу совместно с русскими войсками, т. е. выставя смешанные караулы. На ст. Иркутск расположены 5 рот японских войск всех родов оружия, включая даже и конницу. Каждая рота снабжена двумя пулеметами, имеют 4 полевых орудия» [23, с. 383–384].

В январе 1920 г. японские войска покинули Иркутск, отказавшись от участия в политических событиях на русской территории западнее Байкала. Одной из причин такой политики было почти полное отсутствие японских мигрантов на этой территории. Немногочисленные японские резиденты покинули Иркутск. По приведенным Сибревкомом данным Сибстатуправления в Сибири, согласно переписи 1920 г., японцев отмечено было лишь 5 человек в Енисейской губернии и 2 человека в Ново-Николаевской, в остальных губерниях западнее Байкала, включая Иркутскую, японцы не были зафиксированы переписью [15].

Формально адмирал А.В. Колчак перед казнью успел передать свою власть атаману Г.М. Семенову, который сформировал в Чите новое антисоветское правительство. Японское командование сделало ставку на новое читинское правительство и декларировало готовность продолжения борьбы с большевиками. В январском приказе начальника 5-й дивизии в Верхнеудинске говорилось о решимости остановить большевиков на Байкале. Генерал Умэда, выступая 27 января 1920 г. на заседании Нерчинской городской думы, заявил: «Японские войска стоят на станции Байкал и Дальнем Востоке и дальше на восток большевиков не пустят, ибо это будет оскорблением для японской армии» [21, с. 72].

Большевикам, умело сочетавшим дипломатические средства и силовое давление, удалось вынудить японцев оставить окрестности Байкала. Сибирская газета «Начало» 3 апреля 1920 г. поместила следующее сообщение: «В штабе Забайкальского фронта имеются следующие сведения относительно позиции японцев в Забайкалье. После ряда неудачных карательных экскурсий, предпринятых совместно с семеновцами, по Прибайкалью... японцы решили держаться нейтралитета. Они пытались завязать переговоры с повстанцами, старались передать в Верхнеудинске власть городским и земским управам, но потерпели неудачу. Теперь они держатся выжидательно» [2. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 842. Л. 23].

Японцы впустили советские войска в Верхнеудинск, после чего начали покидать город. 7 марта 1920 г. А.М. Краснощеков докладывал И.Н. Смирнову: «Сегодня прибыл в Верхнеудинск... Японцы эвакуируют Верхнеудинск. Было при занятии города тысяча человек в пяти эшелонах. Один отбыл вчера, два отбывают сегодня, последний – завтра. Японский генерал Агата здесь заявил, что с установлением власти земства японцы будут постепенно эвакуироваться. В Мозгон, 100 верст к западу от Читы, прибыл один эшелон

японцев в триста человек, в Читу еще 5 эшелонов. Цель, по словам местных японцев, – прикрытие отступления японцев из Верхнеудинска» [16, с. 20–21].

Таким образом, первый этап эвакуации японских войск из Сибири проходил в январе–марте 1920 г. Войска были выведены из Иркутска и Верхнеудинска, но делалось это с целью перегруппировки сил, концентрации их в ключевом районе железнодорожных коммуникаций и на территориях, где антисоветские силы и японские интервенты имели наибольшую поддержку местного населения. Япония контролировала железные дороги на восток, лишь 14 марта красный отряд временно захватывал станцию Оловянная. В начале апреля 1920 г. сотрудник Сибмиссии по иностранным делам О. Вебс сообщал председателю Иркутского губревкома Я.Д. Янсону: «Свое выступление в Оловянной японский командир объясняет тем, что после разоружения семеновского броневика был ограблен японский купец и что их солдат был задержан, когда шел в город...» [16, с. 41–42].

Японское командование весной 1920 г. сконцентрировало свои силы в районе Читы. На станции Могзон заняла позиции 5-я японская дивизия численностью до 10 тыс. человек. 23 марта 1920 г. из Верхнеудинска докладывали: «Авангард Иркутской дивизии 15 марта достиг разъезда 18 верст восточнее Хилок. Дальнейшее продвижение приостановлено по требованию японцев... Ссылаются на заключенный якобы договор с Калашниковым 7 марта в Верхнеудинске...» [16, с. 28]. По информации, полученной советским руководством из Верхнеудинска, весной 1920 г.: «Японских войск в Сибири числится до 70 000 человек, из них 45 000 штыков... Дислокация противника на Читинском фронте такова: севернее Читы – Воткинская дивизия, на запад к железной дороге – 5 японская дивизия, которая укрепляет станцию Мозгон... По последним сведениям, японские войска в Забайкалье активно помогают семеновцам... Переговоры нашей делегации о пропуске Народно-революционной армии на Читинском фронте до сих пор не состоялись. Японцы не дают ответа...» [16, с. 33–35].

Внутреннее и международное положение РСФСР не позволяло идти на прямой вооруженный конфликт с Японией. Советская сторона старалась не провоцировать японцев, не давать поводов для конфликта во всем. Например, японские подданные обладали особым статусом в Сибири. В начале 1920 г. на места рассылалось следующее предписание: «Имущество американских и японских подданных реквизиции не подлежит... Имущество остальных иностранцев подлежит реквизиции на общих основаниях» [3. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 304. Л. 8]. В документах, правда, есть указания на реквизиции и у японских торговцев. Например, в 1920 г. в Иркутске у японского подданного Асада Яомото был реквизирован «чай байховый Караван» [3. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 304. Л. 141]. Осторожность большевиков и «терпимость» японцев позволили избежать поводов для обострения двусторонних отношений.

Советское руководство разработало и реализовало проект вытеснения японцев с российской территории посредством создания буфера, роль которого сыграло временно созданное на востоке России формально буржуазно-демократическое государство. Идея «буфера» родилась не в Кремле, а была предложена местными политиками в Сибири. 20 января 1920 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов докладывал В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому: «Политцентр предлагает создать на востоке буферное государство, которое разорвет блокаду при помощи Америки и очистит от японцев дальний Восток исключительно

путем давления Америки... Реввоенсовет (5-й армии) принял решение: а) Признать государство-буфер, начиная от реки Оки, что у станции Зима, до Владивостока...» [16, с. 17]. Советские лидеры идею буфера одобрили, и менее чем через месяц ЦК РКП(б) принял решение о временном отказе от провозглашения советской власти восточнее Байкала. Тем более, Япония в своей декларации 31 марта объявила о невозможности немедленного вывода войск и соблюдении нейтралитета во внутриполитической борьбе в России.

Взгляды сибирских большевиков по вопросу японской политики значительно отличались от позиции Кремля. Забайкальская группа советских войск преобразована в марте 1920 г. в Народно-Революционную армию, под командованием Г.Х. Эйхе. В Чите 6-й Восточно-Сибирский армейский корпус атамана Г.М. Семенова был реорганизован в Дальневосточную армию под командованием генерал-лейтенанта Н.А. Лохвицкого. В начале апреля 1920 г. Реввоенсовет Народно-Революционной армии вновь созданного государственного образования (буфера) под названием «Дальне-Восточная Республика» (ДВР) предложил продолжить наступление на Читу, невзирая на опасность столкновений с японцами.

Оставив прилегающие к Байкалу территории, японские войска вскоре вновь проявили активность. В донесении Реввоенсовета НРА ДВР от 4 апреля 1920 г. говорилось: «Начдив Иркутской (дивизии. – В.Д.) донес, что отряд японцев (сто человек пехоты и кавалерии) и 70 казаков заняли деревню Шакша, что в трех верстах восточнее деревни Беклемишево, где наши передовые части. Только что получено донесение, что японцами занимают перевалы по путям к Чите, склоны закрепляются... В Чите – сводные части Пятой японской дивизии (8–10) тысяч) несут охрану города» [16, с. 46]. 10 апреля НРА начала наступление на Читу, но японские войска остановили большевиков. По такому же сценарию развивалось наступление 25 апреля. В начале апреля 1920 г. был открыт Восточно-Забайкальский фронт. Сначала красные партизаны оттеснили японские войска, но затем бои приняли затяжной характер.

Апрельские бои создали угрозу полномасштабного военного столкновения между Советской Россией и Японией. Штаб 5-й Армии перебросил несколько дивизий на Байкал для отражения возможного наступления японцев на Иркутск. Ротмистр В.А. Зиновьев записал в своих воспоминаниях: «В апреле 1920 года... мы выдержали натиск красных на Читу, следовавшими за нами по пятам со стороны Иркутска; его мы отбили, правда, с помощью японцев...» [18, с. 249]. Этот же офицер отметил: «Части 5-й японской дивизии занимали станцию Песчанку около Читы, а так же Нерчинск и Сретинск... красное командование поняло, что до тех пор, пока японские войска сами не уйдут из Забайкалья... большевики держали себя весьма пассивно и по соглашению с японским командованием не переходили линии Яблонового хребта» [18, с. 250].

Военное противостояние в Забайкалье для Японии было бессмысленным, белое движение уже не могло рассчитывать на победу. Член Военного совета НРА ДВР Н.К. Гончаров сообщил: «Японским начдивом 5 от имени высшего командования предложены переговоры 24 мая близ станции Гонготы, что приблизительно 100 верст юго-западнее Читы» [16, с. 75]. 28 мая 1920 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов передал руководству ДВР установки: «По поводу начавшихся переговоров с японцами...

1) Забайкалье, Амуро-Уссурийский край – есть единое государство. Никакие сепаратные переговоры недопустимы. Ведутся переговоры только из Верхнеудинска с участием официального представителя Советской России... 6) До очищения японцами Читы и Восточного Забайкалья не принимать на себя ответственности за действия партизан Амура и Аргуни... 9) ... Семенов признан не будет» [16, с. 79–80]. Но японская сторона в качестве первого условия перемирия выдвинула требование отвода войск НРА за Селенгу.

Первоначально стороны не могли выйти на взаимоприемлемые условия. Председатель Сибревкома 1 июня 1920 г. докладывал в Кремль о том, что переговоры с японцами будут сорваны, и война неизбежна. Через две недели главком ДВР Г.Х. Эйхэ докладывал И.Н. Смирнову: «За трехмесячное существование республики одна из задач – эвакуация японцев – не продвинулась вперед ни на шаг... Переговоры с японцами не дали еще никаких конкретных результатов, и ожидать их в будущем нельзя...» [16, с. 87–88].

В отличие от правительства ДВР, руководимые большевиками партизанские отряды Амурской области были свободны в своих действиях против японцев. В верховьях Амура и Приаргунье летом 1920 г. продолжались боевые действия. Участник событий вспоминал: «Воспользовавшись тем обстоятельством, что с запада мы были как бы гарантированы от наступления большевиков благодаря вмешательству японцев, наше командование решило предпринять большую операцию, имеющую конечной целью очищение Нерчинского и Сретенского районов от большевиков... Операция началась 4 июня и продолжалась до 5 июля 1920 года, когда опять вмешались японцы и заключили с красными на всех фронтах перемирие и начали готовиться к эвакуации из Забайкалья» [18, с. 251–252].

Осознав бессмысленность интервенции в Забайкалье, японское командование приняло решение о начале эвакуации своих войск из Забайкалья, при сохранении интервенции на Дальнем Востоке. В декларации Японского правительства от 3 июля 1920 г. говорилось: «В отношении Забайкалья Правительство, принимая во внимание, что в настоящее время эвакуация чехословацких войск из этого района уже закончилась, и, полагаясь на заявление, которое Императорское Правительство уже неоднократно делало, решило в данном случае эвакуировать свои войска из указанного района...» [17, с. 72–73].

Русские антисоветские силы были обеспокоены перспективой вывода войск, они попытались убедить японцев изменить свою позицию. 14 июня 1920 г. Президиум Краевого Народного Сопещения в Чите встретился с генерал-лейтенантом П.П. Ивановым-Риновым и высказал ему опасения в том, что «японская власть находит возможным предоставить Забайкалье собственным силам...» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 7. Л. 1]. Из Читы 21 июня 1920 г. писали на имя главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока Г.М. Семенова: «Увод японских войск внушает очень большую тревогу... если японских войск не будет, то положение групп населения, небольшевистски настроенных, будет отчаянное» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 7. Л. 2]. Антибольшевистские силы в Забайкалье летом 1920 г. сохраняли надежду на помощь японцев. На это указывает телеграмма из Читы в Токио от 24 июня 1920 г. за подписью председателя Краевого Народного Сопещения А.Г. Васильевского: «В день открытия парламента связанной с нами узами тесной дружбы Японии, недавно призванное к жизни Краевое Народное Сопещение – молодой парламент Восточной Окраины – шлет привет своему старейшему собрату и, выражая ему сердечные

пожелания славной деятельности, питает надежду, что эта деятельность скрепит на будущее дружескую связь, соединившую Восточную Сибирь с Японией, и что связь эта после падения советской власти обратится в сильный союз японской нации и всего русского народа» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 7. Л. 3].

В принятой 10 июля 1920 г. «Резолюции Краевого Народного Собрания» при 11 – за и 1 – против, говорилось: «Заслушав... сообщение Г. Главнокомандующего о решении Японского Правительства вывести войска из Забайкалья и находя, что этим актом устанавливается возможность для Забайкальской области сделаться объектом попыток со стороны центральной советской власти распространить на нее свое господство, что грозит населению Области... большими опасностями; находя, кроме того... угрожает интересам Японии в Корее и Маньчжурии – Краевое Народное Собрание, полагая, что эвакуация японских войск может быть произведена без опасности для населения Края и интересов Японии только после установления на Восточной Окраине единой Власти, имеющей твердую опору населении... что это мнение было принято во внимание при возможном пересмотре вопроса об эвакуации японских войск» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 23. Л. 3].

Япония не готова была продолжать бесперспективную для себя политику ради защиты немногочисленного антисоветски настроенного русского общества в Забайкалье. Чтобы смягчить ожидание неизвестности и, возможно, загладить вину, японцы провели благотворительные акции для крестьян. В русской печати сообщали: «Японцы, находящиеся в селе Беклемишево, что-бы чем-либо отметить перемирие с Дальне-Восточной Республикой и свой скорый отъезд на родину, раздали крестьянам села подарки: 10 фунтов крупчатки, четверть фунта сахара, 2-3 фунта соли. 2 коробки спичек и по две стеариновых свечи на семью» [2. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 842. Л. 44].

10 июля 1920 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов доложил В.И. Ленину: «Начались переговоры с Японией. Краснощеков выехал на линию японских войск... Прошу для участия в переговорах срочно выслать Вознесенского» [16, с. 102]. Советские газеты из номера в номер публиковали материал «Мирные переговоры Дальне-Восточной Республики с Японией». В сообщении «Заседание мирной конференции 15 июля» [8. 1920. 22 июля] говорилось, что 15 июля был заключен «Договор о прекращении военных действий в Забайкалье», согласно которому 18 июля должны были прекратиться военные действия, и устанавливается демаркационная линия в районе Яблонового хребта. Газета отмечала: «Японская делегация пыталась разделить нейтральную зону на две части, дабы в восточную иметь возможность ввести свою жандармерию. Русская делегация протестует. Наконец, делегации соглашаются, что во всей нейтральной зоне должна быть исключительно власть Дальне-Восточной Республики. Текст договора обоими делегациями принимается» [8. 1920. 22 июля].

На переговорах на станции Гонгота были подтверждены недавно заключенные соглашения о прекращении военных действий на Восточно-Забайкальском (Амурском) фронте и достигнуто соглашение о прекращении военных действий в районе Яблонового хребта. В фондах забайкальского архива сохранился «Договор о прекращении военных действий», подписанный на станции Гонгота представителем ДВР В.С. Шатовым с генералом Я. Такаянаги и полковником Курасава 15 июля 1920 г. В документе говорится:

«Мы, нижеподписавшиеся, Представители Экспедиционной Японской Армии на территории Дальнего Востока и Правительства Дальне-Восточной Республики, собранные для прекращения военных действий, которые произошли не смотря на то, что это было нежелательным нашим обоюдным войскам, ведя переговоры о прекращении военных действий: 1/ На Амурском фронте/ на левом и правом берегах Шилки/, заключенные нашими военными командованиями и 2 – о прекращении военных действий сим заключаемое на Забайкальском фронте в районе Яблоноваго хребта, заключая настоящий договор о прекращении военных действий на всех фронтах, пришли к следующему: Я представитель Дальневосточной Республики и Главного Командования Народно-Революционной Армии от их имени принимаю все обязательства, вытекающие из договора о перемирии, заключенными нашими обоюдными местными командованиями и подписанного от имени Экспедиционных Японских войск Полковником Като Содзиро и от имени Амурских частей Народно-Революционной Армии – гражданином Виктором Лондо о прекращении военных действий, как в районе левого, так и в районе правого берега р. Шилки, со сроком начала действий сего договора – для района левого берега р. Шилки со 2-го июля, а для района правого берега реки – с 10 июля 1920 г. Я представитель Японской Экспедиционной Армии на территории Дальнего Востока, имею искреннее желание об установлении прекращения военных действий на всех фронтах русской территории Дальнего Востока... Японское командование не совершает никакого вмешательства, но со стороны Японского командования еще не признано Правительство Дальне-Восточной Республики, как объединенная главная власть на русской территории Дальнего Востока, почему не может быть установлено на переговорах с представителями Дальне-Восточной Республики прекращения военных действий на всех фронтах территории дальнего Востока» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д.6. Л. 14].

Отдельными пунктами «Договора о прекращении военных действий» были определены следующие условия: «Срок окончания настоящего договора считается окончание работ съезда представителей правильно выражавших волю населения русского дальнего Востока»; «В случае каких-либо обострений для прекращения мирного состояния и перехода на положение войны необходимо уведомление противной стороны за 10 дней» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 6. Л. 15]. Временем прекращения военных действий было назначено 12 часов дня 18-го июля 1920 г. На железной дороге «нейтральная полоса» была установлена между станциями Гонгота и Сохондо. Советские газеты писали: «Подписывая договор, генерал Такаянаги сказал: – Пусть наши подписи на договоре послужат первым семенем общего и долгого мира на территории Дальнего Востока» [8. 1920. 22 июля].

После подписания договора 15 июля переговоры и консультации не закончились. Последнее пленарное заседание мирной конференции началось в 8 часов 40 мин вечера 17 июля. Обсуждался текст японской ноты, газеты сообщали: «Начальник японской делегации генерал Такаянаги перед обсуждением текста ноты предлагает предварительно обменяться следующим меморандумом, который без особых обсуждений подписывается представителями обеих делегаций: Конференция переходит к обсуждению текста ноты, зачитанной председателем мирной делегации Дальне-Восточной Республики – Шатовым и

после непродолжительного обмена мнениями подписывается следующая нота к меморандуму» [8. 1920. 22 июля].

В «Ноте к меморандуму от 17-го июля 1920 года», в частности, говорилось: «Стремясь к скорейшему утверждению мира на территории русского Дальнего Востока, Японская и Русская делегации уверены, что наилучшим способом к его достижению и установлению спокойствия и порядка – является образование буферного государства с единым Правительством, без вмешательства в дела этого государства вооруженной силы со стороны других государств... обе делегации сходятся в том убеждении, что буферное государство не примет коммунизм, как форму, и должно носить народный, широко демократический характер» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 6. Л. 17]. В ответ на эту ноту исполнявший обязанности министра иностранных дел ДВР А.С. Червонный (Шумяцкий) 31 июля 1920 г. написал генералу Судзуки: «С чувством понятного Вам удовлетворения Правительства Дальневосточной Республики приняло Ваше, гражданин Генерал, известие о начале действия обязательств, данных Японским Правительством в декларации на имя Высокого Комиссара Японии гражданина Мацудайра... Мудрое решение Японского Правительства и действующего от его имени Японского командования о начале эвакуации японских войск из Забайкалья и Амура с 1-го сего августа заставляет Правительство Дальневосточной Республики ответить таким же честно открытым и благожелательным актом в виде срочной подготовки и созыва съезда, независимо и свободно выражающего волю населения всего Русского Дальнего Востока» [17, с. 72].

Договоренности об эвакуации интервентов не гарантировали от разного рода проблем и конфликтов. По этому поводу в газетах было напечатано «Заявление Шатова», в котором говорилось: «Перед подписанием договора председатель русской делегации Шатов делает заявление: “В виду предстоящей эвакуации японских войск из Забайкалья и могущих возникнуть в связи с этим эксцессами, предлагаем известить командование народно-революционной армии о начале эвакуации и о совместной выработке условий ограждения интересов мирного населения”. В ответ генерал Такаянаги сказал, что как только начнется эвакуация японских войск, японское правительство пошлет в Верхнеудинск свою миссию и народно-револ. армия должна послать свою миссию в главную квартиру экспедиционных войск – в Читу или Владивосток по регулированию вопросов, связанных с эвакуацией и установлением на освобожденной территории власти» [8. 1920. 22 июля]. Вывод войск шел в целом без происшествий. В газетах отмечалось: «Из мест эвакуации сначала уходят японские резиденты с частями, затем семеновцы, а потом уже в хвосте опять японцы. Выведенные из пределов Забайкальской обл. войска группируются по линии жд. ст. Маньчжурия. При эвакуации порядок поддерживается исключительно японцами... всякая попытка нарушить или спровоцировать условия перемещения в корне пресекаются. Войска теперь направляются прямо в Приморье, где для них приготовлены квартиры...» [2. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 842. Л. 41]. В середине октября 1920 г. газеты сообщали: «Верхнеудинск. 5 октября. Сегодня глава японской миссии, полковник генерального штаба Исоме выехал из Верхнеудинска во Владивосток для доклада высшему командованию по текущему моменту» [8. 1920. 12 октября].

По мере ухода японских войск, в забайкальских городах устанавливалась власть большевиков, союзники японцев оказались бессильными в своих попытках сохранить контроль над восточным Забайкальем. На общем собрании граждан Нерчинска 19 августа 1920 г. была принята следующая резолюция: «Освобожденный усилиями борцов за свободу от чуждых пришельцев – японцев, стремившихся под флагом борьбы с властью трудового народа воспользоваться тягостным положением России и отнять у нас богатейшие области Дальнего Востока... Нерчинск преклоняется перед светлой памятью погибших борцов за свободу» [2. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 842. Л. 51]. На общем собрании граждан Сретенска 25 августа 1920 г. была принята следующая резолюция: «1. Поддержка войсками Японии и других государств разных русских проходимцев и искателей легкой наживы, имело на Дальнем Востоке и других окраинах России всегда одну и ту-же цель: расчленив великую трудовую Россию на мелкие части и навязать трудящимся... власть разных самодержавных генералов и атаманов. 2. Упорная борьба Восточно-Забайкальских партизан положила предел хищническим замыслам Японии и заставила бежать... Семенова!!!» [2. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 842. Л. 51].

Антисоветские силы в Забайкалье до последнего надеялись на японскую поддержку. В сентябре 1920 г. Временное Восточно-Забайкальское Народное собрание направило начальнику японской военной миссии и китайскому консулу в Чите свое заявление, утверждая «совершенно невозможным признание миссии Юрина, командированной Верхнеудинским правительством в качестве миссии всего Дальнего Востока» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 6. Л. 12].

На завершающем этапе вывода японских войск русская власть в Чите переживала кризис. В середине сентября 1920 г. с согласия Г.М. Семенова в Чите был сформирован новый орган власти – временное Забайкальское народное собрание во главе с социалистом К.С. Шрейбером. 13 октября в газете «Шанхайская жизнь» был помещен следующий материал: «Из достоверных источников... передают, что неожиданное признание Врангеля Семеновым произвело крайне неблагоприятное впечатление в японских кругах... Япония далеко не отказалась от своей руководящей, если не исключительной, роли в создающемся буфере. Япония, наоборот, продолжает зорко следить за налаживающейся в буфере работой. В частности, замечая усиливающуюся активность Семенова, с коим Япония окончательно и не порывала, к нему выехала чрезвычайная военно-дипломатическая миссия, возглавляемая дипломатом г. Ватанабе и представителем военных сфер – г. Ямагата. Миссия в настоящий момент уже прибыла в Харбин и немедленно выезжает в Читу» [11. 1920. 13 октября]. В октябре 1920 г. в Чите, в помещении штаба японской армии, прошло последнее совещание антибольшевистских сил с участием атамана Семенова, а во Владивостоке японские представители получили какие-то гарантии безопасности своих подданных, остающихся в Сибири. После этого японская армия окончательно покинула территорию Забайкалья, вывод войск закончился 15 октября 1920 г.

С выводом войск из Забайкалья, в регионе некоторое время еще сохранялось японское военное присутствие. 21 октября 1920 г. начальник Японской военной миссии Накаока Ятака сообщал Временному Восточно-Забайкальскому Народному Собранию: «Имею честь довести до сведения: 1) Японская Военная Миссия остается в Чите сноситься с Вашим

Правительством. 2) Кроме членов Военной Миссии здесь находятся японские офицеры, дипломатические чиновники, корреспонденты и др., которые за неимением сообщения остались здесь и приняты Военной Миссией, прошу оказать им соответствующее покровительство как и самой Миссии» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 6. Л. 21]. Но почти сразу после окончания вывода японских войск из Читы НРА силами Амурского фронта 19 октября начала наступление на город. Местная власть без японской поддержки смогла сопротивляться лишь несколько дней, 22 октября столица Забайкалья перешла под власть большевиков. В конце октября 1920 г. все японские военные миссии были объединены в единую, Забайкальскую ЯВМ, во главе с подполковником Исомэ Рокуро. В декабре 1920 г. ЯВМ переведена из Забайкалья в Маньчжурию.

Эвакуация японских войск из Забайкалья не привела к ликвидации японской интервенции в России. Вывод японских войск с территории российского Приморья завершился лишь через два года, 25 октября 1922 г. Окончательно японские войска оставили континентальное побережье России 1 ноября 1922 г., а на российской части Сахалина оккупационные войска оставались еще несколько лет.

Продолжая изучение истории русско-японских отношений, сегодня есть возможности избегать крайней политизированности в освещении событий и вынесении оценок японской военной интервенции в Забайкалье. Не отказываясь от осуждения военных преступлений, имевших место во время интервенции, признавая ошибочность решения японского руководства о вооруженном вмешательстве в политические события в России в 1918 г., необходимо все же отказаться от упрощенных оценок и обличительности в освещении этих событий. Военное вмешательство Японии в события в России было вызвано, вероятно, не «коварностью японского империализма», хотя, возможно, многие японцы в душе и надеялись расширить территорию империи благодаря этим событиям. Японская интервенция была составной частью глобальных событий Первой мировой войны и послевоенного переустройства мира. Японский план, очевидно, не был антирусским, просто японцы не смогли грамотно просчитать направление развития Российского государства и общества, адекватно воспринять реалии, за что, в конечном итоге, сами дорого заплатили. Не стоит забывать, что сторонниками интервенции были именно пророссийски настроенные общественно-политические силы и их лидеры. И следствием японской интервенции были не только жертвы и разрушения в России, но и спасение от неминуемой гибели тысяч русских людей, и не только противников советского режима. Сегодня при оценках японской интервенции нельзя игнорировать и мнение русских людей, не принявших большевизм. Бывший военный летчик ротмистр В.А. Зиновьев, которого нельзя заподозрить в отсутствии русского патриотизма, так писал: «Японцы относились к нам весьма покровительственно, и потому мы инстинктивно тянулись за ними. Они очень неохотно, под давлением требований международной политики, главным образом, из-за сильного влияния США, очищали нашу восточную окраину. Интересно отметить, что за время своего почти трехлетнего пребывания в Забайкалье и в Приморской области они вели мудрую политику по отношению к местному населению» [18, с. 257]. В любом случае, история японской интервенции в Сибири была и остается частью общей для России и Японии истории XX века, трагичного и противоречивого для двух стран и народов.

Библиографический список

1. Государственный архив Амурской области (ГААО).
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК).
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО).
6. Государственный архив Хабаровского края (ГАО).
7. Дальний Восток.
8. Красноярский рабочий.
9. Русский Восток.
10. Сегодня.
11. Шанхайская жизнь.
12. *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервью : Воспоминания (из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.) / под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925.
13. [Будберг] Барон А. Будберг. Дневник // Гуль Р. Ледяной поход... М.: Молодая гвардия, 1990.
14. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М., 2007.
15. Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири / Издание Сибревкома. Б.м., б. д.
16. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.) : Сб. док. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
17. Документы внешней политики СССР. Т.1. М.: Политиздат, 1957.
18. *Зиновьев В.А.* Каппелевцы в Забайкалье // Капель и каппелевцы. М., 2003.
19. *Караман В.Н.* «Поезд смерти» (записки сотрудника Американского Красного Креста Рудольфа Бьюкели) // Известия Восточного Института. 2012. №1(19). С. 105–118.
20. *Керженцев В.* Союзники и Россия. М.: Изд-во ВЦИК, 1918.
21. Мы службу несем в Забайкалье. Чита, 1995.
22. *Полутов А.В.* Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922) // Вестник ДВО РАН. 2012. №4.
23. *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994.
24. [Семенов] Атаман Семенов. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999.

Поступила в редакцию 10.03.2017

Автор:

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Сибирский федеральный университет. E-mail: dazishen@mail.ru

Completion of the “Siberian Expedition” in Transbaikalia. New documents on the History of Japanese Intervention in Siberia

V.G. Datsyshen

The article is devoted to the history of Japanese intervention in Siberia. Being based on documents from regional archives and publications in rare editions, the issue of completion of the Japanese intervention in the Baikal region and Transbaikalia in late 1919 – 1920 is discussed in detail. The documents introduced to scientific circulation point to regional features of the history of Russian-Japanese relations. The author makes an attempt to turn away from previous political approach, to consider historical events from different sides, to show their inconsistency.

Keywords: Russian-Japanese relations, Japanese intervention in Siberia, Transbaikalia.

Received 10.03.2017

Author:

Datsyshen Vladimir G., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk city). E-mail: dazishen@mail.ru

О японской киноиндустрии языком цифр

Г.Д. Паксютов

В работе с использованием статистических данных прослеживаются основные этапы развития японской киноиндустрии, начиная с 1950-х годов. Проанализирована роль знаковых культурных элементов в успехе фильмов в японском прокате. Оценено положение и перспективы продвижения российского кино на японский экран.

Ключевые слова: японское кино, креативные индустрии, кинопрокат, фактор культурной осведомленности, культурные индустрии, культурные связи России и Японии.

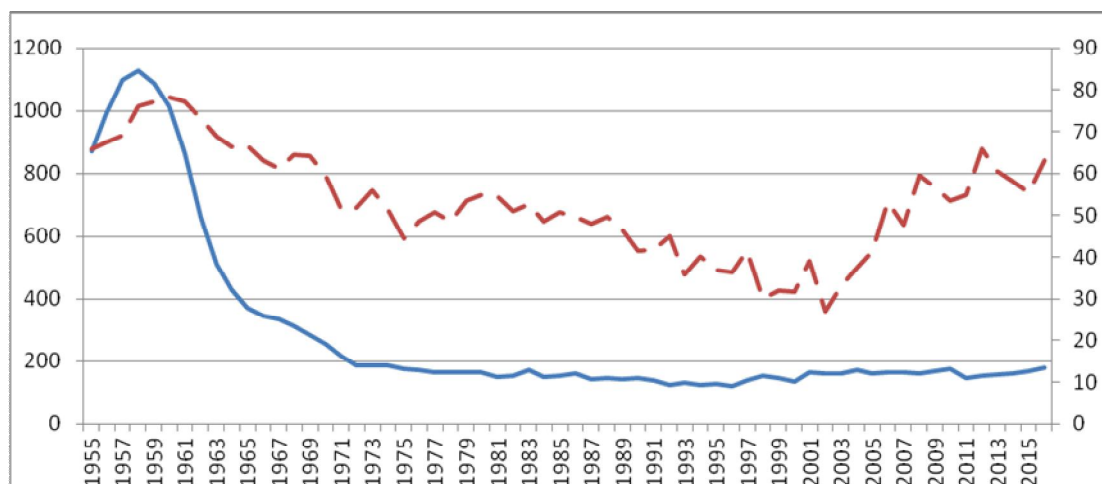
Японская киноиндустрия традиционно считается одной из наиболее успешных в мире и имеет богатую историю, насчитывающую более ста лет. С ранними технологиями кинематографа в Японии познакомились на рубеже XX века, немногим позже, чем в США, после чего в Японии начинают создаваться собственные фильмы. Однако наибольшего признания за рубежом японское кино добилось лишь в 1950-е годы. В этот период, который называют «золотым веком» японского кинематографа, творили такие классики, как Куросава Акира, Кинугаса Тэйносукэ, Одзу Ясудзиро и др. К этому времени в японской киноиндустрии также завершается формирование организационной структуры по типу американской, основанной на доминировании нескольких крупнейших студий («Тохо», «Сётику», «Никкацу», «Тоэй»). Такая организация, при которой ведущие студии контролируют все этапы производства и прокат фильма, сохраняется в Японии и в наши дни.

Чтобы лучше понять причины, которые обусловили стремительное развитие японской киноиндустрии в послевоенные годы – наиболее важный период в ее истории, следует обратиться к статистическим данным по кинопрокату в Японии.

График 1 – посещаемость кинотеатров в Японии за 1955–2015 гг. включает два показателя: суммарная посещаемость (непрерывная линия, млн человек) и рыночная доля японских фильмов (пунктирная линия, %) [1].

Статистические данные подтверждают, что на 1950-е годы приходится наибольший успех японской киноиндустрии. До конца десятилетия посещаемость кинотеатров японским зрителем неуклонно росла, достигнув в 1958 г. рекордного показателя более чем в 1,1 млрд. При этом резко поднялась и популярность национального кино: на долю японских картин в 1960 г. приходится почти 80 % от общих продаж билетов в кинотеатры страны.

График 1. Динамика посещаемости кинотеатров в Японии, 1955–2015 гг.

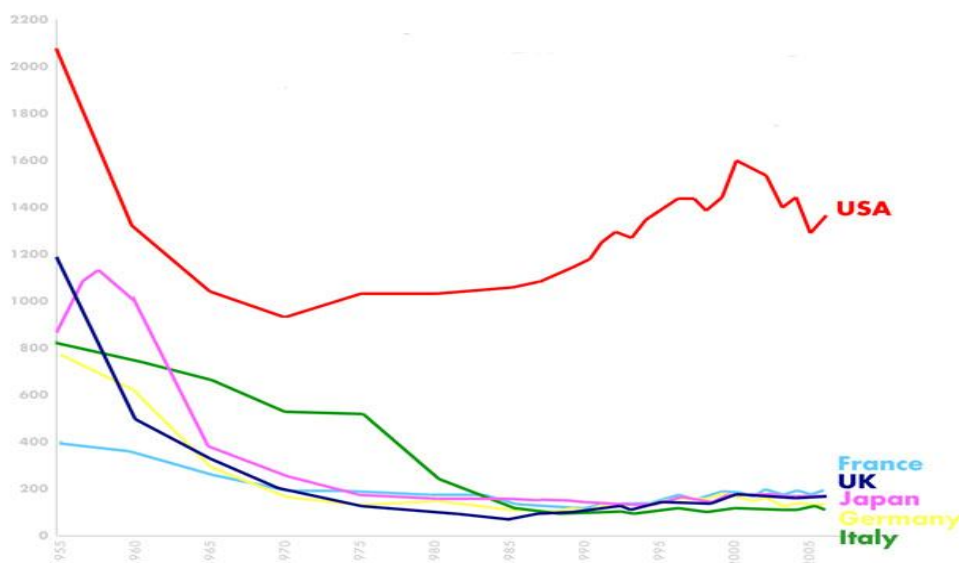

Примечательно, что на период наибольшего коммерческого успеха национального кино пришлось и основные художественные достижения японских кинематографистов, свидетельством чему является высокое признание их работ на крупнейших международных кинофестивалях. Так, в 1951, 1954 и 1955 г. японские фильмы удостоиваются «Оскара» за лучший фильм на иностранном языке. Это – художественные картины: «Расёмон» (羅生門) Куросава, «Врата Ада» (地獄門) Кинугаса и «Самурай: путь воина» («Миямото Мусаси», 宮本武蔵) Инагаки Хироси. Попутно следует заметить, что знаменитая картина Куросава «Дерсу Узала» в статистике премии Оскар считается советским фильмом, т.к. каждый фильм может быть заявлен в лонг-лист премии только одной страной [2]. Но не только в Америке, но и в Европе в эти годы японские ленты встречают восторженные оценки критиков и широкой зрительской аудитории. В 1951 г. главную награду Венецианского кинофестиваля получает Куросава за свой легендарный фильм «Расёмон», который стал прорывом японского кино на мировые экраны. Вслед за этим, в 1954 г. выдающаяся киноработа Кинугаса «Врата ада» была удостоена «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля. А в 1958 г. триумфатором Венецианского киносмотра вновь стала японская лента – фильм Инагаки «Жизнь Мухомацу» (無法松の一生). Благодаря этим достижениям японский кинематограф заработал высокую репутацию на мировой арене.

После столь триумфального десятилетия японского кино начинается резкий спад посещаемости кинотеатров, а также наблюдается снижение доли японских фильмов в общей выручке кинотеатров. Уже в 1963 г. общее число кинозрителей составило около 510 млн, снизившись более чем в 2 раза, а в 1972 г. эта цифра опустилась ниже 200 млн. К 1975 г. доля японских фильмов в общей выручке кинопроката рухнула примерно до 44 %, что свидетельствует о кризисном положении национального кино.

Однако следует отметить, что значительный спад, который наступил в японской киноиндустрии после завершения «золотого века» 1950-х годов, является не сугубо японским явлением, а частью процесса, происходившего во всем мире. Рассмотрим это утверждение на примере шести из крупнейших мировых рынков кино [3]:

*График 2. Динамика посещаемости кинотеатров
в странах с крупнейшими кинорынками, 1955–2005 гг.*

Очевидно, что начиная с середины 50-х кинопрокат в таких странах, как Франция, Англия, Германия, Италия, пережил резкий спад (график 2), связанный, прежде всего, с появлением и развитием альтернативных вариантов индустрии развлечений, в первую очередь, телевидения. От этого спада со временем оправилась только американская индустрия, имеющая доступ практически ко всем мировым кинорынкам. Динамика же японской киноиндустрии вписывается в общую мировую тенденцию.

Так, в 1953 г. полугосударственная корпорация NHK впервые в Японии начала телевизионное вещание, и с этого момента телевидение в стране развивалось быстрыми темпами. А в 1960 г. NHK вместе с другими четырьмя коммерческими каналами впервые начали цветное телевидение [4]. Необычайная популярность телевидения способствовала росту потребительского спроса на телеприемники, а затем и видеомэгнитофоны. Особо показательным стал 1959 год (тогда же впервые начала снижаться посещаемость кинотеатров), который был отмечен резким повышением количества телевизоров в семьях. Таким образом, стремительное становление телевидения в стране и увеличение телевизионной аудитории привели к резкому сокращению посещений кинотеатров японцами.

Параллельно с этим быстрый рост японской экономики и промышленности в те годы способствовал процессам внутренней миграции – из деревни в город. Соответственно, основными посетителями кинотеатров становятся одинокие мужчины, работающие в городах в отрыве от семьи, для которых любимым времяпрепровождением и способом отвлечься от серых будней становится поход в кинотеатр.

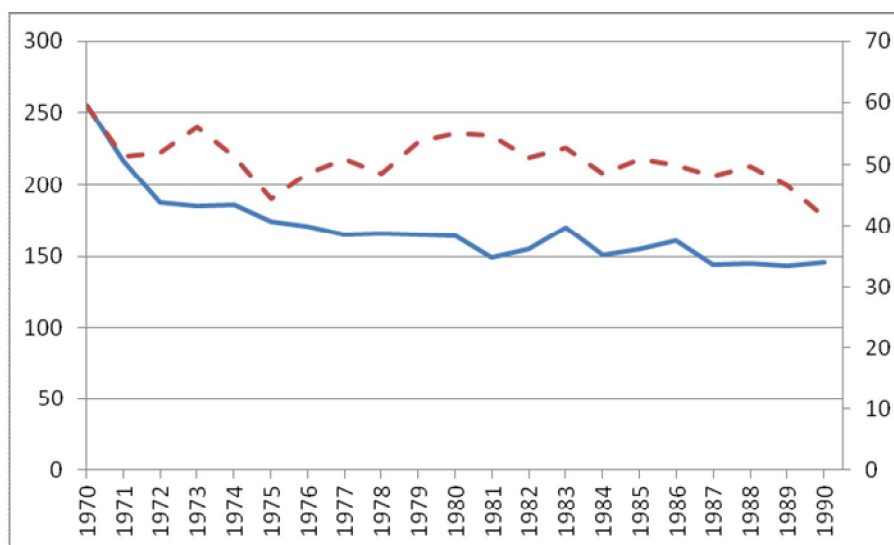
С учетом этих новых социокультурных реалий японские кинопромышленники меняют свои художественные и тематические ориентиры с тем, чтобы выиграть конкуренцию с телевидением, раздвигая рамки дозволенного к показу. Попутно они стремятся подстроиться под вкусы новой зрительской аудитории, снабдив фильмы изрядной долей элементов насилия,

эротики и т.д., что дало мощный толчок к развитию жанрового кино: *пінку-эйга* и *якудза-эйга* [5]. Помимо того, что такие фильмы заняли свободную от конкуренции с телевидением нишу, их можно было снимать с ограниченными финансовыми и техническими ресурсами.

Тогдашнее состояние японской индустрии кино характеризует известный случай, произошедший с Куросава Акира: после кассового провала у себя на родине фильма «Под стук трамвайных колес» (*どですかでん*, 1970), снятого на созданной им и его друзьями киностудии на собственные деньги, он совершает попытку самоубийства. Парадоксально, но этот маститый режиссер и ранее нередко испытывал трудности с финансированием своих фильмов в Японии. Вот почему незадолго до этой моральной и творческой катастрофы Куросава по приглашению американских продюсеров направился в США, где приступил к работе над картиной «Тора! Тора! Тора!» (*Tora! Tora! Tora!*, 1970), но из-за творческих и организационных разногласий вскоре покинул этот проект. По пути на родину он посещает Францию, но и там предложенная совместная работа не устраивает его. И только неожиданное для него посещение СССР и предложение, поступившее от Мосфильма, о совместных съемках ленты по мотивам русской классики явилось для режиссера спасением. Такова предыстория создания его киношедевра «Дерсу Узала» (одной из двух картин режиссера, снятых в 70-е годы). Этот пример из биографии великого Куросава достаточно ярко демонстрирует положение в японской киноиндустрии тех лет, когда даже признанный мастер режиссуры оказался лишенным материальной и творческой поддержки со стороны кинокомпаний.

Куда более перспективным и выгодным проектом, чем кино, для воротил индустрии развлечений в 1970-е годы становятся видеоигры, производство которых постепенно занимает лидирующие позиции. В это время активную деятельность начали такие гиганты, как Sega, Nintendo. Продолжается развитие коммерческого телевидения и радио, видеотехники. Так, в 1976 г. представлен формат видеозаписи VHS. На этом фоне посещаемость кинотеатров продолжает снижаться (график 3), что подтверждается статистическими данными [1].

График 3. Динамика посещаемости кинотеатров в Японии, 1970–1990 гг.

В тяжелой обстановке 1970-х годов кинокомпаний, помимо производства жанровых фильмов, пытаются удержаться на плаву с помощью выпуска серийных кинокартин. Предполагается, что такие серии фильмов будут иметь стабильную аудиторию зрителей, желающих увидеть продолжение. Так, фильм Фукасаку Киндзи «Битва без чести и жалости» (仁義なき戦い, 1974) становится первым в серии из 11 криминальных картин. Также примечательна серия кинофильмов Ямада Ёдзи «Мужчине живется трудно» (男はつらいよ), начавшаяся в 1969 г. и получившая более 20 продолжений в течение десятилетия (всего было снято 48 картин, последняя – в 1995).

Начиная с 1980 г. Ассоциацией кинопродюсеров Японии ведется статистика по лидерам кассовых сборов в стране [1]. На основании этих данных можно сделать выводы о том, как позиции национальных производителей соотносились с зарубежными, и как менялись вкусовые предпочтения массового японского зрителя (табл. 1).

Таблица 1. Лидеры японского кинопроката, 1980–2016 гг.

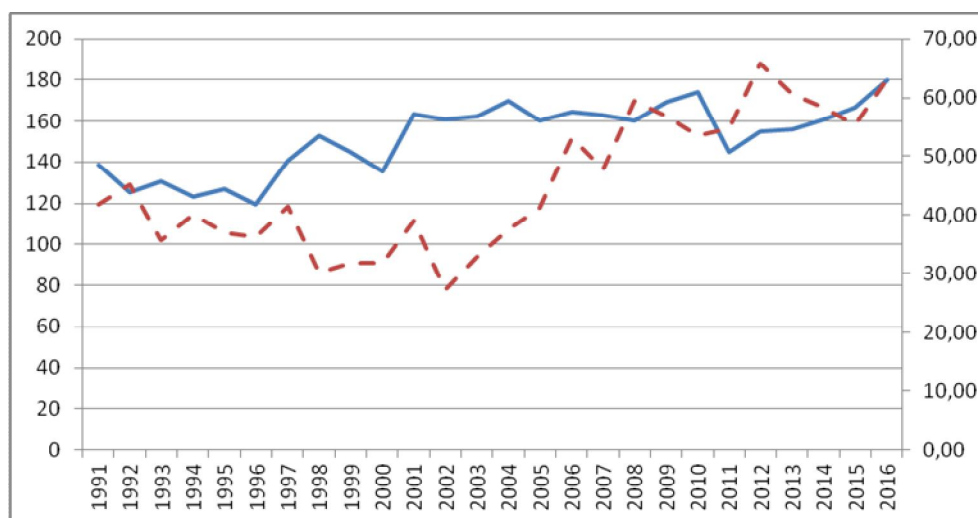
Год	Название
1980	Империя наносит ответный удар (Empire Strikes Back)
1981	Человек-слон (The Elephant Man)
1982	Наверное, боги сошли с ума (The Gods Must be Crazy)
1983	Инопланетянин (E.T. the Extra-Terrestrial)
1984	Индиана Джонс и Храм судьбы (Indiana Jones and the Temple of Doom)
1985	Охотники за привидениями (Ghostbusters)
1986	Приключения Майло и Отиса (История котенка, 子猫物語)
1987	Лучший стрелок (Top Gun)
1988	Шёлковый путь (敦煌)
1989	Индиана Джонс и Последний крестовый поход (Indiana Jones and the Last Crusade)
1990	Назад в будущее 2 (Back to the Future 2)
1991	Терминатор 2 (Terminator 2)
1992	Порко Россо (紅の豚)
1993	Парк Юрского периода (Jurassic Park)
1994	Скалолаз (Cliffhanger)
1995	Крепкий орешек 3 (Die Hard 3)
1996	Миссия невыполнима (Mission: Impossible)
1997	Принцесса Мононоке (もののけ姫)
1998	Титаник (Titanic)
1999	Армагеддон (Armageddon)
2000	Миссия невыполнима 2 (Mission: Impossible 2)
2001	Унесенные призраками (千と千尋の神隠し)
2002	Гарри Поттер и философский камень (Harry Potter and the Sorcerer's Stone)
2003	Ритм и полиция 2 (踊る大捜査線 2)
2004	Последний самурай (The Last Samurai)

2005	Ходячий замок (ハウルの動く城)
2006	Гарри Поттер и Кубок огня (Harry Potter and the Goblet of Fire)
2007	Пираты Карибского моря: На краю света (Pirates of the Caribbean: At World's End)
2008	Рыбка Поньо на утесе (崖の上のポニョ)
2009	Новички: выпускной (ルーキーズ –卒業)
2010	Аватар (Avatar)
2011	Гарри Поттер и Дары смерти 2 (Harry Potter and the Deathly Hallows 2)
2012	Храбрые сердца: морские обезьяны (Brave Hearts 海猿)
2013	Ветер крепчает (風立ちぬ)
2014	Холодное сердце (Frozen)
2015	Мир Юрского периода (Jurassic World)
2016	Твое имя (君の名は)

В 80-е годы лидирующее положение в японском прокате практически ежегодно занимают зарубежные картины: ослабленная долгим периодом спада японская киноиндустрия оказывается не в состоянии конкурировать с Голливудом. Успех в японском прокате часто выпадает на долю зарубежных фантастических фильмов, и эта тенденция сохраняется по сей день. Примечательно, что в перечне лидеров японского проката встречаются 4 картины Стивена Спилберга («Инопланетянин», два фильма про Индиану Джонса и «Парк Юрского периода»), а также «Мир Юрского периода», входящий в созданную им кинофраншизу. Этот популярный американский режиссер стал настоящим кумиром для японцев, чему, вероятно, способствовала их увлеченность динозаврами и популярность в Японии фильмов про гигантских чудовищ, *кайдзю-эйга* – жанр, к которому относится культовый фильм «Годзилла» (ゴジラ, 1954).

Во второй половине 1990-х годов ситуация в японском кинематографе постепенно меняется: впервые за долгое время посещаемость кинотеатров растет, а затем произведенные внутри страны фильмы начинают отвоевывать заметную долю проката у иностранных конкурентов. Рассмотрим на графике 4, как этот процесс отразили статистические данные [1]:

График 4. Динамика посещаемости кинотеатров в Японии, 1991–2016 гг.

В этот же период японские фильмы вновь начали добиваться высокого признания на международной арене. В 1997 г. Имамуре Сёхэй получает «Золотую пальмовую ветвь» за ленту «Угорь» (うなぎ); ранее он уже получал эту награду за картину «Баллада о Нараяме» (檜山節考, 1983). В том же году фильм Китано Такэси «Фейерверк» (花火) был удостоен «Золотого льва» в Венеции, а в 2008 – фильм Такита Ёдзиро «Ушедшие» (おくりびと) был отмечен «Оскаром» как лучший фильм на иностранном языке.

Как видно, практически все международные награды японского кино были получены в периоды коммерческого успеха киноиндустрии в Японии – либо в «золотую эпоху» 50-х, в связи с достижениями таких классиков, как Куросава Акира, Инагаки Хироси, либо в конце 1990-х – начале 2000-х годов, в новую эпоху подъема. Такая тесная взаимосвязь коммерческого и художественного успеха – казалось бы, абсолютно не пересекающихся понятий – на самом деле вполне логична: ведь экономический подъем в индустрии позволяет спонсировать авторские проекты, тогда как спад вынуждает студии концентрироваться на более надежных в финансовом плане продуктах для массового зрителя. К тому же экономический успех позволяет совершенствовать технические возможности кинопроизводства, и т.д.

Укрепление позиций японского кинематографа отразилось и в том, что в XXI веке японские кинокартины становятся лидерами проката так же часто, как и зарубежные. Причины, обусловившие современную эпоху подъема в японской киноиндустрии, начавшуюся в конце 90-х годов, вызывают большой интерес.

Среди факторов роста кинопроката стало появление в Японии в 1990-е годы «мультиплексов» – современных кинотеатров с множеством залов, где параллельно демонстрируются различные картины. Повышение комфортабельности залов, совершенствование технического оснащения и широкий репертуар повысили привлекательность посещения кинотеатров для массового зрителя. Расширение репертуара также позволило включать в показ большее количество фильмов отечественного производства, в том числе снятых начинающими режиссерами. Это дало импульс для создания независимых, авторских картин.

Еще одним из важных факторов успеха современной японского кинематографа можно назвать японское аниме (яп. *анимэ*). 1990-е и 2000-е годы стали периодом расцвета данной индустрии. Так, в 2001 г. аниме-фильм Миядзаки Хаяо «Унесенные призраками» поставил рекорд кассовых сборов, который удерживался картиной 15 лет. В 2016 г. этот рекорд побил другая аниме-картина – «Твое имя» Синкай Макото, собравшая более 330 млн долл. в мировом прокате, из них более 200 млн – в Японии [6]. Достигнув признания за рубежом, включая наиболее престижные награды, аниме располагает и огромной армией поклонников в других странах.

Итак, на основании рассмотренных фактов, в послевоенной истории японской киноиндустрии можно выделить три четко разграниченных периода:

- 1) 1950-е годы – период наибольшего успеха японского кино, когда посещаемость кинотеатров и доля выручки японских фильмов находились на самом высоком уровне, при этом ежегодно демонстрируя заметный рост;
- 2) с начала 60-х до конца 90-х – период кризиса, когда посещаемость кинотеатров сначала резко упала, затем продолжала медленно снижаться; доля выручки японских фильмов также уменьшалась, хотя эти годы особо примечательны развитием жанрового кино;

3) с конца 1990-х годов по настоящее время наблюдается период возрождения японского кино (впервые примерно за 40 лет). Посещаемость кинотеатров устойчиво растет. Вслед за ней начала быстрыми темпами увеличиваться и доля японских фильмов в прокате.

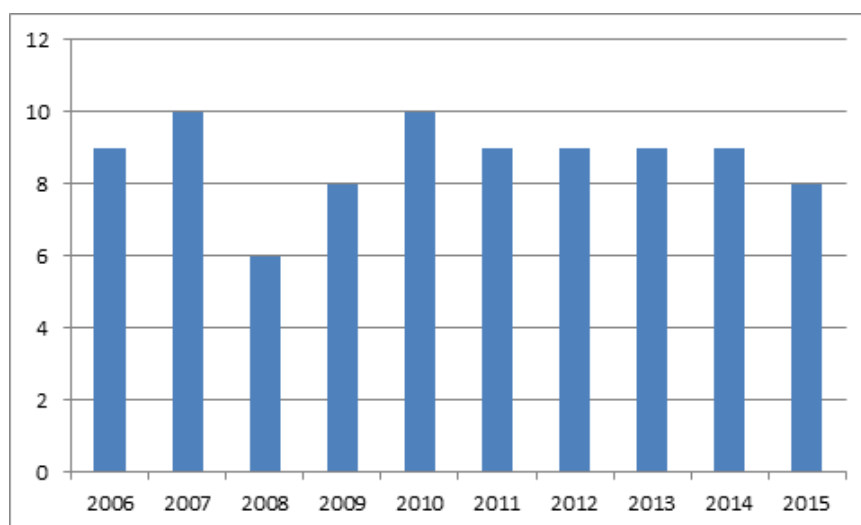
Важным показателем успеха японской киноиндустрии является стремительное продвижение ее продукции на зарубежные экраны в последние годы. Основной статьей экспорта Японии в этой сфере является аниме. Что касается игровых фильмов, то ведущие мировые студии предпочитают снимать их ремейки. Особенной популярностью у западных режиссеров пользуются японские фильмы ужасов: в Голливуде были сняты такие ремейки, как «Звонок» (The Ring, 2002) и его сиквелы, «Проклятие» (The Grudge, 2004), «Темная вода» (Dark Water, 2005) и т.д. Из прочих жанров можно отметить американскую версию фильма «Давайте потанцуем» (Shall we Dance?, 2004) с Ричардом Гиром. Самобытность японского кинематографа (в частности, фильмов ужасов, которые основаны на многовековых культурных традициях японского *кайдана*) привлекает американские кинокомпании, которые охотно заимствуют из него идеи. Создавая ремейки, они облачают эти идеи в более привычную для западного зрителя форму.

Проблема восприятия японских фильмов за рубежом и иностранных фильмов в Японии ставит перед нами следующий вопрос: как особенности национальной культуры влияют на предпочтения публики в выборе фильмов?

Одним из факторов, определяющих этот процесс, можно назвать фактор «культурной осведомленности» (cultural familiarity). Он является одним из основных социокультурных факторов успеха кинокартины, рассматриваемых исследователями и профессионалами отрасли в наши дни. Данный термин означает, что фильм основан на известной аудитории истории либо культурном элементе, что, как предполагается, способствует коммерческому успеху картины [7]. Таким образом, этот фактор показывает, насколько публика открыта к восприятию непривычных культурных продуктов, в том числе, зарубежных фильмов.

Рассмотрим, как фактор «культурной осведомленности» проявляется на японском рынке, на примере 10 лидеров японского проката [6].

График 5. Количество успешных адаптаций в японском прокате, 2006–2015 гг.

Рассмотрение итогов кинопроката показало, что, во-первых, среди наиболее популярных картин преобладают кинофраншизы и экранизации, хотя это вовсе не означает, что производство подобных фильмов является универсальным рецептом успеха в японском прокате.

Во-вторых, анимация занимает центральное место в перечне успешных оригинальных работ: 7 из 13 оригинальных фильмов, попавших в топ-10 по сборам за эти годы, – анимационные картины. В список попали как зарубежные, так и отечественные ленты. Среди них японские анимационные картины «Рыбка Поньо на утесе», «Волчьи дети» (おおかみこどもの雨と雪, 2012) и «Монстр и его мальчик» (バケモノの子, 2015) и американские – «Вверх» (Up, 2009), «ВАЛЛ – И» (WALL-E, 2008), «Головоломка» (Inside Out, 2015), «Холодное сердце» (Frozen). При этом «Холодное сердце» стало самым кассовым фильмом 2014 года, а «Рыбка Поньо на утесе» – 2008. Эти факты позволяют предположить, что оригинальная анимация куда более эффективна с точки зрения коммерческой выгоды, чем оригинальный «живой» фильм, что делает ее наиболее потенциально прибыльным путем продвижения иностранных картин, в том числе основанных на оригинальных идеях, на японский рынок.

Вместе с тем следует отметить, что в японском прокате с большим кассовым успехом прошла китайская картина «Битва у красной скалы» (Red Cliff), вышедшая в двух частях, в 2008 и 2009 г. Ее показ принес около 108,5 млн долл. Индийский же фильм «Герой» (Hero) в 2015 г. занял 8-е место по кассовым сборам. Эти примеры доказывают, что в японском кинопрокате в одинаковой степени коммерчески эффективными могут быть как отечественные ленты, так и фильмы на иностранных языках – образцы другой культуры. Таким образом, можно утверждать, что в японском прокате наибольшим успехом пользуются, по обыкновению, экранизации и кинофраншизы, но японские потребители достаточно открыты для незнакомых культурных образцов, в том числе на анимационном сегменте рынка.

Если же говорить о приложении фактора «культурной осведомленности» к международному прокату (в том числе и оценивая перспективы продвижения российских фильмов на японский экран), прежде всего, необходимо ответить на вопрос, как национальная культура влияет на коммерческий успех оригинальных и переведенных на японский язык иностранных фильмов.

Так, в исследовании «Роль культурных элементов в международной торговле культурными продуктами: приложение к киноиндустрии» (Moon S., Song R.) [8] отмечается, что культурные различия определяют разницу в отношении потребителей к импортированным и произведенным внутри страны продуктам. Выдвигается утверждение, что существует два пути для производства и продвижения культурных продуктов – создание высокобюджетных продуктов с универсальным культурным посылом либо малобюджетных продуктов, которые адаптированы для конкретной культурной специфики. Другими словами, создавая высокобюджетный блокбастер, нужно делать его как можно более «усредненным» с культурной точки зрения, тогда как несущую культурную специфику картину стоит производить с маленьким бюджетом.

Основываясь на этой предпосылке, можно утверждать, что «культурная осведомленность» во многом определяет уровень кассовых сборов того или иного фильма,

который, в свою очередь, зависит от близости культурных традиций страны-производителя и страны-импортера. Ярким примером того, как культурные различия между странами влияют на мировой прокат ленты, можно назвать американскую кинокартину «Тихоокеанский рубеж» (Pacific Rim, 2013). Хотя этот фильм не является адаптацией другого произведения, его создатели заимствовали многие элементы из японских фильмов жанра *кайдзю* и *меха* (яп. *мэка*, от англ. mechanism – «механизм»). По данным сайта boxofficemojo.com [6], «домашние» кассовые сборы данного фильма составили всего лишь 101 млн долл., тогда как в Азии он добился куда более впечатляющих результатов: 112 млн долл. в Китае и 14,5 млн долл. в Японии. Этот результат легко объяснить в рамках предложенной гипотезы. «Тихоокеанский рубеж», как рассчитывали его создатели, должен был получить дополнительную выручку в Азии благодаря «культурной осведомленности» местной публики, хорошо знакомой с *кайдзю* и *меха* фильмами.

Этот пример нельзя не учитывать, переходя к проблеме продвижения российских фильмов на японский экран. Россия и Япония имеют историю связей в сфере кинематографа, начавшуюся в 1914 г. с производства картины «Катюша» по роману Толстого «Воскресение». Первым совместно произведенным фильмом стал «Маленький беглец» (1966). Пик совместного советско-японского кинопроизводства пришелся на 70-е годы прошлого столетия, когда, в том числе, был снят советско-японский фильм «Дерсу Узала». Опыт совместного производства завершили картины «Под северным сиянием» и «Сны о России» (1990 и 1993) [9]. Однако, к сожалению, опыт современной России в данной сфере оставляет желать много лучшего. Российская киноиндустрия оказывается не очень привлекательной как для японских потребителей, так и для профессионалов в качестве потенциального партнера.

В 2016 г. для показа в Японии был куплен фильм «Экипаж», который стал первым российским фильмом в широком японском прокате после картины Т. Бекмамбетова «Ночной дозор» (2006), сборы которой в Японии составили менее 0,5 млн долл. [10]. Широко известна и картина Александра Сокурова «Солнце» (2005), снятая с участием японских актеров, но без привлечения японских студий и капитала, в связи с чем ее нельзя назвать российско-японским производством. Однако существуют два менее известных примера, рассмотрение которых может пролить свет на состояние и перспективы российско-японских отношений в данной сфере.

В 2009 г. был выпущен российский аниме-фильм «Первый отряд», над которым работали российские сценаристы и продюсеры и японская команда аниматоров. Фильм привлек к себе определенное внимание на международной арене – его премьера состоялась на Каннском кинофестивале, показы прошли в США, Южной Корее – однако, как ни парадоксально, в самой Японии релиза не было. «Российское аниме» оказалось ненужным в условиях конкуренции с мощной японской индустрией [11].

Примером того, как сами японские кинематографисты заинтересованы в российских партнерах, стала картина Масаки Иноуэ «Реминесценция» (レミニセンティア, 2015) снятая в России и с российскими актерами. Это «психологически-философская драма» с невысоким бюджетом. Режиссер отметил, что давно увлекается русской культурой, что, вероятно, сыграло свою роль в выборе места съемок [12].

Все это говорит о том, что, вероятно, на японский рынок имеет смысл выходить с продукцией, которая ассоциируется не с японским, а с российским культурным наследием, например, с экранизациями произведений классической русской литературы. Конечно, подобную деятельность необходимо будет осуществлять в рамках более широкого комплекса мер по популяризации российской культуры в Японии с учетом фактора «культурной осведомленности». Российские производители уже изначально находятся в таком положении, что их продукция будет рассматриваться японскими производителями как специфичная, отличная от их культурной среды, вследствие чего разумно не «подстраиваться» под японцев, а закрепляться в этой нише за счет нестандартного, авторского кино, использующего российские культурные традиции.

Подведем итоги. Итак, на основании статистических данных были выделены три последовательных этапа в развитии японской киноиндустрии, начиная с середины 1950-х годов по наши дни. Были перечислены потенциальные социокультурные и технологические факторы, обусловившие существование этих этапов. Проанализирована проблема продвижения зарубежных фильмов на японский рынок, в том числе с точки зрения фактора «культурной осведомленности», и предложены рекомендации для отечественных производителей.

На примере индустрии кино можно увидеть взаимосвязь экономического развития и технологического прогресса с областью человеческого самовыражения, удовлетворения культурных потребностей. В нашем случае численные показатели японской киноиндустрии обнаруживают взаимосвязь с определенными социокультурными особенностями японского общества.

Библиографический список

1. Статистика японской киноиндустрии // Ассоциация кинопродюсеров Японии. URL: <http://www.eiren.org/toukei/data.html> (дата обращения: 30.01.2017).
2. Experience over eight decades in the Oscars from 1927 to 2017 // Academy of Motion Picture Arts and Sciences. URL: <http://www.oscars.org/oscars/ceremonies/1976> (дата обращения: 03.02.2017).
3. Admissions 1955–2008 – World Cinema Stats // Screenville. URL: <http://screenville.blogspot.ru/2010/03/admissions-1955-2008-world-cinema-stats.html> (дата обращения: 02.02.2017).
4. Хронология коммерческой деятельности // Ассоциация коммерческих вещателей Японии. URL: <https://www.j-ba.or.jp/category/minpo/jba101988> (дата обращения 17.02.2017).
5. Катасонова Е.Л. Заметки о японском кино: все оттенки розового // Японские исследования. 2016. № 3. С. 57–69.
6. Box Office Mojo: Movie Web site with the most comprehensive box office database on the Internet // Amazon. URL: <http://www.boxofficemojo.com> (дата обращения: 05.02.2017).
7. Hennig-Thurau, T., Houston, M.B., and Walsh, G. Determinants of motion picture box office and profitability: an interrelationship approach // Review of Managerial Science. 2007. №1. P. 65–92.

8. *Moon, S., and Song, R.* The roles of cultural elements in international retailing of cultural products: An application to the motion picture industry // *Journal of Retailing*. 2015. №1. С. 154–170.

9. *Melnikova I.* Representation of Soviet-Japanese Encounters in Co-production Feature Films Part 1. The Musical Harmony // *Doshisha Studies in Language and Culture*. 2002. №. 1. P. 51–74.

10. “The Crew” to Become First Russian Genre Movie in 10 Years to Get Japan Theatrical Release // *The Hollywood Reporter*. URL: <http://www.hollywoodreporter.com/news/japan-first-russian-movie-decade-904946> (дата обращения: 03.02.2017).

11. *First Squad – the Moment of Truth OAV* // *Anime News Network*. URL: <http://www.animenewsnetwork.com/encyclopedia/anime.php?id=10231> (дата обращения: 02.02.2017).

12. Японский режиссер снимает кино в Ярославле // *Alphabet Inc.* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uk23WdYfmtI> (дата обращения: 02.02.2017).

Поступила в редакцию 25.04.2017

Автор:

Паксютов Георгий Давидович, студент магистратуры Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Japanese Cinema Industry in Figures

G.D. Paksiutov

The article reviews main periods of development of Japanese cinema industry since 1950. The author uses a quantitative criteria, drawing special attention to statistics. The role of familiar cultural symbols and elements in Japanese Box Office success is being analyzed. Position and prospects of promotion of Russian cinema in Japan are also being considered.

Keywords: Japanese cinema, creative industries, box office, cultural familiarity, cultural industries, Japanese-Russian cultural relations.

Received 25.04.2017

Author:

Paksiutov Georgii D., Postgraduate Student, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. E-mail: gpaksyutov@mail.ru

«Сборник наставлений в десяти разделах»: к понятию «доброты», *мэгуми*

Н.Н. Трубникова

«Сборник наставлений в десяти разделах» («Дзиккинсё», 1252 г.) содержит рассказы и рассуждения, интересные с точки зрения истории некоторых понятий, значимых для японской культуры в целом. В статье на основе этого источника обсуждаются значения слова *мэгуми* («доброта», «милость»), связь этого понятия с понятиями «чуткость» (ю:/ясаси), «предусмотрительность» (ё:и) и др., а также набор контекстов, в которых раскрывается тема «воспитания доброты»: чему нужно научиться, чтобы откликаться на нужды ближнего и действовать ему на пользу.

Ключевые слова: философская мысль Японии, рассказы *сэцува*, «Сборник наставлений в десяти разделах», буддизм, конфуцианство, поэзия *вака*, искусство цитирования.

Я продолжаю разговор о «словаре чувств» в японской словесности, опираясь на рассказы *сэцува* из «Сборника наставлений в десяти разделах» (十訓抄, «Дзиккинсё») ¹. О самом «Сборнике» и подходах к его изучению, а также о понятии «досады», *урами*, см. [3–4].

Хотя в целом «Сборник» скорее можно отнести к памятникам светской мысли эпохи Камакура, первый его раздел выглядит наиболее традиционным для собраний религиозных *сэцува*. Он отведен наставлениям на тему: «Нужно по-доброму обходиться с людьми» (人に恵を施すべき, *Хито-ни мэгуми-о ходокосубэки*). Многие из рассказов, вошедших сюда, вполне укладываются в рамки буддийской проповеди милосердия – не только к людям, но и ко всем живым существам. Впрочем, доброту, великодушие, деятельное сострадание несчастным, разумеется, не осуждают ни конфуцианцы, ни даосы. А японские собиратели поучительных рассказов нередко подчеркивают, что и «родные боги» *ками*, вслед за буддами, охотно помогают тем людям, кто сам готов помочь ближнему ².

При этом «доброта» у буддийских наставников почти никогда не требует обоснования: любое живое существо может быть милосердным 慈悲, *дзихи*, поскольку обладает «природой будды», а будды милосердны по определению. Мирские рассуждения о доброте

¹ Я пользуюсь изданием [1], см. также [2].

² Например, в «Собрании песка и камней» (沙石集 «Сясэкисю», конец XIII в.) рассказы о милосердии богов занимают весь первый раздел; см. [5].

могут опираться на учение Мэн-цзы о «доброй природе» человека 善性, *дзэнсё*; – некой эмпатии, неспособности без боли видеть чужие страдания. Но почему одним людям удается быть добрыми, а другим нет? Почему один и тот же человек к кому-то добр, а к кому-то равнодушен или жесток? Если не ссылаться на закон воздаяния, на последствия прежних деяний, а ограничиться лишь нынешней жизнью, то эти вопросы обычно остаются без ответа, в том числе и у буддистов. Предполагается, что добрым способен быть каждый и к каждому, и дальше уже дело нравственного выбора: поступает человек по-доброму или нет.

«Сборник наставлений в десяти разделах» интересен тем, что здесь «доброта», *мэгуми*, выглядит не первичным свойством человека, а проявлением некоего другого качества, «чуткости»: оно может быть развито в большей или меньшей степени, и от его развития зависит степень доброты. Чтобы проследить, как составитель «Дзиккинсё» подходит к описанию этого качества, я покажу, как здесь построен раздел о доброте.

Во введении к разделу 1 сказано: кто стал господином над людьми, не должен отвергать даже ничтожных. Гора оттого и высока, что не пренебрегает даже мелкими камешками, море оттого и глубоко, что принимает в себя даже мелкие речушки.

Так и просвещенный государь не отвергает людей: подобно мастеру, который строит повозку и не отбрасывает никакого дерева. У него даже кривые ветки, даже короткие обрубки идут в дело. [...]

Вообще он не должен никого зря хвалить, говоря: да ведь они хорошие; не должен и попусту наказывать, говоря: да ведь они негодяи; нужно равно по-доброму обходиться со всеми людьми. И даже если кто-то уже однажды провинился, нужно хорошенько подумать, прежде чем возлагать на него новую вину. Даже мудрые звери, цилинь и чудо-конь³, не то чтоб никогда не спотыкались. Разве к людям это правило не относится?

Поэтому в книгах говорится: прощай малые промахи, высматривай мудрых и даровитых⁴. Но если тот же самый проступок повторяется снова, то его простить уже, пожалуй, невозможно.

Поистине, кто обманывает господина, стремится к собственной выгоде и насмешничает над товарищами, да еще надеется за такое поведение получить награду, – такого человека надо всячески избегать. [...] Прощают только тех, кто провинился по неведению, по недостатку сил: таких людей надо воспитывать и жалеть (*аварэми хагукуму*).

Примеры добрых правителей – это древний государь Нинтоку, который «...на три года прекратил сбор податей и радовался, что у простых людей чаще стал подниматься дымок над очагами»⁵, а также государь Итидзё (прав. 986–1011), который отказывался зимой надевать

³ 麒麟, *ки-ки*, кит. *ци-цзи*; животные из китайских преданий: благовещий единорог и чудесный конь, способный за день проскакать тысячу верст.

⁴ Цитата из «Бесед и суждений» Конфуция (XIII, 2): 赦小過, 舉賢才.

⁵ Согласно «Анналам Японии» («Нихон сёки», 720 г., свиток XI).

лишние теплые одежды, ибо помнил о горестях народа. «Правитель считает основой народ⁶; государь числит простых людей своими детьми⁷, – так говорят. – Как же он мог бы не жалеть их?» (рассказ 1–1). Государь Тэнти (прав. 668–672) построил себе дворец из неоструганных бревен, «...ибо сказано: чтобы не отягощать народ, даже при строительстве дворца надо соблюдать умеренность»; в этом Тэнти следовал примеру древнейшего китайского царя Яо. О «бревенчатом дворце» Тэнти, *ки-но марудоно*, сложены песни, и некоторые из них исполняются при дворе во время игрищ *кагура*, в назидание новым поколениям правителей (рассказ 1–2). Впрочем, в песнях *вака* «бревенчатый дворец» появляется не только тогда, когда речь заходит о придворных обрядах. Его, например, вспоминал монах, который после смуты 1156 г. посетил ссыльного отрекшегося государя Сутоку в убогом жилище на острове Сикоку; здесь перед нами пример того, что жалости может быть достоин даже мятежник (рассказ 1–3).

Итак, о добрых правителях народ всюду слагает песни (такова китайская песня «Сладкая груша»⁸), воздвигает им памятники, не забывает их в веках. «Обычные люди тоже могут и должны ставить доброту на первое место. Даже если со мной обходятся плохо, если я сам делаю добро другим, то другие мне воздадут добром». Пример тому – Лянь По, полководец царства Чжао (III в. до н.э.) Он бранил своего товарища по службе, дипломата Линь Сян-жу за то, что тот «трудится только языком», а заслуги его ценятся выше, чем подвиги воеводы на полях сражений. Линь Сян-жу не спорил, а просто избегал встреч с Лянь По, и говорил: Чжао сильно, пока ему служим мы оба, а если два тигра станут драться друг с другом, оба погибнут. Лянь По, узнав об этом, пришел в дому Линь Сян-жу, неся на плече терновую палку в знак раскаяния, и «двое тигров» помирились⁹ (рассказ 1–4).

Здесь же составитель «Сборника» приводит несколько примеров того, как на доброту откликаются даже животные. В Китае не раз бывало, что люди спасали жизнь рыбам, змеям, черепахам, птицам, а те за это приносили им сокровища. Вообще истории о благодарных животных часты в собраниях поучительных рассказов; здесь они, правда, взяты не из буддийских сборников, а из «Записок о поисках духов» Гань Бао (кит. «*Соушэнь-цзи*», IV в., цитируются рассказы 452–454). Похожие случаи известны и в Японии: например, Фудзивара-но Масатомо 藤原政朝 (824–888) однажды выкупил у рыбаков черепаху и отпустил, а она потом спасла жизнь его сыну (рассказ 1–5). В рассказе 1–6 некий воин, потерпевший поражение в междоусобице, скрывается в горной пещере. Там он замечает осу, попавшую в паутину, и вызволяет ее, говоря: «Ты живое существо, для тебя нет ничего важнее жизни. В прежнем рождении не хватило тебе сил соблюдать заповеди, вот ты и возродилась животным, но раз у тебя есть сердце, тебе жаль твоей жизни, и в этом ты не отличаешься от человека. И в том, чтобы ценить помощь, мы, должно быть, одинаковы. На меня напали враги, я скрываюсь, мне грозит беда. Я спас тебя, и ты непременно поймешь

⁶ 君は民をして体とす, отсылка к «Запискам об обряде», «*Ли-цзи*».

⁷ 王は兆民を子とす, отсылка к «Летописям Поздней Хань», «*Хоу Хань-шу*».

⁸ 甘棠 кит. «*Ганьтан*», «Книга песен», «*Ши-цзин*», I–II–5, в переводе А.А. Штукина – «Память о добром правителе»: Пышноцветистая дикая груша растет; || Ты не руби, не ломай ее пышных ветвей – || Шао правитель под ней отдыхал на траве...».

⁹ Отсылка к «Историческим запискам» Сыма Цяня (глава 81, «Жизнеописание Лянь По и Линь Сян-жу»).

меня». Во сне оса является ему в человеческом облики и обещает помощь. Воин собирает отряд из выживших своих соратников и нападает на врага; на подмогу слетаются целые тучи ос. После победы воин строит храм в память о погибших осах. Здесь же рассказчик вспоминает вельможу Фудзивара-но Мунэсукэ 藤原宗輔 (1077–1162), который вообще любил ос, кормил их, и они его слушались.

Следующий рассказ в разных изводах встречается в нескольких буддийских памятниках; кроме того, на его основе написана пьеса для театра Но: «Великое собрание» («Дайэ»). Монах спасает старого коршуна, над которым издевались мальчишки; коршун оказывается демоном *тэнгу* и в знак благодарности предлагает исполнить какое-нибудь желание монаха. Тот признается, что хотел бы увидеть, как Будда проповедует на Орлиной горе. Это можно устроить, – отвечает демон, – но ты должен помнить, что покажу я тебе всего лишь наваждение; не вздумай ему кланяться, иначе получится, что я тебя обморочил, и мне придется страдать за грех обмана. Монах обещает не верить своим глазам – и все-таки, когда видит прекрасный образ Будды в окружении учеников, заливается слезами и склоняется в молитве; после этого наваждение исчезает (рассказы 1–7 и 1–8)¹⁰. Что до людей, то они бывают благодарны и дереву, в тени которого отдыхали, и колодцу, откуда набирали воду. «В делах людских среди принятых обычаев много примеров благодарности, все их записать сюда невозможно» (рассказ 1–9).

После этого повествователь, как кажется, меняет тему и надолго обращается к рассказам о поэтах. В рассказе 1–10 он вспоминает случаи, когда стихи *канси* или песни *вака* были признаны хорошими, хотя в них и нарушались правила стихосложения. «Доброта» здесь, видимо, в том, что поэтам простили небольшие огрехи. Можно сказать, что и в рассказе 1–11 Фудзивара-но Таданобу 藤原齊信 (967–1035) поступает по-доброму, читая вслух старинные печальные стихи в саду после поминального обряда, в пору, когда первая супруга государя Итидзё, государыня Тэйси 定子皇后 (977–1001), скорбит о покойном отце¹¹. Правда, сам составитель сборника говорит здесь не о «доброте», а об «отзывчивости», «проницательности» (心ばせ, *кокоробасэ*) и «чуткости» (優, *ю:ясаси*). Можно назвать «добрым» поступок самой Тэйси, когда она перед смертью оставила для государя в своих покоях прощальную песню:

<i>Ё-то томо ни</i>	В чём ты клялся
<i>Тигириси кото-о</i>	Каждую ночь,
<i>Васурэдзу ва</i>	Я не забыла.
<i>Коиму намида-но</i>	Слёзы твоей любви
<i>Иро дзо юкасики</i>	Видю и сейчас...

Но следующие семь рассказов (с 1–12 по 1–18) связать с «добротой» еще труднее. Все они – о том, как кто-то словами или поступком уместно отозвался на происходящее, кстати

¹⁰ В «Сборнике» здесь один и тот же сюжет рассказан дважды: сначала как происшествие в Японии в середине XI в. с демоном *тэнгу*, а потом как похожий случай в Индии с участием монаха Угаупты и «небесного демона».

¹¹ Отсылка к «Запискам у изголовья» Сэй-сёнагон («Макура-но со:си», эпизод 135).

процитировал стихи или уловил цитату в речи собеседника и тем самым показал свою «чуткость», она же «изящество», *ясаси*. Приведу только два примера:

В одно из недавних правлений в пору праздника *госэти*¹² до государя дошел слух: в покои к кому-то из придворных дам ночью будто бы тайком прибыли особы несравненной красоты. Вот бы на них взглянуть! – подумал государь и, не предупреждая о своем приходе, явился туда. Впопыхах кто-то задул светильник, и тогда государь достал из-за пазухи несколько зубцов от гребня, и когда снова высекли огонь, дал поджечь их¹³: при ярком свете всех стало видно.

В сердце государя чувства были настолько изящны!¹⁴ (рассказ 1–13).

Вероятно, изящество поступка государя состоит в том, что он запросто предлагает слугам чем разжечь огонь, и к тому же не возмущается и не пытается скрыться в темноте, а держится так, будто признает себя причиной суматохи и никого не винит.

Наместник земли Сацума Таданори¹⁵ пришел побеседовать с некой дамой... ждал возле женских покоев и, не желая выдать себя шумом, медлил. А между тем время шло, и он пошуршал веером, чтобы дать знать о себе. Из покоев раздался голос дамы, понявшей, в чем дело:

Но-мо сэ-ни судаку
Муси-но нэ ё

В полях стрекохут хором
Голоса насекомых...

Так она прошептала, он услышал и перестал шуршать.

Когда решил, что все уже заснуло, он все-таки встретился с той дамой, и она спросила:

– Почему же ты не подал знак веером?

Он ответил:

– Э-э... Мне ведь дали понять, что это докучает.

Вот до чего чуткий был человек!

Касигамаси
Но-мо сэ-ни судаку
Муси-но нэ
Варэ да ни мо но ва
Ивадэ косо оmoz

Докучные
В полях стрекохут хором
Голоса насекомых.
Я же ничего
Не говорю и томлюсь.

¹² 五節, один из осенних обрядов благодарения за урожай; для этого обряда во дворец приглашали юных девиц (как правило, еще не известных при дворе), и они должны были исполнить особый танец. По словам Сэй-сёнагон, сам праздник и подготовка к нему считались самым веселым временем во дворце («Записки у изголовья», эпизод 92).

¹³ Видимо, речь идет о гребне с зубцами из бамбуковых лучинок, которые ярко горят; получается, что не только государь сам видит красавиц, но и они видят его, пусть и в нарушение придворного этикета.

¹⁴ 御心の風情、いとやさしかりけり。

¹⁵ Тайра-но Таданори 平忠度 (1144–1184).

Возможно, по замыслу дамы, Таданори должен был вспомнить заключительные строки песни, и тогда цитата звучала бы как признание: жду тебя. Он же вспомнил первую строку и понял цитату в противоположном смысле. Искусство «разговаривать цитатами», о котором пишет Ф. Жюльен применительно к китайской традиции [6, с. 67–82], в Японии, разумеется, тоже процветало, и одна из задач «Сборника» – познакомить юного читателя с тем набором расхожих цитат и историй, что составляет основу столичного «изящества». И тем важнее здесь случаи неоднозначного прочтения цитат, примеры непонимания, обусловленного не невежеством, а наоборот, глубоким знанием родной словесности.

Рассказ 1–19 будто бы снова возвращается к «доброте». Дворцовому служителю *тонэри* нужно редкое лекарство для больного ребенка, и он решается просить помощи у Фудзивара-но Наримити 藤原成通 (1097–1159), вельможи, известного «чуткостью», «изяществом». Служитель приходит в усадьбу к Наримити, видит, что все постройки и утварь там изысканно-ветхи, некоторое время его занимают светскими разговорами, о просьбе как таковой речь даже не заходит. Но когда служитель уже собирается уходить, ему вручают сверток с надобным лекарством. «Такая чуткость проникает в самое сердце!» – говорит он, и здесь свойство *ясаси* можно понять как сострадание и деликатность (человека избавили от необходимости вслух рассказывать о его беде). Однако ту же самую «чуткость» проявил Фудзивара-но Санэката 藤原実方 (ум. 998) в рассказе 1–20: он опоздал на придворные танцы, не успел взять цветы для украшения шапки – и не растерялся, а сломил ветку бамбука прямо у танцевального помоста и пошел танцевать с нею.

Самый яркий и лаконичный пример «чуткости» снова взят из «Записок у изголовья». Зимним утром государыня Тэйси вспоминает стихи Бо Цзюй-и о «снегах на вершине Сяньлу» – и придворная дама Сэй-сёнагон, без слов подхватывая цитату, поднимает занавеску на окне¹⁶ (рассказ 1–21).

Рассказ 1–21, самый обширный в первом разделе «Сборника», продолжается перечислением тех замечательных людей, кто еще, кроме Сэй-сёнагон, жил при «мудром государе» Итидзё (賢王, *кэнно*:). Среди них – известные «чуткостью» придворные дамы, выдающиеся поэты и знатоки поэзии, добродетельные монахи, мудрые предсказатели судьбы и другие. Г.Г. Свиридов, автор первого крупного отечественного исследования по литературе *сэцува*, писал о «Сборнике»: «...Изображается здесь безвозвратно ушедший мир хэйанской аристократии. Автору книги казалось, что прервалась богатейшая культурная традиция, и его главное, но невысказанное наставление – о необходимости сохранить память об этой культуре» [7, с. 44]. Рассказ 1–21 вполне дает основание для такой трактовки, но, на мой взгляд, в «Сборнике» почти нет именно сожалений об утраченном. Скорее, речь идет о том, чтобы возродить хэйанскую традицию заново, сделать ее достоянием людей нового века – воинов на службе камакурской Ставки (см. подробнее [3]).

К рассуждению о временах государя Итидзё примыкает несколько историй о человеке более поздней поры, но тоже исключительно «чутком»: это поэт и книжник Ооэ-но

¹⁶ «Записки у изголовья», эпизод 227. В переводе Веры Марковой стихи Бо Цзюй-и звучат так: «Вижу, подняв занавеску, || Снег на вершине Сяньлу». В «Сборнике» здесь, видимо, неточность формулировки: можно понять так, будто речь идет о государе, а не о государыне.

Масафуса 大江匡房 (1041–1111). Его «проницательность» порой граничила с чудом – чтением мыслей или ясновидением, – а стихи его ценились даже в Китае (рассказ 1–21; составитель «Сборника» в основном следует самовосхвалениям Масафусы, вошедшим в «Собрание бесед Ооэ» 江談抄, «Го:дансё:»).

Примеры уместных откликов на чьи-то слова и дела продолжают и в следующих рассказах. Судью на поэтических состязаниях изящно упрекают за то, что он снова и снова присуждает победу дамам и засуживает кавалеров: ему читают переложение на японский язык его собственного китайского стихотворения о тяге старика к «девичьему цветку», *оминаэси* (рассказ 1–22). Для дамы, впервые прибывшей ко двору, подбирают прозвище, и коль скоро она хорошо играет на гуслях *кото*, новым ее именем становится редкий музыкальный термин (рассказ 1–23). Государь отдыхает на реке Удзи, придворные уговаривают его помедлить с возвращением в столицу и устраивают небольшой ученый диспут насчет того, в какой точно стороне света от города Хэйан находится Удзи и чем это направление благоприятно или опасно (рассказ 1–24, примечательно, что ссылаются спорщики не столько на расчеты геомантов, сколько на песни *вака*, сложенные в Удзи). Здесь речь идет скорее не о том, как понять чужие чувства, а о том, как выразить это понимание: не напрямую, но так, чтобы и ответ тоже побуждал собеседника проявить проницательность. Особенно этот навык объясняться намеками подходит для болезненных чувств: например, когда человек возвращается из ссылки, старые друзья пытаются выразить ему сочувствие, а сам он рад бы рассказать о пережитом, но, ни в коем случае, не хочет жаловаться (рассказы 1–24, 1–25).

«Отзывчивым и добрым» человеком был Тайра-но Сигэмори 平重盛 (1138–1179). Каждый год в день летнего праздника святилища Камо, он же «праздник мальвы», *аоимацури*, множество жителей столицы собирается смотреть торжественное шествие, и часто слуги важных особ, освобождая место для возка своего господина, откатывают назад возки других зрителей. Так случилось, например, в «Повести о Гэндзи» в главе «Мальвы», когда слуги госпожи Аои оттеснили возок госпожи Рокудзё. Чтобы избежать подобного безобразия, Сигэмори однажды распорядился заранее расставить вдоль пути шествия несколько пустых возков, рассчитав, что откатывать будут именно их, а значит, других не потревожат (рассказ 1–27). А намного раньше, в 940-х годах, на том же празднике Камо некий старик, отставной дворцовый служитель, воспользовался людской «отзывчивостью», сам того не желая. Он загодя выбрал себе место и поставил там табличку: «Отсюда будет смотреть старец, другим не занимать!». Люди решили, что под «старцем», *окина*, имеется в виду не кто-нибудь, а сам отрекшийся государь Ёдзэй (которого, разумеется, никто из зрителей не знал в лицо), и когда старик явился смотреть шествие, все отнеслись к нему с великим почтением (рассказ 1–28).

Таким образом, «чуткость» к чувствам и мыслям других людей составляет условие «доброты». Кроме того, «чуткость» и «проницательность» позволяют действовать «предусмотрительно», *е:и*, – то есть, прежде всего, сообразно насущным обстоятельствам. О том, что уместность поступков важнее соблюдения общих правил, составитель «Сборника» рассуждает в рассказе 1–29:

...быть сдержанным, говорить мало, не пренебрегать никем из людей, и тогда тобой тоже не пренебрегают; не смеяться над глупостью, не любить шалостей, быть спокойным и рассудительным. Кто так ведет себя, на того смотрят как на достойного человека, пусть даже не понимают, что у него на сердце: другие стыдятся перед ним и держатся на должном расстоянии.

Однако такой человек не мил другим, не приятен. Лишь тот, кто буйно веселится там, где веселятся другие, шутит сообразно случаю, смеется над тем, что забавно, жалеет, когда приходится расставаться с людьми, кто сердцем следует за друзьями – о таком человеке не думают дурно, и в этом много достоинств. Многие мужи древности говорили так.

Кроме того, люди, чья предусмотрительность глубока, когда приходят на службу, стараются не поддаваться велениям сердца. Когда кто-то занимается делами господина и высказывается неучтиво, ведет себя неразумно и допускает промахи – это досадно.

Вслед за этими словами в «Сборнике» кратко пересказана история, известная по «Собранию стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю:*», 30–1) – о том, как безнадежно влюбленный кавалер задумал излечиться от любви. Чтобы проникнуться к даме отвращением, он похищает ее ящик, используемый в качестве ночного горшка. Но оказывается, что дама это предусмотрела: в ящике кавалер находит лишь изысканные благовония, и в итоге влюбляется еще сильнее (см. эту историю в переводе В.С. Сановича: [8, 341–346]).

Забавные и вполне серьезные примеры предусмотрительности приведены в следующих шести рассказах. Оонакатами-но Ёсинобу 大中臣能宣 (921–991), один из «тридцати шести бессмертных поэтов» эпохи Хэйан, в дни новогодних праздников сложил поздравительную песню для принца. В свете все ее хвалили – только отец поэта был недоволен. Он сказал: а что, если когда-нибудь тебе придется поздравлять государя, и ты не сможешь сочинить лучше, чем в этот раз? Такая предусмотрительность – приберечь самые возвышенные слова для более важного случая – была бы, по словам рассказчика, уже чрезмерна (рассказ 1–30). Другой знаменитый поэт, Фудзивара-но Кинто 藤原公任 (966–1041), однажды должен был выступать на придворном музыкальном празднестве, но в последний миг Фудзивара-но Таданобу (ср. в рассказе 1–11) отстранил его и сам сыграл его партию – опасаясь, что Кинто в музыке не столь хорош, как в стихосложении (рассказ 1–31). Фудзивара-но Арикуни 藤原有国 (943–1011), отвечавший за строительство усадьбы для Фудзивара-но Митинаги 藤原道長 (966–1028), велел устроить в ней крытый переход без обычного двойного ряда верхних балок *нагэси*. Он предусмотрел, что однажды Митинага выдаст дочь замуж за государя, за юной госпожой пришлют дворцовый паланкин – и если бы балки шли в два ряда, то в этом месте паланкин пронести не удалось бы (рассказ 1–32). Минамото-но Тосиката 源俊賢 (960–1027) в день любования цветущими вишнями поехал в Китаяма близ Столицы, но когда его слуги выбрали один из павильонов *сакурадо*: и хотели было направиться туда, сказал: сейчас все здания здесь полны людьми, а это пусто; должно быть, там какая-то скверна. И точно, осмотревшись, слуги нашли позади павильона повозку, а в ней мертвое тело (рассказ 1–33,

кто был тот умерший, в «Сборнике» не говорится). Минамото-но Ёсииэ 源義家 (1039–1106), знаменитый полководец по прозвищу Хатиман-таро, когда жил в столице, часто ходил к одному из вельмож играть в облавные шашки *го*, причем свиту воеводы составлял лишь один мальчик-слуга. Однажды в усадьбу ворвался убийца, и тут оказалось, что воеводу тайно сопровождал целый отряд воинов. Ёсииэ предполагал покушение, хотел схватить злоумышленника, для того и устроил засаду (рассказ 1–34). На редкость предусмотрительны были монахи Гёсон 行尊 (1053–1135) и Нёму 如無 (рубеж IX–X вв.), служители дворцовой молельни. Первый, идя на большое собрание придворных музыкантов, взял с собой запасную струну для лютни – и она пригодилась, когда один из лютнистов оборвал струну. Второй, сопровождая государя на прогулке, запасся шапкой *эбоси*, и когда один из придворных потерял шапку, сумел его выручить. Примечательно, что Гёсон сам на лютне не играл, а шапок монахи не носят вовсе, то есть никто не ожидал, что у них при себе найдутся именно эти вещи (рассказ 1–35).

В рассказе 1–36 обсуждается противоположный случай: когда поведение выглядит предусмотрительным, хотя человек заранее ни к чему не готовился. В «недавнюю» для повествователя пору поэт и знаток словесности Фудзивара-но Иэтака 藤原家隆 (1158–1237) был вызван ко двору, где ему задали вопрос: кто лучший из современных сочинителей песен? Иэтака медлил с ответом, а потом достал из-за пазухи листок, оставил его и молча вышел. На листке была записана песня, которую сложил Фудзивара-но Тэйка 藤原定家 (1162–1241) – поэт, с которым Иэтака уже давно соперничал. Составитель «Сборника» признается, что не знает, нарочно ли Иэтака взял с собой эту песню, предвидя, о чем его спросят, или просто она ему особенно нравилась.

Другие два соперника, на сей раз – за влияние при дворе, действуют в рассказе 1–37. Это Фудзивара-но Митинага и его племянник Фудзивара-но Корэтика 藤原伊周 (974–1010). Однажды им довелось вдвоем ехать по столице в возке, принадлежавшем Корэтике. Митинага похвалил упряжного вола, а Корэтика похвастался, что раздобыл это прекрасное животное в храме-святилище Гион, куда вола жертвовали как дар богам. Митинага немедленно вылез из возка – видимо, избегая нечестия, и будущее показало, что он был прав, ведь Корэтика в итоге ему проиграл.

Нередко люди, лишённые проницательности, ставят себя в смешное положение. Так, музыкант по имени Акимунэ был чрезвычайно робок, боялся играть в присутствии высоких особ. Чтобы послушать его, государь Хорикава (1079–1107, прав. 1087–1107) пошел на хитрость: велел одной из дам назначить музыканту свидание и попросить сыграть, будто бы наедине. Когда Акимунэ узнал, что его подслушивает государь, то от испуга свалился с галереи (рассказ 1–38). Минамото-но Акимаса 源顕雅 (1074–1136) славился в свете привычкой путать слова: он, например, говорил слуге: «Начинается повозка, подгони дождь!». Когда его спросили, как он борется с этой напастью, он охотно стал рассказывать, не понимая, что слушатели потешаются над ним, – и запутался окончательно (1–39). Некий молодой чиновник *куро:до*, наоборот, был слишком ловок в речах. Однажды он так уверенно рассуждал о породах деревьев в саду государыни, что получилось, будто он хвастается

близким знакомством и с самим садом, и с кем-то из тамошних дам, — хотя он вовсе не это имел в виду (1–40).

Отзывчивость и проницательность порой присущи простолюдинам. Таков был крестьянский сын из края Суо, позже известный как Фудзивара-но Морисигэ. Еще мальчиком его заметил столичный вельможа Минамото-но Акифуса 源顕房 (1037–1094) и сделал своим доверенным слугой. Однажды утром слуга принес господину воды для умывания, а тот спросил: верно ли мне кажется, что на крыше сарая сидят два ворона, один обычный, а другой с белой головой? Морисигэ пригляделся, воронов не увидел, но ответил: так и есть, господину не почудилось! Можно было бы считать, что слуга просто побоялся спорить или хотел подольститься, но Акифуса решил: юноша понял, в чем дело. Слова господина отсылали к истории Даня, наследника княжества Янь, который томился в плену у государя Цинь Ши-хуана (III в. до н. э.): тот обещал отпустить княжича домой, если однажды у воронов побелеют перья, и в ответ на молитвы пленника белый ворон в самом деле прилетел, так что государю пришлось сдержать слово¹⁷. Даже если слуга не знал этой истории, он догадался, что речь идет о благом знамении, и господин рекомендовал юношу отрешенному государю Сиракаве как сообразительного малого (рассказ 1–41). В «Сборнике» в рассказе 4–3 Морисигэ появляется еще раз, уже взрослым: по поручению Сиракавы он расследует одно из скандальных столичных происшествий и показывает себя весьма проницательным сыщиком.

По-настоящему отзывчивые люди иногда ведут себя неожиданно, нарушают обычаи. Примером тому служит поступок также незнатного человека. Так, Фудзивара-но Норимити 藤原教通 (996–1075) однажды ехал по делам, когда его заметила на улице некая дама, подозвала человека из его свиты и велела передать устное послание в виде песни *танка* (ожида, что свитский, как принято, запомнит песню и повторит ее господину).

Свитский [...] приблизился к господину и сказал:

– Передаю от госпожи...

Слыша его голос, [Норимити] оглянулся, но поспешил во дворец. Господину некогда, некстати сейчас, – решил свитский и продолжил:

– А что передать, я забыл.

Люди той поры говорили, что свитский повел себя удивительно: как человек, у кого есть сердце [...].

В самом деле, читать песню тому, кто спешит, не следует (рассказ 1–42).

Еще более необычен поступок героини рассказа 1–43. Кавалер по имени Митикиё «знал наизусть всё про Гэндзи и Сагоромо, слагал песни, любил песенные цепочки (*рэнга*) [...] предался любовной страсти (*ирокономи*), и не было ни одной знатной дамы, о ком бы он не разузнал». Одной даме надоели его навязчивые любовные послания, и она пригласила его к себе, хотя и предупредила: мой муж сейчас дома, он нездоров, поэтому времени у меня мало.

¹⁷ Эта история известна по повести «Яньский наследник Дань» и другим китайским источникам; ее японский пересказ дается, например, в «Повести о доме Тайра» («*Хэйкэ-моногатари*», свиток 5, глава 6).

Дальше подробно говорится, как лунной ночью Митикиё пробирается через сад, слышит негромкие звуки буддийского обряда, что раздаются из дома, предвкушает трогательное свидание вроде тех, какие описаны в повестях. Но вот дама пригласила его войти, сказала, что не хотела бы прослыть безжалостной, и с этими словами «сняла шаровары, придвинулась ближе, с видом, будто так и надо, кивнула ему: вот! – раскрылась, ничего не тая». Митикиё в ужасе бежал – на что дама и рассчитывала. Здесь перед нами пример двойной «отзывчивости». Внешне дело выглядит так, будто женщина откликнулась на любовные чувства мужчины. На самом же деле она понимает, что он не влюблен, а занят игрою в книжного изящного кавалера, – и разрушает эту игру. Рассказ примечателен еще и тем, что в нем широко известная цитата встроена в действие, но дана не в речи одного персонажа, обращенной к другому, а звучит словно бы фоном, не предполагает никакого ответа. Когда кавалер прислушивается к голосу монаха (который, видимо, совершает обряд ради исцеления мужа героини), то слышит слова: «Так как наши мысли пусты, ни плохое, ни хорошее не владыки над нами»¹⁸. «Пустота», относительность таких понятий, как несчастье и счастье, успех и неудача, подтверждается дальнейшим развитием действия: получается, что на слова из сутры «отозвались» и дама, и кавалер.

В этом рассказе упомянут другой случай из жизни того же Митикиё, известный по «Рассказам, собранным в Удзи» («*Удзи сю:и-моногатари*», 190): однажды этот кавалер ехал в возке по столице любоваться цветами, завидел знакомого, стал махать ему веером и некстати привлек внимание свиты, сопровождавшей в тот час повозку самого канцлера. «Свитский [...] поторопил коня, приблизился к возку Митикиё, ухватился за занавеску – да и оторвал ее. Митикиё вывалился головой вперед, возок его покатился дальше, а он потерял шапку. Вот так люди с изысканным вкусом попадают в нелепые передраги» (1–43). Здесь наличие «вкуса» 数寄, *суки*, еще не означает, что человек способен вести себя сообразно обстоятельствам. Другое нелепое уличное происшествие описано в рассказе 1–44: ученый муж ехал в чужих носилках, таких тесных, что пришлось снять шапку; по пути ему встретился высокопоставленный сановник, ученый вылез из носилок, чтобы его приветствовать, и только тут вспомнил, что ехал с непокрытой головой. Он решил, что надевать шапку некогда, да и незачем, – и принялся кланяться, просто пристроив ее на узел волос и придерживая рукой.

Как принято в собраниях *сэцува*, смешные истории в «Сборнике» чередуются с печальными. Здесь их объединяет тема дороги и дорожных невзгод. Тяжелобольной поэт выслушивает наставление монаха о «темной дороге» между смертью и новым рождением. Как выглядит эта дорога? – спрашивает поэт. – Неуютной и страшной, – отвечает монах и приводит соответствующие строки из буддийского канона: «Там, на пустынной равнине, ты будешь совсем один, никто из близких не сможет проводить тебя». Поэт отзывается: «На той равнине буря гнет ветви кленов, ветер клонит метелки мисканта, а под ними стрекочут

¹⁸ 我心自空 罪福無主. Строка из «Сутры о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая мудрость» 觀普賢菩薩行法經, «*Кан Фуээн-босацу гё:хо:-кё:*», служащей послесловием к «Лотосовой сутре». Цитируемое место – ТСД 9, № 277, 392с, перевод А.Н. Игнатовича [9, с. 311].

сверчки-колокольчики и сосновые сверчки¹⁹. А если есть они, то о чем же скорбеть?». И умирает, не дописав последний знак в прощальном стихотворении (рассказ 1–45).

Наместник, прибывший из столицы в провинцию Симоцукэ, принимает просителя, отказывает в его просьбе, тот собирается уйти, но наместник велит ему задержаться – лишь затем, чтобы завести беседу о достопримечательностях края Симоцукэ (рассказ 1–46). Этот разговор был неуместен, но бывают и еще более неуместные речи. Для поэтов особенно важно следить, чтобы слова соответствовали случаю, ведь неуместные стихи могут прозвучать и как проклятие (рассказ 1–47), а просто необычная строка может навсегда пристать к сочинителю как прозвище (рассказ 1–48). Именно из-за неуместности некоторые речи звучат не просто глупо, но и неучтиво, вызывая: например, когда в гостях ученого мужа донимают вопросами из той области, которую он изучает (рассказ 1–49), или когда воин, опять-таки в чужом доме, пытается командовать тамошними охранниками (рассказ 1–50). Вообще, когда человек исполняет то, что ему положено по службе, делать ему замечания нехорошо. Однажды так попал впросак даже столь «чуткий» человек, как Фудзивара-но Наримити (ср. выше в рассказе 1–19).

[Минамото-но] Мороёри²⁰ много лет не мог преуспеть по службе и жил затворником у себя дома. И вот, после того как его назначили средним советником, он впервые должен был стать распорядителем на обряде почитания Учителя²¹. В ходе действия он вел себя так, будто ни в чем не уверен, о каждом шаге спрашивал у других.

Тогда господин Наримити, сидевший среди советников, сказал ему:

– Много лет жил затворником, вот и позабыл служебные дела? Держись, как новичок, что вполне закономерно.

Господин Мороёри не ответил ему, только оглянулся и пробормотал:

– «Вошел в Великий храм, расспрашивает о каждой мелочи...»²²

(Как сказано в «Беседах и суждениях»).

Наримити закрыл рот. А на следующий день рассказывал кому-то:

– Я, не подумавши, сказал глупость, теперь запоздало сожалею, тысячу, тысячу раз...

Вот в чем тут дело. Конфуций, войдя в Великий храм, когда следовал за обрядом, обо всем расспрашивал тамошних старших служителей. Видя это, люди стали его порицать: дескать, Конфуций не знает правил обряда (禘, *рэй*, кит. *ли*). А он ответил: то, о чем вы говорите, и есть правила (рассказ 1–51).

Похожие случаи бывали и с поэтами: критикуя чужие песни, люди выставляли себя на посмешище (рассказ 1–52). Сами песни, конечно, тоже бывают неуместны. Так, одному из поэтов XI века, старику, пережившему всех своих друзей, некий безвестный сочинитель

¹⁹ 松虫, *мацумуси*, *Xenogryllus marmoratus*, и 鈴虫, *судзумуси*, *Homoegryllus japonicus*.

²⁰ 源師頼 (1068–1139), прославился как поэт; должность среднего советника 中納言, *тю:нагон*, получил в 1130 г., уже в зрелом возрасте.

²¹ Обряд почитания Конфуция, 釈奠, *сэкитэн*, проводили в Высшем училище, *Дайгаку*, с участием наставников, школяров и выпускников, в том числе высокопоставленных чиновников.

²² 入大廟毎事問云々, цитата из «Бесед и суждений» Конфуция (III–15).

прислал песню: «Только ты да я остались, увы!». Никакого отклика кроме раздражения песня не вызвала (рассказ 1–53). Пример некстати сложенной песни есть даже в «Повести из Исэ» (эпизод 99). Кавалер, едва видя незнакомую даму сквозь занавеску, слагает: «“Не вижу” тебя – не скажу, и “вижу” сказать не могу...» (перевод Н.И. Конрада). Дама отвечает: «Знаешь, кто я, иль нет, – зачем же тут бесплодно так различать?..». Как сообщает составитель «Сборника», эту ответную песню обсуждал Минамото-но Тосиёри (源俊頼, 1055–1129), знаток и ценитель старинной словесности. По суждению Тосиёри, песня была бы уместна, если бы у дамы спросили, кто она, – но как раз этого кавалер и не спрашивал (рассказ 1–54).

Возвращаясь к дорожным происшествиям, рассказчик описывает, как однажды супруга государя Сутоку отправилась на реку Удзи, и в пути повозка, где ехали дамы ее свиты, опрокинулась. Все пришли в смятение, только одна дама держалась невозмутимо, – и ее поведение выглядело неприятно, ибо не соответствовало обстановке (рассказ 1–55). Та же государыня много лет спустя, когда Сутоку уже удалился в ссылку после мятежа 1156 г., однажды любовалась осенним садом и вспомнила: вот так же стрекотали сверчки в саду дворца, где мы с супругом жили в юности...

Люди все притихли и опечалились. Но одна дама [...], стоя подле государыни, спросила:

– И как же они стрекотали?

– Да вот так: и-и!

И настроение переменялось: все, кто был там, рассмеялись.

Эта дама была из тех, кто говорит, чего не надо бы говорить (рассказ 1–56).

Заключительный рассказ в этом разделе «Сборника», 1–57, снова посвящен поэзии и поэтической критике. Когда Фудзивара-но Томофуса 藤原知房 (1046–1112) сложил песню *вака*, и ее похвалил Фудзивара-но Корэй 藤原伊家 (1041–1084), Томофуса не обрадовался, а наоборот, возмутился: «В сочинении китайских стихов он мне не соперник. Что до родных песен, то в этом я ему весьма уступаю. И вот он как высказался. Очень странно! Отныне не буду слагать родных песен!». Повествователь замечает: «Чуткие слова, смотря по обстоятельствам, могут звучать неуместно, высокомерно» (о высокомерии, «чванстве», он будет говорить ниже, во втором разделе книги; см. [10]). Но случается и по-другому: даже слова, звучащие высокомерно, воспринимаются как добрые. Молодой поэт Фудзивара-но Норинага 藤原範永 (XI в.) однажды на поэтическом собрании сложил песню:

<i>Суму хито-мо</i>	Никто не живёт
<i>Наки ямадзато-но</i>	В горной деревне,
<i>Аки-но ё ва</i>	И осенней ночью
<i>Цуки-но хикару-мо</i>	Даже лунный свет
<i>Сабисикарикэри</i>	Здесь печален.

Листок бумаги, где была записана эта песня, забрал средний советник [Фудзивара-но] Садаэри и отнес господину Кинто²³, который в ту пору уже ушел в монахи. [...] Тот был глубоко тронут песней Норианаги и вместо введения к ней написал на том же листке собственной рукою: «Кто такой этот Норианага? Он понимает суть!». Норианага растрогался так, что не мог сдержаться. Выпросил себе этот листок, поместил в парчовую обложку и хранил, как сокровище (рассказ 1–57).

Итак, раздел о «доброте» в «Сборнике» объединяет сразу несколько взаимосвязанных тем: милосердие ко всем живым существам; «чуткость» как умение соразмерно отозваться на чужие мысли и чувства; «чуткость» как основа для милосердия; «чуткость» как основа для «проницательности»; «проницательность» как умение вести себя сообразно обстоятельствам; неуместная критика как неумение найти выгодные стороны в чужих словах и поступках (вопреки завету древних милосердных государей: никого не надо отвергать, ибо каждый на что-нибудь да годен). «Сборник» похож на другие собрания *сэцува* и в том, что связь между рассказами и заявленной темой раздела часто неочевидна, и в том, что один рассказ перекликается с другими, связывается с ними по ассоциации (ср. [7, с. 104–129]) – например, как здесь, их объединяют мотивы «дорожных встреч» или «голосов насекомых». Но в «Сборнике» такой ассоциативной связью составитель не ограничивается. Как мне представляется, подбор рассказов в разделе 1 служит ответу на вопрос, как можно научиться быть «добрым» и воспринимать «доброту» других людей, а кроме того, как относиться к недобрым поступкам ближнего и как по возможности их избегать. Все дело сводится к «чуткости», а ее возможно развить: прежде всего, научиться распознавать в чужих речах намеки, скрытые цитаты, неявные суждения и т.п. И в этом смысле рассказы *сэцува* как раз и полезны как поучительные примеры.

Библиографический список

1. Дзиккинсё: 十訓抄 : [Сборник наставлений в десяти разделах] / под ред. Асами Кадзухико 浅見和彦 // Синхэн нихон котэн бунгаку дзэнсю: 新編日本古典文学全集 : [Полное собрание памятников японской классической литературы. Новая серия]. Т. 51. Токио: Сёгаккан 小学館, 1997.
2. Дзиккинсё: 十訓抄 : [Сборник наставлений в десяти разделах] URL: <http://yatanavi.org/text/jikkinsho/index.html> (дата обращения: 26.05.2017).
3. Трубникова Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах» («Дзиккинсё») и вопрос о светской мысли в эпоху Камакура // История и культура традиционной Японии 8. СПб.: Гиперион, 2015. С. 111–122.
4. Трубникова Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах»: к понятию «досады», *урами* // Японские исследования. 2016. №2. С. 57–70. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/js/js_2016_2_57-70.pdf (дата обращения: 26.05.2017).

²³ Фудзивара-но Кинто, отец Садаэри, знаменитый поэт; см. выше рассказ 1–31.

5. «Собрание песка и камней» («Сясэкисю», конец XIII в.). Перевод со старояпонского Н.Н. Трубниковой // *Трубникова Н.Н.* «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. Том 2. Исследование. Указатели. Приложение. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
6. *Жюльен Ф.* Путь к цели: в обход и напрямик. Стратегии смысла в Китае и Греции. М., 2001.
7. *Свиридов Г.Г.* Японская средневековая проза сэцува (структура и образ). М.: Наука, 1981.
8. Тысяча журавлей. Антология японской классической литературы VIII–XIX вв. СПб.: Азбука-классика, 2005.
9. Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Издание подготовил А.Н. Игнатович. М., 1998.
10. *Трубникова Н.Н.* «Не презирать людские дела»: конфуцианство в Японии XIII в. и вопрос о «маленьком человеке» // *Историко-философский ежегодник 2016.* М.: ИФ РАН, 2016. С. 69–92.

Поступила в редакцию 26.05.2017

Автор:

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии»; старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, профессор Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: trubnikovann@mail.ru

Jikkinshō: to the Concept of megumi [kindness]

N.N. Trubnikova

The Jikkinshō Setsuwa collection [Collected Admonitions in Ten Sections, 1252] contains stories and discourses interesting to researchers from the point of view of history of some concepts, which play a significant role in Japanese culture as a whole. Being based on this source, the article presents a range of meanings of the word “megumi” [kindness], its correlation to the concepts of “empathy” (*yū / yasashi*) and “forethought” (*yōi*). It also shows a series of examples for “education of kindness” – what we need to learn in order to respond to the needs of our counterpart and act on her/his behalf.

Keywords: Japanese philosophy setsuwa tales, Jikkinshō, Buddhism, Confucianism, waka poetry.

Received 26.05.2017

Author:

Trubnikova Nadezhda N., Doctor of Sciences (Philosophy), Deputy Editor-in-Chief, «Voprosy Filosofii» Journal; Senior Researcher, School of Actual Studies in Humanities RANEPa, Professor, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University.
E-mail: trubnikovann@mail.ru

Угрожает ли что-либо власти ЛДП?*

Д.В. Стрельцов

Статья посвящена вопросу о том, насколько устойчива сформировавшаяся после 2012 г. система политической власти в Японии. Автор попытался проанализировать факторы парадоксальной популярности кабинетов Абэ при отсутствии единства мнений в обществе по ключевым проблемам государственной политики. В числе таких факторов в статье выделяются умелое применение главой ЛДП лозунгового стиля общения с обществом, мобилизация медийных возможностей для создания образа С. Абэ как «спасителя» Японии перед лицом глобализационных вызовов и угроз, а также системная слабость оппозиции. Вместе с тем ЛДП сталкивается с серьезным управленческим кризисом и в будущем будет вынуждена искать новую формулу передачи власти следующему поколению политических лидеров.

Ключевые слова: Либерально-демократическая партия Японии, Абэ Синдзо, слоган, политический скандал, «система 1955 года», фракция, консенсусная демократия, преемственность власти.

По всем внешним признакам политическая система Японии на пятом году второго премьерства С. Абэ находится в состоянии стабильности и предсказуемости. С момента прихода к власти в 2012 г. ЛДП четыре раза выигрывала парламентские выборы: дважды в палате представителей и дважды – в палате советников. На выборах в палату советников летом 2016 г. ЛДП удалось выполнить программу-минимум – получить в палате советников простое большинство, в результате чего она стала меньше зависеть от партнера по коалиции – партии Комэйто. Успешно была реализована и программа-максимум: завоевание правящей коалицией вместе с партиями, выступающими за пересмотр Конституции, квалифицированного большинства в палате советников. Прочность позиции правящей коалиции подтверждается относительно высоким уровнем поддержки правительства Абэ, не опускавшимся с 2012 г. ниже отметки в 50 %.

В настоящей статье попытаемся проанализировать основные факторы беспрецедентной для последнего десятилетия устойчивости высоких рейтингов правления ЛДП периода кабинетов С. Абэ. Это позволит нам ответить на ряд ключевых вопросов. Является ли это

* Настоящая статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «"Система 1955 года": политическая власть в Японии в эпоху холодной войны» № 16-01-50085.

правление безальтернативным? Имеются ли кратко- и среднесрочные угрозы созданной Абэ системе власти? И самое главное: может ли построенная Абэ конструкция власти стать прообразом обновленной версии «системы 1955 года», при которой доминантная партия поддерживает монополию своего правления на протяжении нескольких выборных циклов, или же эта модель заточена исключительно под личность нынешнего главы кабинета и, соответственно, немедленно рухнет вместе с его отставкой, дав начало новому периоду политической турбулентности?

Прежде всего, высокие рейтинги С. Абэ связаны больше с усталостью от длительного «мозаичного» периода политической нестабильности, когда премьеры меняли друг друга практически каждый год. Следует вспомнить, что возвращению Абэ на политический Олимп (Абэ возглавлял правительство в 2006–2007 гг.) предшествовал «провальный» в глазах общественного мнения период власти ДПЯ 2009–2012 гг. Приход Абэ соответствовал запросу на харизматичного политического лидера, который умеет говорить на понятном массам языке и последовательно проводит в жизнь свою политическую программу, даже если эта программа нравится далеко не всем и не во всем.

Японское общественное мнение, судя по опросам, не во всем бесспорно поддерживало «патриотические» взгляды премьер-министра. Конкретные опросы по вопросам конституции, политики в области военной безопасности, исторического прошлого и т.д. показывали пеструю и противоречивую картину, свидетельствующую о глубоком расколе в общественном мнении страны [1]. Однако Абэ показал недюжинную способность поддерживать высокий накал общественных ожиданий, используя для этого возможности современных политтехнологий.

В арсенале Абэ – использование кратких и емких слоганов, которые стали визитной карточкой его кабинета. Следует отметить, что для японской политической культуры характерно широкое применение лозунгового стиля общения власти и общества, направленного на решение мобилизационных задач (вспомним лозунги эпохи Мэйдзи *фукоку кёхэй* «Богатая страна – сильная армия», *дацуа нью* «Выйти из Азии и войти в Европу» и т.д.) Придя к власти, Абэ последовательно вводил в оборот такие девизы, как *тихо сосэй* («обновление регионов»), *дзёсэй кацуяку* («общественная активность женщин»), *итиоку кацуяку* («активность ста миллионов», намек на все взрослое население Японии), *хатаракиката кайкаку* («реформа занятости») и т.д. Даже если в содержательном плане указанные лозунги были абстрактными и допускали различные интерпретации, они позволяли создать видимость активности правительства и регулярного обновления им политической повестки дня. Такая тактика оказалась особенно эффективной в условиях накапливающегося разочарования итогами деятельности правительства, особенно в социально-экономической сфере.

Наиболее известным и раскрученным лозунгом, ставшим настоящим мемом в глобальных сетях и, по сути, визитной карточкой правления Абэ, стала «абэномика» – экономический курс правительства, нацеленный на стимулирование экономики путем масштабных инфраструктурных инвестиций, искусственное поддержание избытка денежных средств в банковской сфере (политика так называемого количественного смягчения), структурные реформы в управлении. Итоги реализации этой политики, по оценкам многих

экспертов, носят крайне амбивалентный характер. С одной стороны, видны успехи: восстановление прибылей предприятий, улучшение ситуации в сфере найма, а также рост заработной платы, с другой – прибыли получили в основном крупные предприятия, рост занятости произошел только в сегменте непостоянного найма, разница между бедностью и богатством существенно выросла, а реальная заработная плата в результате увеличения цен на продукты питания сократилась. Однако в любом случае, надежды на лучшее, связанные с пока еще не реализованными перспективами «абэномики», остаются у значительной части японских избирателей. Не случайно на выборах в палату советников 2016 г. Абэ удалось позиционировать выборы как народный референдум именно по вопросу о курсе «абэномики», проводимом правительством на протяжении целого ряда лет.

Благодаря медийным возможностям Абэ удалось также создать себе образ «спасителя» Японии, благодаря которому страна избежала неприятных моментов, связанных с глобализацией. Действительно, в стране практически отсутствуют конфликты, связанные с массовой иммиграцией, нет серьезных межэтнических и межконфессиональных противоречий, лучше, чем где бы то ни было в мире ситуация в сфере общественного порядка. Не столкнулась Япония в полной мере и с проблемой терроризма. По сравнению с Европой, в Японии существенно ниже уровень безработицы, а общая ситуация в социально-экономической сфере не столь удручающая. В результате пропагандистских усилий правительства у многих японцев, не обязательно относящихся к числу поклонников С. Абэ, возникает ощущение «благодарности» лидеру, основанное на ложной идее о том, что при любом другом премьере «было бы только хуже».

Другой фактор политического успеха С. Абэ – отсутствие у него серьезных противников на политической арене. Главная оппозиционная сила страны Демократическая партия Японии (ДПЯ) в преддверии выборов в палату советников 2016 г. предприняла огромные усилия для того, чтобы избавиться от «проклятья», наложенного на нее избирателями за невыразительные итоги трехлетнего правления в 2009–2012 гг. В марте 2016 г. ДПЯ объединилась с частью базировавшейся в Восточной Японии Партии обновления во главе с Ё. Масудзоэ и изменила название¹. Чтобы создать видимость реальной альтернативы ЛДП, ДПЯ предприняла беспрецедентный шаг на выборах в палату советников 2016 г., согласившись на координацию действий со всеми оппозиционными партиями, выступающими против пересмотра конституции, включая не только Социал-демократическую партию и Партию жизни, но и КПЯ. В результате впервые за всю послевоенную историю оппозиции на выборах в верхнюю палату удалось выдвинуть консолидированного кандидата во всех 32 одномандатных округах [4]. Тем не менее, выборы принесли победу либерал-демократам – слишком свежи были горькие воспоминания о провальном в глазах большинства избирателей периоде правления ДПЯ.

После неудачных для партии выборов, в октябре того же года, к руководству ДПЯ пришла Рэнхо, на которую многие возлагали большие надежды как на политическую фигуру, которая сможет изменить негативный имидж партии. Однако рейтинги партии остались

¹ По-японски ДПЯ стала называться не *Минсюто* 民主党, а *Минсинто* 民進党 («Демократическо-прогрессивная партия»). На иностранных языках, включая русский, название осталось прежним.

стабильно низкими: многие сочли, что ДПЯ так и не сделала работу над ошибками. Партия оказалась не способна преодолеть идеологическую и организационную рыхлость и консолидироваться в цельную политическую силу, справиться с внутренним идейно-политическим кризисом и выдвинуть собственную конструктивную программу по насущным проблемам, волнующим избирателей.

Стоит вспомнить, что ДПЯ всегда позиционировала себя как партия реформ, способная решительно покончить с темным прошлым. Партия пришла к власти в 2009 г. как политическая сила, решительно выступившая за коренные преобразования в политической и социальной сферах: за устранение бюрократии от сферы принятия стратегических решений, за усиление роли кабинета министров, за децентрализацию и реформу структуры правительства, за дерегулирование. Однако к середине 2010-х годов эти лозунги, так или иначе, утратили свою актуальность либо оказались «перехваченными» ЛДП. На выборах 2016 г. оппозиции так и не удалось провести четкий водораздел с программой ЛДП в социально-экономической области и показать действенную альтернативу курсу «абэномики». К тому же произошел перелом в настроениях японских избирателей, которые качнулись в сторону традиционных ценностей и консервативной идеологии. Большая часть японского электората (по опросам, более 60 %) [5] проявляет сдержанность к радикальным реформам и не желает никакого «ниспровержения основ», что, безусловно, играет на руку действующей власти. Более того, консервативной идеологии парадоксальным образом склонны придерживаться слои населения с наиболее низкими доходами [3], которые в рамках обычной логики должны были бы служить электоральной основой оппозиционного лагеря.

Что касается наиболее острых вопросов конституции и политики в сфере национальной безопасности, по которым ДПЯ располагает определенным неиспользованным пока резервом накопленного в японском обществе протестного потенциала, правительству Абэ удалось вывести их на периферию политической повестки дня и успокоить общественное мнение, представив дело так, что власть будет во всем учитывать мнение граждан и не станет предпринимать никаких шагов, противоречащих общественным ожиданиям. И эта пропаганда принесла свои плоды: отсутствие консенсуса по идеологическим вопросам оказалось парадоксальным образом совместимым с устойчивым и небывало высоким для Японии уровнем поддержки кабинетов Абэ [2].

Свою роль в неудачах ДПЯ играла также неспособность партии выдвинуть из своей среды талантливую политическую лидера с общенациональной харизмой. Дефицит в руководстве Демократической партии Японии популярных политических фигур, способных увлечь за собой недовольные ЛДП слои электората, явился большой удачей для партии власти. Старая генерация руководителей ДПЯ в лице Н. Кан, К. Окада, С. Маэхара уже достаточно дискредитировала себя в период нахождения у власти, а новый председатель партии Рэнхо оказалась под огнем критики за намеренное сокрытие двойного гражданства². Надежды на то, что женский и протестный электорат будет голосовать за партию Рэнхо, которая на более раннем этапе своей политической карьеры подавала большие надежды, так и не оправдались. Лавры женщины-политика Японии номер один прочно перешли к

² Рэнхо является полукровкой (ее отец тайванец, мать японка). Ее обвиняют в том, что она попыталась намеренно и скрытно оставить себе тайваньское гражданство.

губернатору Токио Коикэ Юрико, которой удалось, дистанцировавшись от ЛДП, закрепиться на политической арене в качестве «независимого» и даже антисистемного политического деятеля. Дополнительный кредит доверия Ю. Коикэ получила после того, как решительно приостановила начатый ее предшественниками проект перевода рыбного рынка из Цукидзи в Тоёсу до того момента, пока не будет подтверждено отсутствие в почве новой рыночной площадки каких-либо токсичных веществ.

На этом фоне основная часть японских избирателей предпочитала воздерживаться от поддержки ДПЯ на выборах даже несмотря на осязаемое усиление протестных настроений в массах, связанное с социальными издержками курса «абэномики».

Что касается прочих партий оппозиции, то и они не проявили себя в качестве политических сил, способных в глазах избирателей составить реальную альтернативу власти ЛДП. В первую очередь, это касается второй после ЛДП консервативной Партии обновления Японии (*Нихон исин-но кай*). Данная партия, возглавляемая И. Мацуи, по-прежнему занимает прочные позиции в Кансае, однако в столичном регионе и восточнее не имеет никаких реальных шансов на победу; не располагает она, в отличие от ЛДП и ДПЯ, и общенациональной сетью партийных организаций. Свою политическую нишу расширила КПЯ, которая, используя рост протестных настроений, в 2016 г. на три места увеличила свое представительство в верхней палате, обеспечив себе 14 мандатов. Однако войти в коалицию на правах полноценного партнера с ДПЯ, где антикоммунистические настроения по-прежнему преобладают, надежды у коммунистов по-прежнему нет. Таким образом, можно заключить, что оппозиция действующей власти в середине 2010-х годов оказывается существенно слабее, чем в любой другой период послевоенной политической истории страны.

Ради справедливости стоит отметить, что с серьезными проблемами – как в сфере управления, так и в области взаимоотношений с обществом, – сталкивается и сама правящая партия. Масштаб этих проблем таков, что позволяет говорить о полномасштабном кризисе, последствия которого будут проявляться уже в ближайшей перспективе. Можно выделить следующие системные составляющие этого кризиса: падение авторитета ЛДП в обществе на фоне резонансных политических скандалов; отсутствие внутрипартийной демократии и авторитарный стиль правления Абэ, повышающие риск политических ошибок; вопрос о преемнике и, в более широком смысле, отсутствие надежных механизмов преемственности власти, устойчивых к изменениям политической конъюнктуры, подобных тем, что существовали в ЛДП в период холодной войны.

Большой ущерб репутации ЛДП, усиливающий протестные настроения в массах, связан с политическими скандалами, в которые оказались замешаны представители партии власти.

Крупным событием, несущим политические риски как для партии в целом, так и для ее лидера, явился разгоревшийся в начале 2017 г. скандал вокруг расположенного в Осаке образовательного фонда Моримото гакуэн. Японскими СМИ было выявлено, что в своих образовательных учреждениях фонд проводил крайне националистическую идеологию, несовместимую с идейными основами послевоенного японского государства, а руководство фонда допускало ксенофобские высказывания. В детском саду фонда воспитанников в возрасте от 3 до 5 лет заставляли учить положения Императорского эдикта об образовании

1890 года, который послужил основой милитаристского образования довоенной эпохи, а в ходе демократических реформ послевоенного периода был устранен из всех учебных программ образовательных учреждений страны.

Выяснилось также, что фонд распространял среди родителей некие тексты, в которых содержались нападки на корейцев и китайцев как носителей «порочных идей». На домашней странице фонда в Интернете содержались нелестные отзывы о «безответственных» родителях из числа корейцев и китайцев. Особый смысл это обстоятельство приобрело в связи с тем, что Осака является местом компактного проживания большой корейской общины.

Скандал вокруг фонда Моримото гакуэн приобрел политическую окраску в связи с тем, что замешанным в нем оказался сам действующий премьер С. Абэ. Супруга премьер-министра Абэ Акиэ приняла пост почетного директора управляемой фондом начальной школы, которую планировалось открыть в апреле 2017 г. При этом на домашней странице фонда специально акцентировалось то, что эту должность занимает первая леди страны, а также то, что новая школа будет носить имя Абэ Синдзо. Кроме того, японский премьер входит во влиятельную правонационалистическую организацию «Ниппон кайги» («Японская конференция»), имеющую большое влияние на политическую жизнь страны, тогда как главой ее местного филиала является не кто иной, как директор фонда Моримото гакуэн Я. Кагоикэ. Масла в огонь подлила и информация о связях с фондом члена кабинета С. Абэ министра обороны Японии Т. Инада, которая в октябре 2016 г. направила в детский сад фонда почетную грамоту [8].

Уместно напомнить, что Абэ делает в своей политической программе особый упор на внедрение «патриотического воспитания» в японских образовательных учреждениях и поддерживает устранение из школьных учебников истории «мазохистских» положений с негативной оценкой политики Японии в период Второй мировой войны. Именно в этом духе была проведена реформа образования в период первого кабинета С. Абэ (2006–2007). Между тем Абэ Акиэ заявила в сентябре 2015 г., что ее муж считает образовательную политику в детском саду фонда Моримото гакуэн «очень хорошей» [8].

По ходу дела выяснилось, что для своей начальной школы фонд Моримото гакуэн приобрел в июне 2016 г. у государства земельный участок площадью почти в 0,9 га за 134 млн иен (1,16 млн долл.) [9], что составляло лишь 14 % от его рыночной стоимости. В ходе парламентского расследования представители правительства пояснили, что скидка более чем в 800 млн иен была сделана с учетом стоимости работ по рекультивации земли, в которой на малой глубине были найдены различные отходы, а также следы свинца и мышьяка [7]. Однако вопросы к чистоте сделки и правомерности оценки стоимости земли остались.

Кроме того, вскрылись факты неоднократных посещений директором фонда одного из влиятельных депутатов ЛДП, бывшего министра по вопросам ликвидации последствий стихийных бедствий, Коноикэ Ёситада, в ходе которых он просил политика о различных одолжениях, в том числе касающихся приобретения указанного выше участка [10].

Премьеру Абэ пришлось занять оборонительную позицию в парламенте и выступить с оправдательными заявлениями. Он сказал о своей полной непричастности к сомнительной

земельной сделке, заявив о намерении уйти в отставку, если такая связь будет доказана. По словам Абэ, им был направлен протест фонду за использование без разрешения своего имени в названии школы и получены на этот счет формальные извинения. Комментируя особые отношения своей супруги с фондом Моримото гакуэн, глава кабинета подчеркнул, что его жена является «частным лицом» [8]. Однако в середине марта 2017 г. масла в огонь подлило признание Я. Кагоикэ о получении от премьеры Абэ пожертвования на сумму в 1 млн иен на строительство школы [16].

Скандал Моритомо гакуэн, нанесший существенный ущерб репутации ЛДП, был далеко не единственным. Так, в августе 2015 г. депутат ЛДП в палате представителей Мутаи Така был вынужден покинуть ряды партии после появления в прессе сообщений о финансовых злоупотреблениях (депутат не смог вовремя вернуть займы на 7 млн иен) [14]. Позднее выяснилось, что бывший парламентарий систематически пользовался гомосексуальными услугами мужчины-проститутки. Другой парламентарий от ЛДП, Миясаки Кэнсукэ, сложил свои депутатские полномочия после того, как в феврале 2016 г. в прессе появились его признания об активных внебрачных отношениях, которые он имел в тот момент, когда его супруга, также являвшаяся действующим депутатом парламента от ЛДП, была беременной [13] (пикантность эта история приобрела в связи с тем, что ранее К. Миясаки заявлял о своих намерениях стать первым мужчиной-парламентарием, который возьмет отпуск по уходу за ребенком). После скандала с внебрачными связями вынужден был уйти в апреле 2017 г. в отставку с поста заместителя министра экономики, торговли и промышленности и сложить с себя депутатские полномочия Накагава Тосинао, сын бывшего генсека ЛДП Х. Накагава. (Особенно болезненный для парламентария характер эта история приобрела в связи с тем, что, как выяснилось, супруга Накагава Тосинао страдала онкологическим заболеванием.) [12].

Еще один видный деятель ЛДП, заместитель министра по делам ликвидации последствий стихийных бедствий Мутаи Сюнсукэ, прославился в результате публикации фотографии, сделанной во время посещения им района бедствия в префектуре Иватэ в сентябре 2016 г., на которой парламентария, забывшего взять с собой резиновые сапоги, правительственный чиновник тащит на своей спине через огромную лужу. Однако большой общественный резонанс вызвал не только этот факт, но и весьма двусмысленное, с точки зрения этических норм, шуточное высказывание С. Мутаи в марте 2017 г. о том, что «фирмы-производители резиновой обуви теперь получили огромные прибыли», получив огромные заказы от правительства [11]. Другим примером неудачного высказывания, повлекшего за собой отставку политического деятеля, стали слова министра по делам ликвидации последствий стихийных катастроф Имамура Масахиро: «Это хорошо, что землетрясение 2011 года произошло на севере Японии, а не в районах, прилегающих к Токио» [15].

Большой проблемой для правящей партии является внутренний управленческий кризис. С момента второго прихода Абэ к власти не прекращавшаяся ни на минуту критика оппозиции ни разу не приводила к отставке главы кабинета. Более того, многие наблюдатели указывают на то, что авторитарный стиль правления Абэ, который принимает многие

важные политические решения единолично, не советуясь со своими коллегами, наносит больший ущерб как ЛДП, так и правительству в целом.

В глаза бросается отсутствие внутрипартийных дискуссий, которые были характерной чертой правления ЛДП в период «системы 1955 года». Это связано, прежде всего, с тем, что с середины 1990-х годов в партии утрачивали былое значение внутрипартийные фракции, представители которых в условиях существования средних избирательных округов вели между собой борьбу за депутатское кресло.

В период холодной войны плюрализм мнений и свобода дискуссий, упор на согласовательные методы и достижение консенсуса при принятии политических решений в ЛДП, очевидно, компенсировали собой издержки длительной монополии ее правления, противоречащей принципу регулярной сменяемости различных политических сил у власти. Не только теоретическая возможность, но и реальная перспектива провести своего кандидата на высший пост в партийной иерархии в соответствии с правилами *дзюньокури* («очереди во власть»), давала фракциям «антиосновного течения» определенную политическую нишу внутри партии, позволявшую им оказывать действенное влияние на процесс принятия политических решений. Фракции традиционно имели реальные финансовые и организационные ресурсы для выставления своих кандидатов в округах и их карьерного продвижения в партийной иерархии. Фактическая автономия фракций гарантировала депутатам иммунитет от любых преследований за критику партийного руководства, включая отказ номинировать их кандидатуру на очередных выборах, – ситуация, коренным образом отличающаяся от той, что сложилась в нынешней ЛДП. После политической реформы в каждом округе в парламент стал избираться только один кандидат, а прерогатива выдвижения кандидатов перешла к формальным партийным структурам. В результате фракции утратили изначальный смысл своего существования как организации самопомощи политиков для успешного проведения избирательных кампаний и переродились в «исследовательские организации», не имеющие реального права голоса в решении партийных дел.

Механизмы политического ранжирования в рамках «системы 1955 года» обеспечивали партийным меньшинствам учет их мнений даже в условиях нахождения в лагере внутрипартийной оппозиции, что, в свою очередь, придавало дополнительный динамизм политическому процессу. Именно эта, даже весьма условная, внутрипартийная демократия давала некие гарантии защиты от субъективизма в принятии решений, экстремизма в действиях и оценках политических лидеров, ее наличие давало избирателям надежды на обновление партии и власти, даже если руководство ЛДП своими действиями вызывало чувство разочарования. Теперь же, в автократической и заточенной «под Абэ» ЛДП образца 2017 г., такие механизмы утратили былое значение. В отношении важнейших и наиболее резонансных законопроектов, поступающих на рассмотрение в Совет по политическим вопросам ЛДП («О заговорах», «О безопасности», «О казино» и др.), в партии не проводится практически никакого обсуждения, а готовое решение, в противоположность японской традиции консенсусной демократии, стало просто спускаться сверху вниз.

Можно предположить, что недопущение любой оппозиции в партийных рядах, которую неизбежно выявило бы начало внутрипартийных дискуссий, в том числе сопряженных с критикой в отношении действующего главы партии, связано, в первую

очередь, с подспудным страхом перед возможным расколом партии, который в прошлом уже однажды привел ЛДП в оппозицию (1993 г.) Многие связывают сокрушительное поражение ЛДП на парламентских выборах в 2009 г. с тем, что в партийных рядах не было единства, а тогдашний ее лидер Т. Асо подвергался острейшей критике изнутри. В результате отсутствия какой-либо самокритики внутри ЛДП ее депутаты, по мнению японского публициста С. Тахара, утратили способность к самообучению, не занимаются разработкой политических альтернатив, предпочитая основную часть своего времени тратить на поддержание связи с избирателями в собственном округе [6]. Иными словами, у рядовых депутатов отсутствует интерес к содержательной стороне политического курса, а когда такой интерес отсутствует, нет и повода к обсуждению.

С. Абэ удалось консолидировать свою власть до такой степени, что большинство политических наблюдателей не видят даже теоретической возможности для серьезных оппозиционных выступлений изнутри ЛДП. В начале марта 2017 г. на очередном съезде ЛДП в ее устав были внесены изменения, которые позволят нынешнему председателю партии баллотироваться в сентябре 2018 г. на третий срок и остаться у власти до 2021 г. Однако элемент неопределенности, касающийся перспектив Абэ остаться «у руля» партии после 2018 г., сохраняется. Японская политическая история богата доказательствами того, что даже «железобетонные» премьеры с большим кредитом доверия могут бесславно закончить свою политическую карьеру в результате разного рода скандальных историй: вспомним «бульдозера» японской политики К. Танака, ушедшего в отставку в 1974 г. после обвинений в махинациях с земельными участками, а впоследствии оказавшегося в тюрьме, или харизматика М. Хосокава, который предпочел уйти на покой в 1994 г., лишь бы не подвергаться унижительному расследованию по поводу финансовых злоупотреблений. Сам же С. Абэ, достаточно популярный в начале своего первого премьерства, предпочел летом 2007 г. неожиданно для всех уйти с поста главы кабинета, сославшись на нездоровье, как только почувствовал для себя политические риски после поражения ЛДП на выборах в палату советников.

Многое также будет зависеть от успехов политики «абэномики», которая, хотя и достигла определенных успехов к лету 2017 г., полным триумфом действующей власти названа быть не может. От Абэ потребуется немалое искусство, чтобы, с одной стороны, добиться экономического подъема с помощью мер экономического дерегулирования и усиления роли рыночных механизмов, с другой – провести серьезную реформу системы здравоохранения и социального обеспечения, требующую огромных государственных вложений. Многие в Японии надеются, что японское правительство не станет повышать потребительский налог до 10 % в октябре 2019 г. – именно такой временной предел был установлен Абэ для принятия на этот счет принципиального решения.

Если Абэ удастся победить в 2018 г., он сможет остаться главой правительства в период проведения в Токио Олимпийских игр 2020 г. По всей видимости, после выборов председателя будет распущена нижняя палата парламента и проведены досрочные парламентские выборы, которые станут своего рода испытанием прочности построенной Абэ системы власти. Если правящей коалиции удастся сохранить большинство в две трети в совокупной численности депутатов обеих палат парламента, это станет сигналом к

проведению конституционной реформы – проведению поправок через парламент и общенациональный референдум. Именно конституционный вопрос, как ожидается, станет в ближайшем будущем центральным в повестке дня кабинета Абэ – в мае 2017 г. он недвусмысленно заявил о намерении изменить конституцию до окончания срока своего правления. Речь, прежде всего, идет об отмене тех положений девятой статьи Основного закона, которые отрицают право страны на обладание собственными вооруженными силами, о придании Силам самообороны статуса «оборонительных вооруженных сил», о наделении императора, являющегося сейчас лишь символом единства нации, функцией главы государства и т.д. Обращает на себя внимание также и то, что уже в нынешнем (лето 2017 г.) парламенте партии, выступающие за пересмотр конституции – ЛДП, Комэйто и Партия обновления Японии – имеют большинство в две трети списочного состава обеих палат парламента, которое необходимо для инициирования поправок в конституцию.

Между тем избиратели практически не представляют, что станет с партией после ухода ее нынешнего лидера. Дефицит демократических процедур и отсутствие информации о дискуссиях внутри партии переводят вопрос о механизмах преемничества в непубличную плоскость. Можно предположить, что ради сохранения власти ЛДП будет делать ставку на лидера, имеющего личную харизму и предоставляющего партии мощный популистский ресурс. Однако потенциал фракционной политики исчерпан не до конца, и совещание лидеров фракций пока еще сохраняет перспективу как реально действующий орган кадровой политики. В этом смысле ЛДП еще только предстоит найти формулу передачи власти следующему поколению политических лидеров.

Библиографический список

1. Абэ найкаку кэйдзоку то кокумин-но сисэн : [Сохранение власти кабинета Абэ и его оценка со стороны общественности] // NHK news commentators bureau. 14.10.2015. URL: <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/700/229353.html> (дата обращения: 31.05.2017).
2. Найкаку сидзирицу : [Уровень поддержки кабинета министров] // NHKсэнкё web. 15.05.2017. URL: <http://www.nhk.or.jp/senkyo/shijiritsu/> (дата обращения: 31.05.2017).
3. Нисидзава Ёситака. Какуса сякай то сэйдзи : [Общество социальных контрастов и политика] // Доклад на конгрессе Японской политологической ассоциации 2016 года. 01.10.2016. URL: http://www1.doshisha.ac.jp/~ynishiza/ynishiza2014/downloadables/jpsa16_NIshizawa_v160913_FINALa.pdf (дата обращения: 31.05.2017).
4. Стрельцов Д.В. Выборы в палату советников японского парламента // Сайт МГИМО-университета. 14.07.2016. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=840&Itemid=66 (дата обращения: 31.05.2017).
5. Сэйкэн котай 1нэн-но хёка : [Оценка ситуации через год после смены власти] //NHK хосо бунка кэнкюдзё. URL: <https://www.nhk.or.jp/bunken/summary/yoron/social/049.html> (дата обращения: 31.05.2017).

6. *Тахара Соитиро*. Тя бодзу бакари-но дзиминто-га хокайсуру синарио : [Сценарий, при которой ЛДП, существующая на основе лести, распадется] // Никкэй бидзинэсу. 28.04.2017. URL: <http://business.nikkeibp.co.jp/atcl/opinion/16/122000032/042700019/?P=4> (дата обращения: 31.05.2017).
7. Abe grilled over nationalistic school operator's cheap land deal//The Japan Times. 22.02.2017. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/02/22/national/abe-grilled-nationalistic-school-operators-cheap-land-deal/> (дата обращения: 31.05.2017).
8. Akie Abe bound to explain her activities done in a public capacity// The Asahi shinbun. 7.03.2017. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201703070033.html> (дата обращения: 31.05.2017).
9. Clarify Moritomo land deal // The Japan Times. 14.03.2017. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/03/14/editorials/clarify-moritomo-land-deal/> (дата обращения: 31.05.2017).
10. Diet should hear witnesses, not inane replies, on shady land deal // The Asahi shinbun. 8.03.2017. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201703080034.html> (дата обращения: 31.05.2017).
11. Lawmaker gives himself the boot over gaffe on rubber boots// The Asahi shinbun. 10.03.2017. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201703100045.html> (дата обращения: 31.05.2017).
12. *Osaki Tomohiro*. Lawmaker Nakagawa resigns from LDP over extramarital affair // The Japan Times. 21.04.2017. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/04/21/national/politics-diplomacy/sex-scandal-topples-influential-ldp-lawmaker-nakagawa/> (дата обращения: 31.05.2017).
13. *Osaki Tomohiro*. Paternity leave trailblazer Miyazaki quits over affair // The Japan Times. 12.02.2016. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/02/12/national/politics-diplomacy/paternity-leave-ldp-lawmaker-admits-adultery-quits-post/> (дата обращения: 31.05.2017).
14. *Yoshida Reiji*. Ex-LDP lawmaker Takaya Muto involved in sex scandal: report // The Japan Times. 27.08.2015. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/08/27/national/politics-diplomacy/ex-ldp-lawmaker-takaya-muto-involved-sex-scandal-report/> (дата обращения: 31.05.2017).
15. *Yoshida Reiji*. Reconstruction chief Imamura resigns over latest Tohoku gaffe affair // The Japan Times. 26.04.2017. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/04/26/national/politics-diplomacy/reconstruction-chief-imamura-resigns-latest-tohoku-gaffe/> (дата обращения: 31.05.2017).
16. Abe donated to new Moritomo school, Kagoike claims // The Japan Times. 16.03.2017. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/03/16/national/politics-diplomacy/abe-donated-new-moritomo-school-kagoike-claims/> (дата обращения: 31.05.2017).

Поступила в редакцию 01.06.2017

Автор:

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой востоковедения МГИМО-университета. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Is There Any Threat to the LDP Rule?

D.V. Streltsov

The article is devoted to the problem of sustainability of the political power system that has evolved in Japan after 2012. The author makes an attempt to examine the factors of the paradoxical popularity of Abe cabinets against the background of the split in public opinion towards the key issues of state policy. Among these factors, the article highlights Abe's skillful use of the slogan style of communication with society, the mobilization of media capabilities to create an image of Abe as the 'savior' of Japan in the face of globalization challenges and threats, as well as systemic weakness of the opposition. However, the LDP faces a serious management crisis and in future will be forced to seek a new formula for transferring power to the next generation of political leaders.

Keywords: the Liberal Democratic Party of Japan, Shinzo Abe, slogan, political scandal, 'the 1955 System', faction, consensus democracy, continuity of power.

Received 01.06.2017

Author:

Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Head of Department and Professor of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Конференция молодых преподавателей
японского языка****Л.Т. Нечаева**

23–24 марта 2017 г. в Москве в Отделе японской культуры Японского фонда прошла конференция «О преподавании японского языка и исследованиях в этой области». Конференция была организована Японским фондом и Ассоциацией преподавателей японского языка РФ.

Всего в конференции участвовало 19 преподавателей. Программа конференции была построена следующим образом. В первый день, 23 марта, с приветственным словом от Ассоциации преподавателей японского языка РФ выступила ее председатель – профессор **Л.Т. Нечаева**.

Затем все участники рассказали о своих учебных заведениях, о преподавании японского языка. Преподаватели приехали из 12 вузов 9 городов России: Астрахани, Казани, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Рязани, Владивостока, Якутска, Санкт-Петербурга, Москвы.

Каждому докладчику задавалось много вопросов, происходило обсуждение выступлений и активный обмен мнениями. Всем было интересно узнать, как преподают японский язык и каковы особенности его преподавания в разных вузах, обсудить проблемы, касающиеся многих вузов – нехватка преподавателей, большое количество студентов в группах.

В конференции в качестве модераторов участвовали руководители кафедр трёх высших учебных заведений – профессор **Войтишек Е.Э.** из Новосибирского государственного университета, доцент **Стрижак У.П.** из НИУ «Высшая школа экономики», доцент **Шашкина О.В.** из Сахалинского государственного университета. Они также выступили с докладами об особенностях преподавания японского языка в вузах, которые они представляют.

После чего работа велась по секциям.

1. «Мотивация студентов к изучению японского языка», «Повышение уровня преподавателей (исследовательская деятельность)» – руководитель **Е.Э. Войтишек**.

2. «Мотивация студентов к изучению японского языка», «Программа курса японского языка как второго» – руководитель **У.П. Стрижак**.

3. «Методика обучения на среднем и старшем уровнях: письменный перевод, устный перевод» – руководитель **О.В. Шашкина**.

На следующий день преподаватели выступали с докладами на различные темы по методике преподавания японского языка.

Юркина В.А. из ДВГУ (Владивосток) рассказала о преподавании устного японского языка на 2-м курсе.

В качестве основного учебного материала используется учебник Intermediate Japanese. На занятиях проводятся такие виды работ, как аудирование, ответы на вопросы преподавателя, чтение диалогов и текстов урока, написание топики на заданную тему, отработка грамматических моделей и лексики. Особое внимание преподаватель уделяет исправлению типичных ошибок студентов – неправильное употребление падежей, ошибки в словоупотреблении. Преподаватель считает важным, чтобы грамматический и лексический материал устного аспекта перекликался с материалом письменного аспекта.

При отработке диалогического материала преподаватель обращает внимание студентов на особенности конкретного коммуникативного акта, диктующие выбор соответствующих форм вежливости.

Аипова М.М. (РГУ им. С.А. Есенина, Рязань) выступила с докладом «Формирование нравственных качеств студентов в процессе изучения японского языка».

В мае 2016 г. автор провела опрос среди 60 студентов факультета иностранных языков РГУ им. С.А. Есенина с целью диагностики нравственных качеств, в котором участвовали 22 студента, изучающих японский язык. На 2-м курсе отделения лингвистики в процессе изучения японского языка в соответствии с каузально-генетическим методом Л.С. Выготского был проведен обучающий эксперимент по авторской программе. Цель эксперимента – воспитание духовно-нравственных качеств у студентов. В их числе – ответственность, честность, скромность, доброта, эмпатия, совесть, патриотизм, стремление к саморазвитию, чувство долга, справедливость, толерантность и др. В ходе изучения таких тем, как экология, история, культура, религия, литература, образование и краеведение, обозначались роль России и Рязанского региона, их вклад в развитие культуры и науки; освещались национальные и культурные особенности России и Японии. Студентам предлагались задания в виде сочинений, дискуссий, бесед для сопоставления культурных различий двух стран.

Малашевская М.Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург) сделала сообщение на тему «Практический курс по академическому японскому языку: разработка доклада и PPT-презентации». Цель введения курса по академическому японскому языку, по мнению докладчика, состоит в повышении уровня профессиональной языковой компетенции магистрантов, обучающихся по магистерским программам Восточного факультета СПбГУ. Подавляющее большинство студентов имели опыт длительного пребывания в Японии, владеют необходимыми знаниями по грамматике, лексике, коммуникативными навыками. Однако им требуется приобрести навыки качественного перевода научного текста, а также представления полученных научных результатов на русском и японском языках, поскольку многие планируют продолжить обучение в японских вузах.

При введении курса по академическому японскому языку на 1-м курсе магистратуры в первом семестре учебного года было выявлено, что студенты имеют очень приблизительное понимание структуры и содержания научного текста, не обладают знаниями и навыками структурирования текста (статьи, доклада), слабо владеют общей и специальной научной лексикой, необходимой для написания научного текста как на родном, так и на японском языке.

В связи с этим в первом семестре потребовалось уделить время детальному разбору вопросов, связанных со структурированием научного текста на родном языке (актуальность, степень изученности, научная новизна, цель и задачи, объект и предмет, методы исследования, постановка проблемы, методы и источники).

В качестве основного учебного пособия студентам был предложен учебник 《大学生と留学生のための論文ワークブック》 (浜田 麻里, 1997), на базе которого преподавались структура и грамматика научного текста.

В течение первого семестра (60 академических часов) были раскрыты темы, необходимые для правильного написания научного текста.

Помимо изучения теоретического материала, студенты выполняли практические задания по пересказу изученного (прочитанного и переведенного) текста с целью закрепления пройденного материала. Около 20 академических часов были использованы для практики устного выступления с использованием мультимедийной презентации по темам, разрабатываемым магистрантами в рамках написания диссертации. Во втором семестре магистранты первого года обучения продолжают изучение особенностей японского академического языка, включая изучение визуальных материалов (диаграммы, схемы, таблицы), необходимых для составления научного текста, методов исследования (анкетирование, интервьюирование, сопоставительный и критический анализ данных источников), составление устного выступления по теме исследования.

Темой сообщения **Бураковой А.А.** (УФУ, Екатеринбург) было «Ведение дневника на японском языке как разновидность портфолио». Докладчик объяснила введение такого вида работы тем, что для занятий в неделю отведено всего 8 часов, а в классе 20 студентов, поэтому нет возможности заниматься написанием сочинений.

Дневник студенты начинают писать в начале 1-го курса. Один раз в неделю преподаватель проверяет дневники, причем замечания делает не красной ручкой, а приклеивает стикеры. Записи в дневнике никак не оцениваются.

Преподаватель считает, что благодаря работе с дневником повышаются и письменные, и разговорные навыки студентов. Работу с дневником студенты продолжают и на 2-м курсе.

Панченко Ю.И. (НГЛУ, Нижний Новгород) выступил с докладом «Социальная сеть Instagram как одно из средств организации непрерывного общения на иностранном языке». По его мнению, сложность использования Instagram в том, что преподаватель не может контролировать правильность общения студентов на японском языке, но вместе с тем это общение развивает коммуникативные навыки.

Сергеева А.И. (Москва, МГПУ) говорила о методике обучения японской иероглифической письменности, в частности, о преодолении графической сложности при ее изучении, возникающей вследствие трехуровневой структуры иероглифического знака, который сочетает в себе графический, семантический и фонетический компоненты. Каждый тип трудностей требует своих конкретных методов преодоления. В докладе рассматривались трудности, касающиеся правильного начертания знака.

Для правильного начертания знака студент должен знать, как пишется каждая черта в отдельности, как пишутся черты в совокупности, как они соединяются в одном иероглифе, правильный порядок, последовательность написания черт, а также критические и некритические

расхождения с каноном (то есть, какие погрешности можно считать особенностью почерка, а какие являются ошибкой в написании иероглифа).

При этом каждое знание должно быть закреплено на практике формированием устойчивого навыка.

Чтобы понимать, как пишутся разные черты, необходимо знать, какие бывают формы черт и их важные отличия друг от друга. Другими словами, у обучающихся должно быть представление о полном наборе и разнообразии черт, которые используются в японских иероглифах. Это значит, что необходим вводный курс.

Целью данной встречи явилась необходимость способствовать профессиональному росту специалистов, которые в будущем могли бы выступать не только на российских, но и на зарубежных конференциях, симпозиумах и вести активную международную деятельность. Очень важно и то, что молодые преподаватели имели возможность выступить с докладами и получить от модераторов – опытных преподавателей – советы для дальнейшей преподавательской деятельности, подготовиться к выступлению на конференции стран СНГ, которая обычно проходит в Москве в октябре.

Консультант по преподаванию японского языка, старший специалист по японскому языку Отдела японской культуры посольства Японии в РФ **Ога Мики** высказала свое мнение о прошедшей конференции: «Сначала я думала, не будут ли молодые преподаватели чувствовать себя напряженно в присутствии опытных преподавателей? Но на меня большое впечатление произвело то, как молодые преподаватели активно, без остановки обменивались мнениями. И это благодаря тому, что опытные преподаватели поддерживали теплую атмосферу общения. Среди молодых преподавателей были такие, кто попробовал применить в преподавании японского языка ранее не встречавшиеся учебные материалы (дневник, Instagram). Я думаю, что это попытка рассмотреть преподавание японского языка с новой точки зрения, привнести новые идеи в преподавание японского языка. Хотелось бы, чтобы в России молодые преподаватели изучали опыт старших преподавателей и получали с их стороны помощь, читали бы исследования японских и других зарубежных авторов, участвовали в конференциях преподавателей, расширяли свой кругозор и публиковали результаты своих исследований».

Такая конференция молодых преподавателей проводилась в первый раз. После ее окончания участники поделились своими впечатлениями. Общим мнением было – очень интересно, полезно, познавательно, необходимо проводить такие конференции ежегодно. И спасибо Японскому фонду, организовавшему такое полезное мероприятие!

Поступила в редакцию 19.05.2017

Автор:

Нечаева Людмила Тимофеевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией «Восточные языки в средней школе» ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: ltnechaeva@mail.ru

Conference of Young teachers of Japanese language (March 23-24 2017)

L.T. Nechaeva

Received 19.05.2017

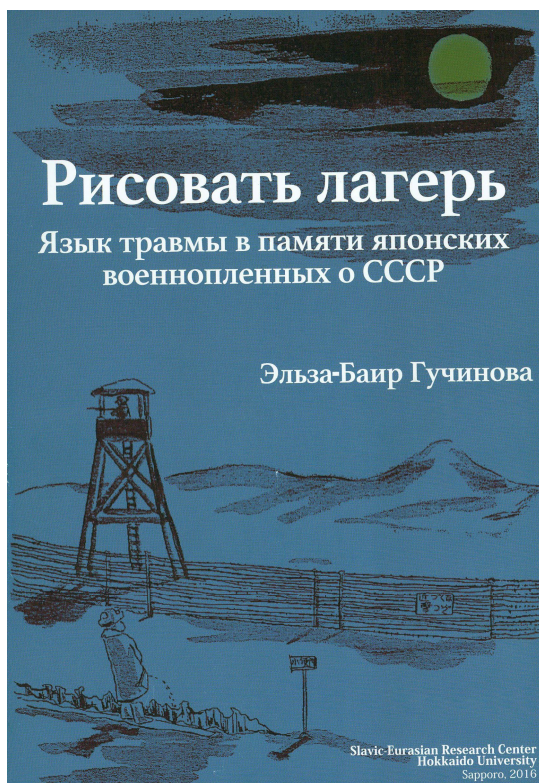
Author:

Nechaeva Ludmila T., Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, Head of Laboratory “Oriental Languages in High School”, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. E-mail: ltnechaeva@mail.ru

КНИЖНАЯ ПОЛКА

О книге «Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР»

А.Н. Мещеряков

Эльза-Баир Гучинова. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР / Эльза-Баир Гучинова. – Sapporo : Slavic-Eurasian Research Center Hokkaido University, 2016. – 220 с. : ил. – Библиогр.: с. 213-220. На рус. яз. – ISBN 978-4-938637-87-3.

К книге «Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР» [1] применимы, по меньшей мере, два определения: увесистая и тяжелая. Увесистая потому, что напечатана на мелованной бумаге – этого потребовали многочисленные цветные иллюстрации. Тяжелая – потому что любое повествование о концентрационном лагере подвергает читателя в тяжелые раздумья. Может быть, вместо слова «раздумья» следовало бы поставить «переживания», ибо рассказ о лагерном быте ввергает в депрессию и подмораживает мысль. Но историки, как и врачи, – люди ко всему привычные. Бесчувственность – защитная реакция на те подлости и страдания, с которыми им

приходится иметь дело. Так что жанр научной рецензии на научную книгу принуждает оперировать не столько эмоциональным, сколько научным языком.

Обстоятельства, которые привели к пленению более 600 тысяч японцев, хорошо известны: в самом конце Второй мировой войны, когда Германия была уже повержена, Сталину захотелось создать зону советской оккупации на Хоккайдо, а Трумэн ему отказал. В отместку за это Сталин распорядился взять в плен Квантунскую армию, которая прекратила сопротивление после императорского приказа 15 августа 1945 г. Поскольку решение Сталина было продиктовано, прежде всего, обидой, то есть эмоциями, никакой подготовки к приему японцев провести не успели: они очутились наедине с охранниками и бескрайней тайгой. Результат – холод, голод, болезни и несколько десятков тысяч смертей в первые два года. Когда японцы уже построили сами для себя концентрационные лагеря, количество погибших резко снизилось (всего их насчитывается около 60 тысяч).

Э. Гучинову интересует не столько «высокая» политика, приведшая к пленению, а затем и к освобождению японцев, сколько свидетельства японских лагерников о пережитом опыте. Это тщательно подобранные свидетельства, зафиксированные в письменной, устной и изобразительной форме. Пожалуй, именно последние придают монографии особое человеческое измерение, ибо рисунки лагерников не отягощены мыслительными хитросплетениями и фиксируют пережитое максимально понятно, наглядно, безыскусно.

Когда западные авторы рассуждают о японцах, то очень часто, вольно и невольно, они подчеркивают особость японской культуры. Резонно было бы ожидать, что и в книге Э. Гучиновой нам откроются некие особые черты японских эков, отличающие их от эков, социализация которых осуществлялась не в Японии, а где-то еще. Но этого по большому счету не происходит. Конечно, развращенные советским строем охранники отмечали непривычное им трудолюбие японцев; конечно, свое моральное и гигиеническое падение в полном соответствии со своими культурными предрассудками японские «доходяги» уподобляли не кому-нибудь, а «грязным» корейцам и китайцам... Но все-таки материал книги свидетельствует прежде всего о том, что в нечеловеческих условиях человеческие культурные навыки стремительно теряются – это касается не только японцев, но и русских, что позволило автору проводить прямые параллели между поведением советских и японских эков. В рисунках и словесных текстах японцев чрезвычайно часто появляются изображения обнаженного тела (медицинский осмотр, дезинфекция, трупы), которое выступает как показатель бесправия и лишения культурности.

Э. Гучинова проницательно и справедливо утверждает, что японцы не имели исторического опыта выживания в плену (с. 3). В то же самое время в книге убедительно показано, что навыки такого выживания появляются очень быстро, они имеют ограниченную культурную специфику: почти все люди, вне зависимости от национальности, забывают про чувство собственного достоинства, приворовывают и питаются падалью, попрошайничают, раздевают трупы, занимаются членовредительством, врут, лебезят, выслуживаются, говорят не то, что думают, а что положено.

Вот, например, описание больницы, сделанное заключенным для лагерного начальства: «Белые стены, синие окна, занавески из марли – все это отражает чистоту лечебной комнаты... Украшения, рассчитанные на уют в палате, развешаны по всей стене... У каждой

койки на столике стоит посаженное дерево, и цветы в вазах хорошо пахнут каждый сезон». Он же, теперь уже возвратившись в Японию, писал: «Я стал харкать кровью, наверное, 150 г выходило. Отдохнув три дня, начал рисовать стенгазету. Через месяц я снова харкал кровью. Меня послали в больницу, но в ней не было рентгена...» (с. 158).

Возможно, спецификой японского переживания и осмысления лагерного опыта следует считать обилие изобразительного материала, на что обращает внимание автор. Действительно, японцы привержены рисунку, чертежам, графикам и схемам, с помощью которых они осваивают мир. Привычка к такому освоению воспитывается с детства, формируется в школе, она поддерживается многочисленными и избыточными, с точки зрения представителя западной культуры, иллюстративными пояснениями, которые сопровождают японца в повседневной жизни. Чего стоит, например, имеющаяся почти во всех японских общественных туалетах инструкция/схема по пользованию унитазом... Мой русский друг рассказывал, как его знакомый японец никак не мог взять в толк, каким образом свертывать «козью ножку» и только после того, как он сам для себя нарисовал настоящий чертеж этого нехитрого, казалось бы, изделия, дело пошло на лад. Можно было бы списать это на особенности индивидуального восприятия, но в книге Э. Гучиновой приводится точно такой же случай рисования самокрутки (с. 51), что позволяет говорить о неслучайности подобного «изобразительного» подхода.

Несмотря на неволю, многие военнопленные сохранили теплые воспоминания о простых советских людях. Возможно, лучше всего это отношение выражено в словах прежнего японского зэка: «Я не люблю СССР, но обожаю русских» (с. 150). В книге приведены многочисленные примеры теплого отношения русских людей к арестантам. Однажды и я повстречал в Фукуоке «сибирского пленника», который работал в гостинице, где я остановился. Звуки русской речи привели его в ностальгический восторг. После окончания своего рабочего дня он поил меня пивом и жаловался, что после лагерной махорки японская сигарета его не забирает. Возвратившись в Москву, я отправил ему моршанской махорочки...

Мучения от пребывания в советском плену облегчались тем, что родная Япония не представляла в предвоенное/военное время подражательного образца в части отношения государства к человеку. Телесные наказания в школе, рукоприкладство и дедовщина в армии, безудержный культ императора и государства, шпиономания, ксенофобия, подавление инакомыслия, цензура и т.д. Вряд ли могла удивить японских зэков и инициатива уничтожать в больницах мух «по-стахановски», ибо и в Японии регулярно проводились «дни ловли мух». Привыкнув к своему «культу личности», послевоенные японцы временами вели себя похожим образом как в советском лагере, так и в самой Японии. Из лагеря они посылали благодарственные письма и подарочки Сталину, а в Японии – главному оккупанту генералу Макартуру. И тот, и другой практиковали жесткую цензуру, но это не останавливало поток здравниц.

Жизнь японцев в концлагере была тяжела, но все-таки, как показано автором на множестве примеров, жизнь советских зэков была еще ужаснее. Так что эта книга не только о японцах, но и о русских. Недаром она заканчивается такой фразой: «... изучая сибирское

интернирование японских солдат, мы больше узнаем о советском государстве и советских людях того времени, как и об универсальной природе человека и его языке травмы».

Удивительная вещь: граница между «своим» и «чужим» возведена в советско-российской официальной культуре по иным технологиям, чем в других странах (включая и тоталитарную Японию): трудно себе представить, чтобы власть относилась к своим подданным/гражданам хуже, чем к иностранцам. В книге приводятся документальные свидетельства того, что простые советские люди и даже конвоиры, бывало, питались хуже японцев-лагерников. А что уж там говорить про отечественных эков! Японцам запомнились голодные советские дети, которые, видя сравнительный достаток японских заключенных, бегали вокруг лагеря с криками: «Когда вырасту, стану военнопленным!» (с. 145). Со «своими» советское государство поступало как угодно, иностранцев же могло и ненавидеть, но все-таки в обращении с ними наблюдается больше ограничений. Возможно, это и есть главная подсознательная причина официальной советской (а ныне российской) ксенофобии.

Последний японский военнопленный вернулся на родину в 1956 году. Но бывшие лагерники и их охранники продолжали вносить свой вклад в развитие (или торможение) японо-российских отношений. Зэк Уно Сосукэ побыл короткое время премьером, часть праха лагерника и политика Мори Сигэки захоронена в России, его сын Ёсиро выбился в премьеры. Подполковник И.И. Коваленко заведовал изданием газеты для военнопленных «Нихон симбун», а впоследствии стал заведовать японскими, а потом и всеми азиатскими делами в международном отделе КПСС. Не сомневаюсь, что лагерный опыт этих людей сказался на характере их деятельности, но эта тема требует специального исследования.

В книгах, изданных в России, привычно указание тиража. В этой книге на русском языке, изданной в Японии, тираж не обозначен. Не знаю, сколько людей прочтут в результате работу Гучиновой. Но я знаю, что любого читателя она не оставит равнодушным и безучастным.

Библиографический список

1. Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР // Slavic-Eurasian Research Center. Hokkaido University, Sapporo, 2016. 220 с. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016/> (дата обращения: 09.04.2017).

Поступила в редакцию 09.04.2017

Автор:

Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор РГГУ и РАНХиГС. E-mail: meshtorop@yahoo.com

About the book “Draw a camp. The language of injury in the recollections about the USSR of Japanese prisoners of war”

A.N. Meshcheryakov

Received 09.04.2017

Author:

Meshcheryakov Alexander N., Doctor of Sciences (History), Professor, Russian State University for Humanities & Russian Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: meshtorop@yahoo.com

Научное издание

Японские исследования
№ 2, 2017

Редактор русских текстов: Е.В. Белилина
Редактор английских текстов: Л.В. Овчинникова
Компьютерная верстка: Т.И. Суркова
Корректор: М.А. Кириченко
Работа с сайтом: О.И. Казаков
Дата публикации: 27.06.2017

Контакты:

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых ИДВ РАН и Ассоциацией японоведов, размещаются в электронных библиотеках со свободным доступом, находящихся на сайтах данных организаций:

www.ifes-ras.ru
www.japanstudies.ru

www.ifes-ras.ru/js

日本研究